

Министерство
образования и науки
Российской
Федерации

«**ИНОЦЕНТР**
(Информация. Наука.
Образование)»

Институт имени
Кеннана Центра
Вудро Вильсона
(США)

Корпорация Карнеги
в Нью-Йорке (США)

Фонд Джона Д. и
Кэтрин Т. МакАртуров
(США)

Данное издание осуществлено в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках», реализуемой совместно Министерством образования и науки РФ, «ИНОЦЕНТРОм (Информация. Наука. Образование)» и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона, при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США). Точка зрения, отраженная в данном издании, может не совпадать с точкой зрения доноров и организаторов Программы.

**Эволюция политической
и правовой культуры России.
Региональные особенности
и влияние европейского фактора**

**Часть 3. Эволюция государственных институтов
как фактор развития
политической и правовой культуры:
историческая перспектива и региональный аспект**

*Ответственные редакторы:
д. и. н., профессор Б. Н. Ковалев
к. и. н., доцент Е. А. Макарова*

Великий Новгород
2006

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор *И. Ю. Козлихин*
доктор политических наук профессор *С. М. Виноградов*

Печатается по решению Совета научных кураторов программы
«Межрегиональные исследования в общественных науках»

Эволюция политической и правовой культуры России. Региональ-
ные особенности и влияние европейского фактора / Отв. ред.
Б. Н. Ковалев, Е. А. Макарова; НовГУ имени Ярослава Мудрого. Ч. 3.
Эволюция государственных институтов как фактор развития политиче-
ской и правовой культуры: историческая перспектива и региональный
аспект. – Великий Новгород, 2006. – 200 с. (Серия «Научные доклады»;
Вып. 3).

ISBN 5–98769–014–5

Для современного российского общества одной из приоритетных задач остается учет национальных особенностей и восприятие мирового опыта в формировании современной политической и правовой культуры. В написании коллективной монографии принимали участие специалисты различного профиля: политологи, юристы, историки, экономисты, что позволило представить многогранность эволюционного процесса политической и правовой культуры России со времен становления русской государственности до начала XXI века.

Третья часть монографии посвящена эволюции государственных институтов как фактору развития политической и правовой культуры. Анализируется процесс становления российского конституционализма; изучаются проблемы государственно-правовой эволюции; раскрывается институционно-деятельностный аспект органов правопорядка; исследуется формирование культуры самоорганизации российского общества и зачатков местного самоуправления; выделяются региональные особенности политической и правовой культуры нашей страны.

Книга представляет собой обобщение опыта исследований российской политической и правовой культуры на основе междисциплинарности и может быть использована в преподавании курсов политической истории стран Запада и России, государственно-правовых, международно-правовых и политических дисциплин.

УДК 32
ББК 66.3(2Рос)6

Книга распространяется бесплатно.

ISBN 5–98769–014–5

- © АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)», 2006
- © Новгородский государственный университет, 2006
- © Новгородский межрегиональный институт общественных наук, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
<i>Аракчеев В. А.</i> Генезис правовой системы Великого Новгорода и Пскова (конец XII – середина XVII вв.)	15
<i>Седунова С. Ю.</i> Экономическая культура Северо-Запада России: исторический аспект	50
<i>Седунов А. В.</i> Правоохранительные органы в контексте политической и правовой культуры русского общества периода Российской империи	65
<i>Алексеева М. А.</i> К вопросу о правовой и политической культуре работников органов охраны государственного порядка и общественной безопасности во второй половине XIX – начале XX веков	85
<i>Яковлева О. А.</i> Государственная Дума Российской империи: особенности становления и развития отечественного парламентаризма	92
<i>Ковалев Б. Н.</i> Проблема становления российского конституционализма.....	108
<i>Туманова А. С., Сафонов А. А.</i> Формирование культуры самоорганизации русского общества (последняя треть XVIII – начало XX вв.)	117

<i>Нижник Н. С.</i>	
Институт семьи и брака: трансформации в контексте государственно-правовой эволюции в первые годы Советской власти	162
<i>Кулик С. В.</i>	
Политическая культура в годы Великой Отечественной войны <i>(на примере антифашистского сопротивления в Северо-Западном и Западном регионах России)</i>	170
<i>Наумова Т. Н.</i>	
Роль правоохранительных органов в формировании правовой культуры в 1970-х годах <i>(на материалах северо-запада РСФСР)</i>	183

Предисловие

Предлагаемый читателю труд посвящен проблемам эволюции политической и правовой культуры. Для современного российского общества одной из приоритетных задач остается учет национальных особенностей и восприятие мирового опыта в формировании современной политической и правовой культуры. Россия, безусловно, является частью европейского политического пространства и анализ восприятия российской политической элитой и общественным мнением страны западноевропейских влияний предполагает изучение инокультурного опыта. Вместе с тем, очевидно, что политическая и правовая культура есть часть общей культуры общества, что предполагает учет национальных и региональных особенностей и исторической традиции России.

Конечно, основное внимание авторов оказалось сосредоточенным на вопросах развития названных практик в России. Но, и это принципиально важно подчеркнуть, предмет исследования в действительности шире. Эволюция политической и правовой культур в России рассматривается как весьма своеобразный, характеризующий именно практику страны путь, однако авторы стремятся обнаружить и показать связи правовой и политической культур в России с политическими и культурными стандартами в Европе. Разумеется, и для самой Европы, как и всего мира, характерны культурные различия. Но было бы принципиально неверным замыкаться на анализе только культурных различий, культурного своеобразия той или иной страны. Бесспорно, культурных универсалий, даже сегодня, не так уж много («не убий», запрет кровосмешения), однако между различными

культурными и политическими практиками возможно сходство и даже элементы подобия. В целом же, анализ культурных различий и сходств оправдан и полезен еще и тем, что именно в ходе сравнительного исследования добываются сведения, которые могут оказаться чрезвычайно полезными для развития и укрепления связей между странами. Сегодня вряд ли кто будет спорить с тем, что и бизнес? и политика, реализуемые в данной стране представителями другой, обречены на провал, если не учитываются ее культурные и политические стандарты. Поскольку одни и те же организационные формы, господствующие в современном мире, например капитализм в экономике или демократия в политике, совершенно по-разному проявляются и действуют в контексте разных (локальных) культур. При этом локальная культура может оказывать сопротивление (этноцентризм) или встать на путь толерантности (второе вовсе не означает непереносимые и существенные потери для локальной культуры).

При рассмотрении проблем эволюции политической и правовой культур авторы стремились избежать упрощенных подходов, утверждающих неизбежность и неотвратимость социальных изменений, их как бы заданность по определенному сценарию, и внимательно отнеслись к роли активной человеческой деятельности. В качестве рабочего было принято следующее определение: под социальной эволюцией необходимо понимать любые необратимые перемены социальной системы, рассматриваемой как целостность. Если в какой-либо системе (обществе, его подсистемах) возникают новые составные элементы либо возникают новые отношения между составными элементами системы или исчезают ранее существовавшие отношения, то можно полагать, что система изменяется. Если изменения, происходящие в какой-либо подсистеме общества, приводят к дифференциации и обогащению ее состояния (составных элементов), то тогда все это означает, что подсистема эволюционирует (развивается).

Известно, что существует множество различных определений культуры. Американский социолог Клайд Клакхон собрал более двухсот дефиниций культуры, которые составили целый том. Сам он определял культуру как исторически сложившуюся систему способов жизни, которую склоны разделять и поддерживать все члены общества. Это интересная и, с точки зрения социологического взгляда, возможно, наиболее приемлемая дефиниция. Однако это определение оставляет в тени такие важные характеристики культуры, как произведенные умом и руками человеческими предметы материального порядка, в которых оказывается представленным существо (логос) человеческого (коллективного) существования.

Культура – это всегда результат напряженной работы человеческого духа, причем это такая напряженная работа духа, которая может состояться только в условиях социума, коллектива. Э. Дюркгейм, раскрывая природу культуры, писал, что когда индивиды не остаются обособленными друг от друга, а вступают в тесные взаимоотношения, активно воздействуют друг на друга, из их синтеза (взаимоотношений) рождается психическая жизнь особого рода. Она отличается от той жизни, которую ведет одинокий индивид, прежде всего своей особой интенсивностью. Чувства, рождающиеся и развивающиеся в группах, обладают энергией, которой никогда не достигает чисто индивидуальные чувства. У человека, испытывавшего их, возникает впечатление, что он находится во власти сил, которые ему не принадлежат, управляют им. Он чувствует себя как бы перенесенным в мир, отличный от того, в котором протекает его частная жизнь. Существование в ней не только более интенсивно, оно отличается качественно. Увлекаемый группой, обществом, индивид забывает о себе, отдаваясь общим целям. Именно в моменты эмоционального возбуждения такого рода во все времена создавались великие идеалы, ценности, на которых базируется цивилизация.

Н. А. Бердяев писал, что культура во всех ее проявлениях, есть, прежде всего, культура духа, любая культура имеет духовную основу – она есть продукт творческой работы над природными и социальными стихиями. Во всех явлениях культуры мы всегда найдем воплощение какой-нибудь признанной человеком ценности, ради которой эти явления созданы, или, если они существовали ранее, возделаны человеком. Если иметь в виду культуру в высшем смысле этого слова, речь должна идти не об объектах простого желания, но о благах, к оценке которых или к работе над которыми мы чувствуем себя более или менее нравственно обязанными в интересах того общественного целого, в котором мы живем.

Культура – это то, что обеспечивает не только чувственное удовлетворение или наслаждение, но и слаженные действия множества людей в обществе. И в этом смысле культура, культурные правила – залог единообразия человеческой практики, ее интерпретации людьми.

Отмеченное не следует понимать в том смысле, что культура есть нечто застывшее, раз и навсегда заданные алгоритмы мышления или поведения людей в обществе. Культура сопровождает и в определенной степени даже обеспечивает динамику социальной жизни. И поскольку социальная жизнь не стоит на месте, то способны изменяться и культурные стандарты, реагируя на эволюцию существа коллективной жизнедеятельности и тем самым как бы провоцируя позитивные изменения в обществе.

Культура прежде всего представлена нравственностью, религией, правом, политикой, т. е. культура включает в себя нравственные, религиозные правовые и политические ценности и нормы, а также материальные блага, произведенные членами общества.

Ценности (культурные) помогают выбору и постановке целей, объяснению смысла человеческого существования и жизнедеятельности. Нормы содействуют выбору адекватных способов, методов движения к намеченным целям.

Политическая культура – часть общей культуры общества. Поэтому в политической культуре воплощается осмысленный, усвоенный и овеществленный опыт взаимоотношений общества, личности и властных структур, востребованный в конкретной исторической ситуации. Политическая культура исторически и социально связана с политической традицией, системой ценностей, идей и особенностей политического поведения, обеспечивающих преемственность политической жизни общества. Она формируется и проявляется в процессе политической жизни.

Сравнительно-исторический подход к изучению политических культур предполагает как выявление национальных особенностей институтов даже однотипных политических культур, так и обусловленных национальным историческим опытом способов интеллектуального осмысления мира, традиций и привычек, закрепленных в культуре и языке (менталитета).

Политическая культура, какое бы ее определение мы не принимали, в любом случае является сложной системой, существующей в определенных временных и пространственных координатах, которые необходимо учитывать в ее исследованиях. Основными пространственными координатами культуры являются: степень ее распространения – в региональных, национальных или цивилизационных границах; полнота и формы реализации типологических признаков; упроченность в этническом менталитете и характер проявлений на уровне личностной ментальности.

Внесение (поддержание) единства в практику людей, слаженности и лада в действия людей, все это – едва ли не основная функция культуры. При этом возможно как разнообразие, так и появление новых культурных правил. Право, как составляющая культуры, выполняет такую функцию, служит этой цели. Искать характеристики эволюции правовой культуры – значит проследивать, насколько успешно право реализует обозначенную выше основную функцию культуры. Говорить о правовой культуре, ее эволюции означает необходимость показа того, как потенциал права все более разнообразно и качественно реализуется в этом направлении, т. е. в обеспечении единообразия в мотивации и выборе моделей поведения,

слаженности во взаимодействиях людей, в их интерпретациях правовых ценностей и социальной практики.

Таким образом, можно думать, что культура является одной из форм, в которой в той или иной мере оказывается представленной культура общества. Согласие с таким выводом требует при исследовании правовой культуры соблюдения методологического принципа: изучение правовой культуры должно опираться на базовые понятийные характеристики культуры общества.

С другой стороны, важно констатировать теснейшую связь правовой культуры с правом, понимать эту связь в том смысле, что интерпретации правовой культуры в отрыве от состояния законодательства, юридических отношений, правового персонала, «обычных» субъектов права оказываются пустыми и потому безжизненными. И прежде всего потому, что те или иные свойства, характеристики законодательства, субъектов права способны выступать элементами самой правовой культуры. В этом смысле правовая культура способна пронизывать правовые явления, представлять социально-качественную сторону их существования и функционирования.

Правовая культура, это, прежде всего правовые ценности (права человека, идея конституции, идея юридической определенности личности и др.), которые обеспечивают выбор и постановку целей; нормы, которые помогают выбору адекватных способов, методов преследования намеченных целей. Откуда, однако, они берутся, эти самые ценности и нормы? Очевидно, что не спускаются с неба, они должны быть произведены самими людьми, их объединениями. Выработка названных выше и иных ценностей (например, идеи конституции и самой конституции) свидетельствует об эволюции правовой культуры в человеческом обществе. Понятно, что одни общества преуспели в этом направлении больше, другие меньше, третьим пока вообще не удалось чего-нибудь в этом направлении добиться. И это одно из важнейших направлений эволюции правовой культуры (выработка, производство правовых ценностей и норм).

Если говорить о России, то в историческом плане можно, пожалуй, говорить о производстве нескольких идей (эволюции правовой культуры). Во-первых, идея юридической определенности личности (Россия просто выстрадала эту идею, в ее же реализации она пальму первенства уступила). Во-вторых, идея С. А. Муромцева, которая еще полностью не оценена и не востребована. Речь идет о том, что гражданско-правовой порядок есть ступень в последовательном развитии социального порядка вообще.

Эволюция политической и правовой культуры может выражаться в усвоении, например, идеи парламентаризма и профессионального законо-

творчества. Что, собственно, можно наблюдать сегодня и в нашей стране. И это, пожалуй, наиболее очевидное и чрезвычайно важное развитие правовой культуры.

Однако далеко не каждый день рождаются и утверждаются значительные правовые идеи-ценности. Поэтому, чтобы понять эволюцию правовой культуры, так сказать, во всех аспектах, необходимо обратиться к практике реализации культуры, культурных стандартов. Это чрезвычайно важный второй аспект, который может показать насколько, в какой мере субъекты права, действуя, реализуют (или торпедируют) выработанные и даже отвоєванные правовые ценности. И если те или иные правовые ценности и нормы можно получить (скажем, у прежних поколений) или разумно позаимствовать у других практик, то реализацию культурных правил позаимствовать нельзя. Ее надо выработать. Эволюция правовой культуры, вообще судьба правовой культуры зависит именно от практик реализации правовых ценностей и норм.

В этом смысле сегодня в нашей стране можно найти позитивные сдвиги и можно говорить об эволюции политической и правовой культуры. Например, Конституция РФ, с ее пусть и несколько расширенным порядком прямого действия ее норм, нотариальная практика, обеспечивающая реализацию важных правовых ценностей и норм. В какой-то мере можно говорить об эволюции правовой культуры в сфере адвокатской практики.

Но в значительно большей мере юридическая практика тормозит или искажает осуществление правовых ценностей и норм и тем самым сдерживает эволюцию правовой культуры в нашей стране. Причем в этой роли выступают не только профессиональные юристы и чиновники, скажем, судьи, но и сами граждане. Именно в этом случае единство, единообразие, в смысле следования каждым единым правилам игры, установленным законом, претерпевают самые серьезные испытания ... и не выдерживают их. Бесчисленное множество примеров лежит буквально на поверхности. Что касается граждан, то самыми серьезными бастионами здесь выступают правовой нигилизм и буквально повальное уклонение, нежелание людей вкладывать себя, тратить свою энергию в предусмотренную законом форму защиты собственных субъективных прав и свобод, которые оказались нарушенными.

Нет сомнений в том, что в российской политической и правовой культуре были и остаются характеристики, интенсивность проявления которых, в общем-то, не характерна для западной цивилизации. Юридическая неопределенность личности в течение многих веков в России, страна значительно позднее западных стран вступила на путь конституционного

развития, профессиональное правосудие, да и юридическая наука, появляются в России также с большим опозданием, тотальный правовой нигилизм и др. Признавая все это, зададимся, однако, вопросом: разве в Западной Европе не было и нет правового нигилизма? Разве правосудие, возникшее там на несколько веков ранее, нежели в России, уже «возделало» справедливость и воздает каждому по справедливости? Разве на Западе, даже сегодня, проблема уважения к своим правам, нацеленности на их использование и защиту, а также уважительного отношения к правам другого, разве все это уже пройденный этап? И каждому французу, немцу, итальянцу сегодня вполне присуще чувство должного права и ясное ощущение правового идеала? А также убежденность в том, что все должно происходить (и происходит) в соответствии с правом (законом)?

Материалы проведенных на Западе исследований вряд ли можно рассматривать как однозначно подтверждающие положительный ответ на поставленные выше вопросы. В них можно обнаружить выводы, согласно которым общественно полезные, служащие основой социального порядка, «очевидные» функции права остаются для субъектов права латентными. За счет того, что на передний план право выступает в образе, отдаленном от повседневной жизни и практики, противостоящем человеку как непонятный, а потому недоступный, отчужденный порядок, как судебный приговор, как язык бюрократии.

Именно поэтому имеются определенные основания для вывода о том, что подходить к политической и правовой культуре России как имеющей разительные отличия от аналогичной культуры западных стран достаточных оснований нет. Все дело в особой интенсивности проявления в ее правовом развитии некоторых факторов, тормозивших длительное время такое развитие. Что не могло не сказываться на эволюции правовой культуры не только населения, но и власти. Но это также может означать, что перспектива правового развития у страны более очевидная и, по видимому, более определенная.

В написании коллективной монографии принимали участие специалисты различного профиля: политологи, юристы, историки, экономисты, что позволило представить многогранность эволюционного процесса политической и правовой культуры России со времен становления русской государственности до начала XXI века. В создании книги принимали участие не только отечественные авторы, но и ученые из университетов других государств (Республики Беларусь и Латвии). Это позволило рассматривать поставленную проблему не только в темпоральном, но и в пространственном аспекте.

В первой части монографии авторы выявляют истоки политической и правовой культуры России и Запада (Н. Д. Козлов, В. А. Ачкасов), социально-политические и социокультурные факторы ее эволюции (С. А. Ланцов, Н. А. Васильева), анализируют пути и формы изучения восприятия, трансляции, трансплантации и использования инокультурного опыта в российской политической и правовой культуре (И. В. Якубовская, Е. А. Макарова, Р. А. Кулагин, И. Н. Барыгин), выделяют факторы, детерминирующие правовое сознание как основы эволюции правовой культуры (О. Н. Мигущенко)

Влияние европейского фактора на формирование и развитие постсоциалистического общества (тематика второй части монографии) исследуется через изучение правовых основ интеграции нашей страны в Европу (А. С. Карцов, В. В. Войников, С. А. Осипова), влияния международно-правовых обязательств России и практики европейских организаций на систему российского права (В. В. Грохотова, Г. В. Моховикова, А. В. Клемин), а также отдельных аспектов реформирования законодательной и судебной системы постсоциалистических государств (А. Н. Пугачев, Я. Ладзиньш, В. С. Соркин)

Отдельный раздел представленной работы (третья часть) посвящена эволюции государственных институтов как фактору развития политической и правовой культуры. Анализируется процесс становления российского конституционализма (Б. Н. Ковалев, О. А. Яковлева), изучаются проблемы государственно-правовой эволюции (Н. С. Нижник) раскрывается институционно-деятельностный аспект органов правопорядка (А. В. Седунов, М. А. Алексеева, Т. Н. Наумова), исследуется формирование культуры самоорганизации российского общества и зачатков местного самоуправления (А. С. Туманова, А. А. Сафонов); выделяются региональные особенности политической и правовой культуры нашей страны (В. А. Аракчеев, С. Ю. Седунова, С. В. Кулик).

Представленная коллективная монография «Эволюция политической и правовой культуры России. Региональные особенности и влияние европейского фактора» представляет собой обобщение опыта исследований российской политической и правовой культуры на основе междисциплинарности и может быть использована в преподавании курсов политической истории стран Запада и России, государственно-правовых, международно-правовых и политических дисциплин.

*Ю. И. Гревцов
Е. А. Макарова*

В. А. Аракчеев
Генезис правовой системы
Великого Новгорода и Пскова
(*конец XII – середина XVII вв.*)

В современной историко-правовой литературе назревает понимание необходимости тесной интеграции исторических и историко-правовых исследований. Историю государства на Руси изучают и историки, и историки права, но, пожалуй, именно в исследовании государственно-правовых институтов средневековой России выявляется ограниченность монодисциплинарного подхода. И наоборот, междисциплинарный подход позволяет привлечь к исследованию методы исторической и лингвистической критики и откорректировать многие, ставшие расхожими, представления. Ведь историческое понятие имеет смысл только тогда, когда оно описывает конкретное, ограниченное местом и временем, фактически имевшее место поведение людей. Только объединяя историзм, с одной стороны, и строгость метода и точность терминологии юристов, с другой, можно выявить общее и особенное в национальной системе государства и права¹.

В учебных пособиях проблема государственного строя средневековых Новгорода и Пскова, как правило, рассматривается статично. Институты вечевого строя (вече, посадники, тысяцкий, сот-

ские), равно как и институт княжеской власти, представлены в том состоянии, в котором их застал XV в. Реалии этого последнего столетия вечевой государственности экстраполируются на предыдущие столетия, из-за чего создается во многом искаженный образ «феодальных республик», напрочь лишенный динамизма. Резко, но объективно охарактеризовал подобный подход В.Л. Янин, заметивший, что авторы «Очерков истории СССР» «не смогли сказать ничего существенного о результатах развития новгородской государственности за двести лет, отделяющие середину XII в. от середины XIV в.»².

В данном разделе мы излагаем результаты собственных исследований истоков правовой системы Великого Новгорода и Пскова, известной по памятникам XV в., и прослеживаем эволюцию государственно-правовой культуры Северо-Запада Руси до середины XVII в. – времени прекращения деятельности земских соборов и становления абсолютизма. Последняя дата вполне обоснована тем очевидным обстоятельством, что она является рубежом в истории развития и государственных институтов, и правосознания общества. С середины XVII в. правительство окончательно нивелирует региональные особенности, проявившиеся в системе самоуправления, и северо-западные русские земли становятся типичным регионом единого государства. Совокупность документальных и повествовательных источников позволяет поставить вопросы, существенно важные для познания истории государства и права России. Это проблема генезиса государственно-правовой системы Новгорода и Пскова, специфики политического и общественного строя этих городов, положения и статуса сельского населения, эволюции городских общин в общенациональном государстве XVI–XVII вв.

* * *

Вопрос о происхождении государственно-правовой системы Новгорода и Пскова тесно связан с социально-политической историей этих городов в XII–XIV вв., в частности, с выявлением того рубежа, начиная с которого эволюция государственных и правовых институтов Новгорода и Пскова идет асинхронно, приведя в конечном итоге к кристаллизации специфических для каждого города форм права. В.Л. Янин считает, что основные нормы древнерусского судебного процесса получили отражение в Псковской судной

грамоте³. Ее текст существенно важен для понимания эволюции политической и правовой культуры вечевых городов, и с его анализа мы начинаем исследование.

Псковская судная грамота была принята «всем Псковом на вечи» в 1460-х гг. Как назывался этот кодекс? В заголовке памятник именуется «ся грамота», и по аналогии с другими сводами законов XIV–XV вв. первые публикаторы назвали его Псковской судной грамотой. Но, по всей видимости, современники именовали его иначе. В самой грамоте судьям предписывалось судить, «взирая в Правду», а в договоре литовского князя Казимира с Псковом 1440 г. литовских купцов предписывалось судить «по Псковской Правде». По мнению Л.В. Черепнина, «одно из значений термина *правда* – судебник, сборник правовых норм, на основе которых производится суд»⁴. Итак, наиболее вероятное название псковского кодекса, употреблявшегося современниками, – «Псковская Правда». Она оставалась действующим сводом законов до 1510 г., когда Псков был присоединен к Москве.

Псковская судная грамота возникла на основе предшествующего законодательства. В Пскове хорошо знали свод законов Древней Руси – «Русскую Правду». Но «Русская Правда» – это кодекс, созданный князьями для нужд собственного суда. В Пскове уже в XIII в. сложилась ситуация, когда князь был по отношению к городу внешней силой: князей призывали из Литвы, из Северо-Восточных земель Руси. Ведущую роль в Пскове стала играть городская община, и ее интересы учитывали самые могущественные русские князья.

Александр Невский, освободивший Псков от ливонских рыцарей в 1242 г., дал городу первую судную грамоту. Видимо, она была краткой и лишь в самых общих чертах определяла пределы княжеского суда. Обыденная жизнь псковичей до поры до времени регулировалась обычным правом – «пошлинами», то есть обычаями, шедшими из старины. В 1397 г. на основе Правды великого князя Александра и «псковских пошлин» был создан грандиозный свод законов, подобного которому тогда не имели другие русские города. В дальнейшем Псковская судная грамота неоднократно дополнялась новыми постановлениями: последняя редакция относится к 60-м годам XV в.⁵

Псковская судная грамота была направлена на защиту интересов рядового «псковитина», который стоял в центре внимания за-

конодателей. «Правда» изображает горожанина в самых разных ситуациях: на рынке, в семье, на пиру, вводит нас в круг его интересов и мировосприятия. Образно говоря, Судная грамота – это путеводитель по средневековому Пскову. Конечно, он неполон, отражает главным образом юридические казусы, но все же попытаемся через призму «Псковской Правды» посмотреть, как жили псковичи. В эпоху средневековья человек был немыслим вне корпорации: без покровительства государя, общины или боярского клана он существовать не мог. Человек, порвавший с общиной или отчим домом, неизбежно входил в социальные отношения, регулировавшиеся правом.

Можно было пойти наняться на работу к соседу, посаднику или торговцу, причем права наемного работника («наймита») хорошо защищались законом. Даже если работник не выполнял оговоренный объем работ, он мог публично требовать от государя оплатить ему сделанную работу. Многие нанимались в «кочетники» (рыболовы), но промысловый лов рыбы – занятие профессионалов, требовавшее большой лодки и невода. Необходимо было идти на поклон к государю, брать у него «покруту» – лодку, рыболовные снасти – и работать весь сезон до Филиппова заговенья (14 ноября). До половины всего улова следовало отдавать государю. Наконец, можно было пойти в «изорники» (пахари) или огородники⁶. Изорникам посвящены 16 статей Судной грамоты, но о них нет упоминаний ни в актах, ни в летописях, поэтому проблема статуса сельского населения в Псковской земле оживленно обсуждалась в исторической науке⁷. Изорник, огородник и кочетник – экономически зависимые люди. Изорник отдавал за обрабатываемую им землю «оромину» – долю урожая, составлявшую $\frac{1}{4}$, иногда $\frac{1}{2}$ часть. Владелец земли – посадник или монастырь – часто давал изорнику, кроме права на пашню, еще и «покруту» (ссуду). Это могли быть деньги, орудия труда, рабочий скот, жилье.

Изорник все же не был бесправным работником. Во-первых, он был защищен от произвола государя-землевладельца договором (записью). Во-вторых, изорник имел право ухода от государя («отрока») после уплаты повинностей и расчета по покруте в Филиппово заговенье (14 ноября): «А которой государь захочет отрод дати своему изорнику или огороднеку, или кочетнику, ино отрок быти о Филиппове заговеине, такоже захочет изорник отречися с села, или огороднику, или кочетник, ино тому ж отроку быти, а иному отро-

ку не быти, ни от государя, ни от изорника, ни от кочетника, ни от городника, а запрется изорник или огородник, или кочетник отрока государева, ино ему правда дать, а государь не доискала четверти, или огородной части, или рыбной части» (ст. 42).

В этой статье акцент сделан не на желании изорника уйти с земли государя, а, наоборот, на намерениях государя «выбить» изорника со своей земли. Заключительная часть статьи и моделирует ситуацию, когда «изорник запирается отрока государева», то есть отказывается уходить со своего «седенья», и, доказав в суде свою правоту, имеет право не платить государю «оромину» – четвертую часть урожая. Думается, что ст. 42 не может быть свидетельством того, что псковских крестьян лишали «свободы передвижения»⁸. Термин «изорник» существовал до начала XVI в. Так, в расходной книге псковской церкви Успения с Пороменья за 1531 г. имеется следующая запись: «Дали 30 денег и 2 денги на хлеб и на рыбу и на мясо, как изорники приезжали к житнице с хлебом»⁹. В дальнейшем, однако, псковский по происхождению термин «изорник» вытесняется общерусским «крестьянин».

Торговый человек – чаще всего встречающийся персонаж Псковской судной грамоты. Псков был крупным центром внутренней и международной торговли, которая велась вне пределов узкого слоя знающих друг друга людей; для обеспечения прочности сделки поруки соседей было уже недостаточно. В повседневном обороте большого торгового города все большее значение стали приобретать формальные гарантии, когда сделка подтверждалась актом. Он мог иметь вид «доски» – неоформленной записи частного характера, или «рядницы» – документа, прошедшего процедуру формального утверждения. Особенно важное значение документирование отношений приобретало в торговле. Большинство коммерческих операций осуществлялось путем складничества – организации торгово-промышленной компании путем кредитования. Как следует из статей 32 и 38 Псковской судной грамоты, на досках обозначалась стоимость предоставленного в кредит товара, и именно таким образом заключался договор. После завершения сделки оформлялась рядница, где указывалось, что торговая операция завершена, и ни кредитор, ни его контрагент не имеют претензий друг к другу¹⁰.

Нотариального заверения документов средневековый Псков не знал, но с «записи» обычно снимали копию, которую сдавали в ар-

хив при Троицком соборе. В случае суда такой официально оформленный документ был наиболее верным способом выиграть дело. В «Псковской Правде» нет развернутых постановлений о заключении сделок при купле или обмене движимого имущества; видимо, в подавляющем большинстве случаев дело регулировалось нормами обычного права. Но дважды в тексте грамоты встречаются постановления на сей счет. Как поступать, если сделка совершена в пьяном виде? «А кто с кем на пьяни менится чем, или что купит, а потом проснется, и одному истцу не любо будет, ино им размениться».

Таким образом, закон стоит на страже интересов рядового псковитина, которого во время совершения сделки могут умышленно подпоить, стремясь вовлечь в невыгодную операцию. Такой же незадачливый покупатель представлен и во втором случае, когда ему «за слюблено» (по сходной цене) подсунули большую корову. Закон обязывает вернуть бракованное животное продавцу, а покупателю – деньги. Мелкие споры в Пскове стремились решать полюбовно, миром, но ситуация менялась, когда возникал спор по крупным гражданским делам. Тогда в дело вступала высшая судебная инстанция – Господа.

Псковская судная грамота содержит и нормы уголовного права. Трудно даже приблизительно оценить масштабы уголовной преступности в Пскове. Нормы уголовного права были предельно жесткими, особенно сурово наказывалось воровство. К вору, совершившему преступление в первый раз, и даже повторившему его, закон относился лояльно: вора предписывалось «казнить по его вине», то есть наказать согласно совершенному преступлению, заставив возместить ущерб потерпевшему. Но если человек совершал преступление в третий раз, предполагалось, что он неисправим, и закон предусматривал лишить его жизни: «живота ему не дати»¹¹.

Псковская судная грамота сделала громадный шаг вперед в понимании государственного преступления. В Древней Руси, где государство отождествлялось с князем как его главой, закон знал только преступления против конкретного лица или имущества. Псковские законодатели впервые в истории русского права пришли к осознанию абстрактного понятия государства и преступления против него. К числу опаснейших преступлений Судная грамота относила воровство из Кремля и измену – «перевет». Оба преступления карались смертью. Далекое не случайное обстоятельство тот факт, что именно законодательство вечевого города выработало понятие государст-

венного преступления: ведь в законодательстве Новгорода и Пскова власть князя осмыслялась как элемент государства, но не отождествлялась с ним.

Особо опасными преступлениями считались также конокрадство и поджигательство, каравшиеся смертью. Актуальность борьбы с конокрадством объясняется легкостью кражи лошадей, которых было трудно идентифицировать даже в случае поимки воров. Не случайно в недавно обнаруженной в Таллинне грамоте князя Ярослава и псковских посадников 1486/1487 г. речь идет как раз об украденных лошадях, конфликт из-за которых обсуждался на высшем государственном уровне¹². Прочие уголовные деяния наказывались довольно мягко, и преимущественно денежными штрафами. Как считает Ю. Г. Алексеев, в Пскове в качестве кодекса законов об убийстве использовались известные статьи Пространной редакции «Русской Правды». Этим обстоятельством объясняется факт, что тема убийства как таковая остается вне рамок вечевого законодательства.

Судебная система Пскова была основана на дуалистическом принципе – представительстве княжеской и вечевой власти: «При участии князя решаются все уголовные и наиболее важные гражданские дела». Менее важные, видимо, рассматривались княжеским судебным аппаратом, состоявшим из его холопов. В летописях неоднократно отмечается отъезд князя-наместника из Пскова с челядью: «...князь Александр поеха изо Пскова с всею челядью своею на Москву»¹³. Система княжьего управления была построена по иерархическому принципу, свойственному феодальному обществу. Сам псковский князь был наместником Великого князя Московского; в пригороды же Псковской земли назначались наместники псковского князя из числа его людей.

В Псковской судной грамоте отразились все эти уровни суда: начиная с княжьего человека, «которому ... ехат на пригород наместником», и заканчивая самим князем, «на сеньях» у которого происходит суд. Низший суд в Псковской земле проходил на местах – в городских сотнях и пригородах – без участия самого князя. Суд на местах судили мелкие городские и княжеские чиновники: в пригородах наместники, в губах – волостели или «губские» старосты. Закон предусматривал борьбу с вымогательством («посулами») судей: подобные действия приравнивались к грабежу¹⁴.

Грамота провозглашала формальное равенство и представительский аппарат, и регалий княжеской и вечевой власти. Это проявляется в ст. 49, из которой видно, что княжеский судебнопольцейский агент легко мог быть заменен «псковитином», и в ст. 50, где устанавливается равная правовая сила княжеской и Троицкой, то есть вечевой, печати. Право вынесения смертных приговоров имел только высший суд – Господа, и в случае покушения местных судов на его прерогативы население пригородов подвергалось денежным взысканиям. Так, в 1476 г. жители Опочки «оузвели татя коневого, а без повеления псковского». Казнь конокрада, предусмотренная в Псковской судной грамоте и осуществленная властями пригорода, была признана превышением их судебной компетенции. На Опочку наложили контрибуцию – «продажу» в размере 100 рублей¹⁵.

Судебная власть князя уравнивалась судом посадника: именно эти два должностных лица судили «оу князя на сенех». Однако посадник не мог быть личным представителем в суде: «А всякому посаднику за друга ему не тягаться...». Закон предусматривал участие посадника в качестве заинтересованного лица только в делах, касавшихся его лично, или церковной общины, в которой он был старостой: «тягаться» ему было разрешено за свое «орудия или где церковное старощение держит, ино им волно тягаться»¹⁶.

«Тяжба» проходила в закрытом помещении – «в сенях», или «в судебнице», охранявшихся двумя приставами, которые назывались подверниками. Ст. 58 прямо запрещала присутствие в судебной палате помощников истцов – пособников, за исключением нижеперечисленных случаев: «А на соуд помочю не ходити, лезти в судебницу двема сутяжникома, а пособников бы не было ни с одной стороны, опричь женки, или за детину, или за черньца или за черницу, или какой человек стар вельми или глух, ино за тех пособнику быти». Из текста видно, что лишь женщина, несовершеннолетний (детина), монах или дряхлый старик могли пользоваться услугами помощников. Вынесенное судом постановление было обязательно к исполнению. В тех случаях, когда не хватало объективных фактов для вынесения приговора, предписывалось решать дело судебным поединком – «полем».

Судебный поединок в феодальном обществе был универсальным способом вынесения приговоров как в гражданском, так и в уголовном процессе. При неразвитости судебного следствия явных

доказательств часто не хватало, поэтому дело решалось «Божьим судом» и отдавалось на волю случая. Детальное описание судебного поединка дано в ст. 37 Псковской судной грамоты. «А которому человеку поле будет с суда, а став на поле истец поможет своего исца, ино ему взять чего сачил на исцы, а на трупю кун не имати, толка ему доспех сняти, или иное што, в чем на поле лезет, а виноватому платити княжа продажа, и приставное двема приставом толка побьются по 6 денег, а толка прощение возмут, ино приставом по 3 денги, а князю продажи нет, ож истец чего не возмозжет»¹⁷. Из текста видно, что оба истца в присутствии судебных приставов сходились в бою, и победа в поединке означала выигрыш дела. Поединок мог завершиться и смертельным исходом, но в этом случае победитель не получал денег по тяжбе, он мог лишь снять с убитого доспех и одежду. Таким образом, закон прямо не запрещал смертельный исход на поединке, но косвенно ставил убийцу в невыгодное положение. Если победитель хотел получить имущество, из-за которого шел процесс, то он не должен был доводить дело до смерти противника.

Проблема соотношения ранних форм права, известных из берестяных грамот, и поздних форм, известных из Псковской судной грамоты, была впервые поставлена Л. В. Черепниним, который провел систематическое сопоставление этих источников и резюмировал его результаты: «Правовые нормы, действовавшие в Пскове и Новгороде, были весьма близкими, и эта близость дает возможность использовать новгородские берестяные письма для более углубленного комментирования Псковской судной грамоты, а на основе последней понять содержание ряда берестяных текстов»¹⁸.

Древнейшим правовым институтом, зафиксированным в грамотах, является порука, известная из статей 32 и 33 Псковской судной грамоты: «А которой человек поручится за друга в серебре, а имет тот человек сочить на поручнике своего серебра, и тот истец, проком рука дана вымет против своего истца рядницу, а молвит так: аз брате тебе заплатил то серебро за тою рукою, а оу мене и рядница што ему не сочить истцу на исце того серебра, ни на поручники, инотая порядня повинить, аже в лары не будет в тыж речи, а исцу знати поручника в своем серебре, по ком руку дал. А поруке быть до рубля, а болши не быти рубля»¹⁹. Порука – специфическое явление русского средневекового права, дожившее в уголовном процессе до XVI в. Порука в имущественных делах известна из Смоленского договора

1229 г., и Ю. Г. Алексеев возводит происхождение этого института «во всяком случае к первым десятилетиям XIII в.»²⁰ Л. В. Черепнин исследовал институт поруки по грамоте XIV в.²¹

В новгородских берестяных грамотах поручитель впервые упомянут в документе 60–70-х гг. XII в., написанном неким Судишей: «Вот Жадко послал двух ябетников, и они ограбили меня за братний долг. А я не поручник (за брата) перед Жадком»²². Наиболее информативным документом для исследования поруки в гражданских делах является грамота № 531, относящаяся к рубежу XII–XIII вв. – самая большая из известных берестяных грамот, подвергнутая детальному разбору А. В. Арциховским и В. Л. Яниным²³. Грамота представляет собой частное письмо, написанное обвиненной в неправомерном обогащении женщиной по имени Анна. Некто Константин поручил свои деньги для отдачи в рост неназванному по имени зятю Анны. В его отсутствие дочь Анны самостоятельно давала деньги под проценты, и, хотя Анна не поручалась за нее, Константин обвинил их в сговоре, назвав «коровою» и «блядею».

Константин вызвал обвиненных им людей на погост для официального вызова на суд, что тоже соответствует описанной в Псковской судной грамоте процедуре: «А которой позовник пойдет исца звати на суд, и той позванный не поидет на погост к церкви позывницы чести, или стулится от позывницы, ино позывница прочести на погосте пред попом...»²⁴. Письмо начинается с просьбы Анны «попечаловаться о моем орудье Коснятиноу»²⁵. «Орудьем» в Псковской судной грамоте называется судебное дело, упомянутое в ее 6 статье: «А которой посадник слезет степени своей, орудиа и судеове самому оуправливати...»²⁶. Эти соответствия наглядно свидетельствуют о древности норм права, фиксируемых в Псковской судной грамоте, а институт поруки скорее всего берет начало в «пошлине» – нормах обычного права, характерных для Новгорода и Пскова по меньшей мере с XII в.

Если в грамоте № 513 порука лишь предполагалась истцом, то в акте № 510 порука – реальный факт. Грамота по предположению публикаторов представляет собой начальную часть судебного протокола: «Се стал Коузма на Здылоу и на Домажировица. Торговала еста селом без меня. А я за то село поручник. И розвели есть челядь, и скотиноу, и кобыл, и рожь. А Домажир побегл, не откупив (село) у Вячеслава из долгоу...»²⁷. Очевидно, что владевший селом Домажир является должником Вячеслава, причем поручителем за

его долги является Кузьма. Обнаружив, что Домажир заключил сделку о продаже села Здылу, Кузьма и подал иск в суд. Возможно, Домажир даже заложил село Кузьме, который посредством суда пытался соблюсти свои имущественные интересы. Порука упоминается и в поздних новгородских берестяных грамотах XIV в.: «Что Олекса Колбинец дал поруку в кунах, чтобы дать куны на Петров день...»²⁸, и в модифицированном виде оказалась представлена в Псковской судной грамоте.

Вторая норма права, восходящая к древности – «кормля» – пользование недвижимостью без права ее продажи. Ю. Г. Алексеев полагает, что «институт кормли – новое социальное явление, которое свидетельствует о развитии нового права земельной собственности, принципиально отличающегося от старого патриархального права, основанного на обычае и продолжающего господствовать в крестьянской среде»²⁹. Новгородская берестяная грамота № 227, относящаяся к 60–70-м гг. XII в., не содержит термина «кормля», но еще Л. В. Черепнин сопоставил ее с данной грамотой середины XV в., в которой завещатель Андрей Иванович предписал зятю Герасиму «кормити до мужа» своего сына и дочерей³⁰. Берестяной документ чрезвычайно сложен для анализа, поскольку сохранился в фрагментированном виде и представляет собой частное письмо, для которого не характерна точная терминология. Автор предписывает своей матери «седети» на земле вместе с женой Давыда, тем не менее предупреждая ее, чтобы она не считала себя «пьющей-едящей» с этой земли. Если же она «возьмет суд», то сможет по суду «сеядши, честь имать, пьюще-едяще с Давыдовой» женой. А. А. Зализняк полагает, что выражение «пить-есть» вполне может означать «кормиться»³¹. В таком случае, мы располагаем древнейшим свидетельством о зарождении института «кормли» – обеспечения родственников или свойственников доходами с земли «до их живота», без права последующей продажи.

В грамоте № 141, датируемой 60–70-ми гг. XIII в., упоминается также хорошо известный из Псковской судной грамоты институт – «сблюдение» – хранение чужих вещей за плату. «Оу Сидора, оу Тадоуя, оу Ладопги положили Гришка с Костою а во таболахо. А Гришки кожюхе, свита, сороцица, шяпка. А Костина свита, сороцица. А тоболи Костини, а сопоги Костини, а другии Гришки. А цто ся подите на Мовозери, приславши възмете»³². Л. В. Черепнин сопоставил берестяной текст со статьями 16, 17 и 19 Псковской

судной грамоты, из которых ясны мотивы определения вещей «на зблюдение», в том числе отъезд в «чужую землю». «Не доискавшимся» своих вещей признается человек, не составивший их перечня: «А кто имет искати зблюдения по доскам безимено, старине, ино тот не доискался»³³. Именно для того, чтобы иметь полное право вернуть свои вещи из «зблюдения», и составили Гриша и Коста их поименный список³⁴.

К столь же раннему времени восходит еще одна норма права Псковской судной грамоты – устная сделка, заключенная «смолве». «А кто на ком имет чего искати по доскам, или по закладом, а смолве оу своего исца возмет от много мало по суду, и чтобы оу креста, ино в том пени нет, чтобы и даром отпустил своего истца без целованья»³⁵. Л. В. Черепнин сопоставил с 62 статьей ПСГ берестяную грамоту № 344, датируемую рубежом XIII–XIV вв.: «Ото Петра ко Коузме. Язо тебе братоу своему приказале про себе тако: оурядило ли ся с тобою, ци ли не оурядилося ти, ты со Дроцилою по сомолове прави, а язо ся кланею»³⁶. Л. В. Черепнин при комментировании грамоты основывался на первоначальном чтении ее текста, согласно которому предпоследний оборот грамоты читался как «со Дроцилою нь сомолове». Поэтому исследователь предположил, что адресат грамоты Петр предписывал Кузьме не решать дело посредством личной сделки. Новое чтение, предложенное А. А. Зализняком, предполагает другое содержание текста, когда Кузьме именно предписывается действовать по устному соглашению. Значит, устные соглашения были в ходу и в начале XIV в. и, возможно, позже, что и отразил текст Псковской судной грамоты.

От 10–30-х гг. XIV в. дошла берестяная грамота № 137, сохранившаяся фрагментарно: «На суд и не ста Филипец... послахом грамоту бесудную... поло джи им поженю по...»³⁷. Содержание отрывка верно прокомментировал А. В. Арциховский, отметивший, что он представляет собой бесудную грамоту, выдававшуюся истцу, выигравшему процесс по причине неявки на суд другого истца³⁸. Ст. 50 Псковской судной грамоты предоставляет возможность истцу в случае отсутствия возможности заплатить за оформление бесудной грамоты у князя, написать ее «инде», т. е. частным образом, у площадного писца. Л. В. Черепнин предположил, что грамота № 137 является именно такой бесудной, составленной частным лицом и лишенной печати³⁹.

Восхождение институтов «кормли», «поруки», «зблюдения», устных сделок и частного оформления бессудных грамот к концу XII – началу XIII в. позволяет сделать два вывода. Во-первых, Псковская судная грамота основывается на нормах обычного права, относящихся к древнейшей эпохе, от которой не дошло представительного актового материала. Во-вторых, если в берестяных грамотах XII–XIII вв. уже присутствовала терминология и институты права, отразившиеся в Псковской судной грамоте, значит и для Новгорода и Пскова XII–XIII вв. характерна общность правовых норм. Восходит эта общность к еще более древним источникам, или же она свидетельствует о сосуществовании двух городов в рамках единого государства – эта проблема должна стать предметом специального рассмотрения.

* * *

Переломной эпохой для вечевых государств Северо-Запада Руси оказались XV и XVI века. Первый из вопросов, встающих перед исследователем этого периода, формулируется так: каково было влияние республиканского строя на эволюцию общественных отношений и политико-правовой культуры новгородского и псковского общества? Начнем с первого вопроса. Республиканскому государственному строю, сложившемуся в своих развитых формах к XV веку, были присущи качества, резко отличавшие его от монархического строя княжеств Северо-Восточной Руси. Если в пространстве власти русских княжеств абсолютно доминировал князь, то пространство власти вечевых республик было насыщено конкурировавшими на политическом поле структурами, уравновешивавшими друг друга.

В Новгороде это вече, посадничество, князь, представленный наместником, тысяцкий и сотские, архиепископ и его наместники. Перечисленные государственные институты обладали существенными политическими и правовыми полномочиями. Вече обладало законодательными функциями. В руках посадников, с 1354 г. образовавших коллективный представительный от концов орган власти, находилась исполнительная и высшая судебная власть, которую посадники делили с князем. Суд по торговым делам и вопросы городского благоустройства были прерогативой тысяцкого и сотских. Нотариат (регистрация поземельных сделок) и внешнеполитиче-

ская деятельность в XV в. все более сосредоточиваются в руках архиепископа.

Такое распределение властных и юридических полномочий обеспечивало коллегиальность законотворческой и административной деятельности. Аналогичная система власти сформировалась к XV в. в Пскове, где имелись вече, коллективное посадничество, князь-наместник, сотские и владычный наместник. Помимо олигархического по своему составу института посадников к процессам управления и суда подключаются средние слои городского населения: житьи люди (тысяцкий, сотский, владычный наместник), купцы (сотские, купеческие и кончанские старосты), черные люди (уличанские старосты). Поэтому, несмотря на олигархический характер власти посадников, вполне справедливо определить систему власти в Новгороде и Пскове. Однако Новгороду и Пскову была свойственна социальная и территориальная полярированность, при которой все земельные собственники были сконцентрированы в городах, а сельское население было лишено политических прав. Этот феномен проявился и в терминологии летописей, авторы которых даже в 80-х гг. XV в. называли псковских крестьян смердами, хотя из документов этот термин исчез еще на рубеже XIV–XV вв.

Оригинальный характер получило в процессе развития и право Новгорода и Пскова. Новгородская и Псковская судные грамоты стали концентрированным выражением правосознания общества вечевых городов. Некоторые черты правовой культуры можно выделить и в летописном материале, хотя круг интересов летописца был всегда избирательным. Тем не менее из летописей мы знаем о фактах превышения своих полномочий жителями псковских пригородов, когда, например, жители Опочки казнили «конового татя» (конокрада), хотя по закону такой приговор могла вынести лишь Господа – высший судебный орган Пскова. В древнем Пскове была точно определена специфика уголовных преступлений, и общество таким образом демонстрировало возможность совместных действий с целью борьбы с преступностью. Доминирование в Псковской судной грамоте статей, регулирующих гражданско-правовые отношения, доказывает важную роль закона в повседневной экономической деятельности псковичей.

* * *

В работах отечественных историков XIX–XX вв. вопрос о правовом положении псковских смердов был одним из наиболее спорных. Прежде всего, это объясняется состоянием источников: смерды не упоминаются в Псковской судной грамоте, упомянуты лишь в двух частных актах и в Псковских летописях под 1483–1486 гг. А. И. Никитский, а вслед за ним Л. В. Черепнин, Л. М. Марасинова, Б. Б. Кафенгауз и Ю. Г. Алексеев считают смердов лично свободными крестьянами, близкими по своему положению к черным крестьянам Северо-Восточной Руси и платящими дань князю и Господину Пскову. Б. Д. Греков полагал, что смерды зависели как от государства, которому платили дань, так и от частных землевладельцев (бояр и церкви), которым они были обязаны повинностями⁴⁰. А. Л. Хорошкевич, опираясь на исследования А. А. Зимина, считает смердов людьми с низким социальным статусом, своего рода государственными рабами: они, по мнению исследователя, «...представляли собой население княжеских сел, передаваемых городом «в кормлю» князьям, приглашаемым для их обороны». Села смердов, полагает А. Л. Хорошкевич, – это своего рода реликт, сохранявшийся лишь в силу архаизма политико-экономических структур в вечевых городах⁴¹. На наш взгляд, в изучении сельского населения Псковской земли должен быть применен метод комплексного анализа источников, когда обращению к летописям должно предшествовать исследование актов и законодательного материала, а также таких нарративных источников, чьи известия не допускают двойной интерпретации.

Впервые псковские смерды фигурируют в древнейшем акте с упоминанием судебного процесса о земле – грамоте XIII в. великого князя Александра и посадника Твердила рожитчанам. Жители Рожитцкого острова в Кулейской губе отстаивали свои права на «мох» – видимо, заливные луга – находившиеся в споре с монахами Спасского монастыря. Главным аргументом в судебном процессе стала «смердья грамота», или несколько грамот, упоминаемых в акте и доказывавших права Лочко, Ивана и всех «рожитчан» на спорные земли: «аже в грамотах мох Лочков и Иванов и всех рожитчан».

По вопросу об упоминаемых в акте «смердых грамотах» в литературе имеются две точки зрения. Л. М. Марасинова считает эти

грамоты документами, фиксировавшими какие-то предшествующие сделки с этой землей, а Ю. Г. Алексеев – актом, содержащим перечень земель, принадлежавших общине, или описание ее межей. Думается, что документ дает основания как для первого, так и для второго суждения, и решение проблемы возможно лишь в результате сравнения его с другими источниками. Важнее подчеркнуть другое: «все рожитчане», «выложившие» на процессе смердью грамоту, в акте княжеско-посадничьего суда не названы смердами. Это обстоятельство нельзя считать случайным следствием несовершенства в оформлении древнерусской документации⁴².

Думается, что термин «смерд» уже в эпоху Пространной редакции «Русской Правды» не использовался как специальное наименование определенной группы сельского населения. Термин применялся в памятниках законодательства с целью подчеркнуть исключительные обязанности сельского населения, либо права привилегированных сословий, как, например, в «Русской Правде» или княжеско-новгородских докончаниях. Лочко, Иван и их соседи осознавали себя прежде всего как общину «рожитчан», чьи права на землю были зафиксированы документально. Княжеско-посадничья власть определяла их как смердов в тех случаях, когда с «рожитчан» взымали дань, и, возможно, в самой «смердьей грамоте» (не сохранившейся) жители Рожитцкого острова и назывались смердами.

Для исследования псковских смердов важно обращение к типологически сходному новгородскому материалу, тем более что и новгородским источникам свойственна аналогичная терминологическая ситуация. Термин «смерд» в Великом Новгороде употреблялся до конца эпохи независимости, но из источников XV в. смерды фигурируют лишь в новгородско-княжеских докончаниях, тексты которых содержали реликтовую для XV в. терминологию. Да и в ранний период новгородской истории термин «смерд» употреблялся, как правило, в источниках, происходивших из элитарной боярско-церковной среды. В берестяных грамотах XII–XIV вв. под смердами понимаются жители Заволочья, платившие дань, должники, сельские жители, выплачивающие по разверстке оброк боярину Онцифору Лукиничу.

Особенно показательное последнее по времени словоупотребление термина «смерды», относящееся к 40–60-м годам XIV в.: «Поклон от Кирика Онцифору. Ты даешь распоряжение о рыбах.

Смерды же не платят мне без разверстки, а ты не послал человека с грамотой. А что касается твоего старого недобора, пришли жеребьи». Грамота представляет собой отписку приказчика (Кирика), объясняющего своему господину (Онцифору) причины невыплаты смердами оброка. Грамота является частью вотчинной документации посадника Онцифора, и смерды, упоминаемые в ней, скорее всего – зависимые крестьяне⁴³.

В литературе получили распространение противоположные мнения об эволюции термина «смерд» в XIV–XV вв. А. А. Зимин полагал, что термин «смерды», обозначавший первоначально полурабское население, впоследствии «изменил свое первоначальное содержание, превратившись в общее наименование крестьян». Ю. Г. Алексеев считает, что «зависимые крестьяне, жившие на господской земле, в Великом Новгороде смердами не назывались»; по его мнению, «новгородские смерды рассматривались ... как податное население, несущее повинности в пользу города-государства». Ю. Г. Алексеев опирается на данные новгородско-княжеских докончаний, летописные известия и грамоту крестьян Робичинской волости с Юрьевым монастырем 1460–1470-х годов. Но из договоров следует лишь то, что смерд, наряду с купцом, «тянет» судом «в свой погост» («потуг»). Не удивительно и то, что жители Робичинской волости во второй половине XV в. названы крестьянами, а не смердами – термин «смерд» в Новгородской земле в это время уже вышел из употребления⁴⁴.

Термин «смерд» использовался в эпоху, когда христианизация сельского населения не была завершена. В это время в XII–XIII вв. новгородские бояре получали большую часть доходов в результате участия в системе государственного фиска и сбора дани с чернокунцев-смердов. Активный и массовый переход к вотчинной системе в XII–XIII в. предшествовал или даже совпадал с вытеснением из словоупотребления языческих имен, и, следовательно, с христианизацией сельского населения. Термин «смерд» в последней трети XIV в. также не без влияния христианизации вытесняется терминами «сироты», «селяне» и «крестьяне». Таким образом, смена терминологии могла быть обусловлена как религиозными (христианизация села), так и социальными (переход к вотчинной системе эксплуатации сельского населения) причинами. Любопытно, что смену терминологии и особенности ее употребления удастся про-

следить на берестяных грамотах, относящихся к истории одного боярского рода – Онцифоровичей.

Если приказчик Онцифора, как мы видели, называл сельских подданных смердами, то, возможно, потомки этих самых смердов называли себя уже иначе. «Поклон ко Юрью и к Максиму от всех сирот...» (70–80-е гг. XIV в.), «поклон от Кондрата осподину своему Юрью и ото всех селян...» (40–90-е гг. XIV в.), «бьют челом крестьяне господину Юрию Онцифоровичу...» (конец XIV в. – 1400-е гг.). Весьма симптоматично, что и вотчинники переходят к новой терминологии; дальний родственник Офоноса Онцифоровича Ксенофонт заявлял своему адресату, что он купил земли в Ещерском уезде и Замолмосовье, «и свою сироти в Симовли а на Хвойни» (80–90-е гг. XIV в.)⁴⁵.

В Псковской земле XIV–XV вв. термин «смерд» также не получил широкого распространения: до 1484 г. он неизвестен по летописям, а из 45 актов употреблен лишь в одном – купчей Григория и Федора на землю сельских смердов⁴⁶. Купчая на смердью землю в Лисьях детально исследовалась Ю. Г. Алексеевым. Согласно его мнению, продавцом земли является не вся погостская община, а только Яков, Ермола и Родион. Сельские смерды владели смердьей землей и водой (рыболовными участками), которые в общей сложности составляли 12 с половиной «мест» или жребиев в общинных угодьях. Кроме того, в их распоряжении находились собственные «прикупки», которые, по мнению Ю. Г. Алексеева, появились в результате частных сделок⁴⁷. С хозяйственной точки зрения, общинные и прикупные земли представляли собой всю совокупность угодий: пашни и рыболовные участки в количестве 12 с половиной жребиев, пожни, прикремы, пень, колоду, полесья. Они находятся в общей меже с землями всего погоста: «а в том ободе чужая земля». Все эти земли продаются смердами «в одерень», то есть в полную собственность, с ведома старосты Родиона и всего погоста.

Статус покупателей земли в Лисьях не определен: это могли быть представители верхушки сельских жителей, мелкие вотчинники, аналогичные псковским земцам, или даже посадники, как предположила Л. М. Марасинова. В любом случае, община-погост в Лисьях навсегда утратила контроль над проданной землей в результате акта продажи, в котором участвовали смерды. Непременным условием акта продажи должно было быть право распоряжения своей землей, принадлежащее не общине в целом, а отдельным

домохозяйствам смердов, представленным их главами – Яковом, Ермолой и Родионом.

Реалии, отразившиеся в акте, несовместимы с представлением о смердах XV в. как о полурабах, проживающих в княжеских селах, передаваемых городом «в кормлю» князьям. Скорее, этому условию соответствует статус лично свободного сельского хозяина, чьи земли и «прикупки» легко выделяются из общинных угодий, в том числе для продажи. Таким образом, термин «смерд» в XV в. использовался расширительно, охватывая широкие слои сельского населения, как лично свободного, так и несвободного. Подтверждают это предположение и исследования Псковской судной грамоты.

А. Л. Хорошкевич считает, что смерды не упомянуты в судной грамоте потому, что «не принадлежали городскому суду, а только суду князя, подобно другим категориям холопов», только, в отличие от княжеской челяди, смерды «не подлежали вывозу из городской округи». «Статус смердов, находившихся в коллективной зависимости от псковского наместника, ставленника великого князя всея Руси, позволял последнему считать себя единственной высшей судебной инстанцией по отношению к этой категории зависимого сельского населения»⁴⁸. Таким образом, А. Л. Хорошкевич полагает, что так же, как великий князь выносил вердикт по делу смердов в 1485–1486 гг., псковский князь судил смердов наряду со своими холопами без участия городских представителей – посадника и сотского, и не по псковскому законодательному кодексу, а, видимо, на основе норм обычного права.

Представляется, что такое положение вещей противоречило бы интересам вечевых городов. Если же под смердами понимать широкие слои лично свободного населения, то противоречия отпадают, ведь смерд – это житель сельской округи, имеющий те же гражданские права, что и другие «псковитины». Ю. Г. Алексеев справедливо отметил, что положение «свободных соседей-смердов» хорошо иллюстрируют ст. 9, 10, 103 Псковской судной грамоты. В этом убеждает и исследование социального состава населения псковских губ, проведенное Б. Н. Харлашовым с опорой на актовые и археологические материалы. Б. Н. Харлашов полагает, что контрагенты псковских актов – завещатели Симеон и Павел из Смолинской губы, Трофим, Осип и Федос из Каменской губы – являются черносошными крестьянами или выходцами из их среды⁴⁹. Таким обра-

зом, если в одном случае составитель грамоты именуется контрагентом смердом, а в другой не дает ему подобного наименования, можно констатировать случайный характер употребления в актах термина «смерд», обозначающего крестьянство в целом.

Социальный статус смердов можно исследовать и по сведениям источников о событиях 1483–1486 гг. «Брань о смердах» – один из наиболее полно изученных эпизодов в истории средневекового Пскова. По первой и второй Псковским летописям ход событий в 1480-х годах представляется в следующем виде⁵⁰.

6 мая 1483 г. псковичи «посекли» дворы шести посадников и их сторонников. В следующем, 1484 г. посадники во главе с Гавриилом составили «новую грамоту» и на ее основании осуществили перераспределение повинностей между Псковом и «всей землей», включавшей как псковские засады, так и земли пригородов. В результате повинности сельского населения, которое летописец называл «смердами», сократились. Начавшейся внутривластной борьбой в Пскове воспользовался Иван III, который решительно встал на сторону смердов.

Обнаружение «новой грамоты» в архиве воеводской канцелярии привело к новым актам насилия и казни по приговору веча посадника Гавриила и одного из «смердов» – представителей сельских общин. В течение сентября 1484 – ноября 1485 г. псковичи отправили в Москву шесть посольств, которые пытались уладить сложный конфликт. Летом 1486 г., уже после осуществления нового «разруба» повинностей, на севере Псковской земли, в Наровской губе, сельские жители вновь высказывали недовольство попытками городской администрации пересмотреть распределение повинностей, опираясь на «смердью грамоту».

А. Л. Хорошкевич рассматривает события 1484–1486 гг. как следствие отказа великокняжеского наместника предоставить помощь смердов для строительства крепостной стены. Проанализировав данные о строительстве в Пскове в XIV–XV вв., А. Л. Хорошкевич признала, что в ее распоряжении нет прямых доказательств участия смердов в городском строительстве. Поэтому исследователь привлекла данные о строительстве в Новгороде и Великом княжестве Литовском, где крестьяне участвовали в сооружении городских укреплений⁵¹. Однако первостепенное значение имеют именно псковские материалы о крепостном и ином об-

шественном строительстве, к ретроспективному изложению которых мы переходим.

Практика крепостного и иного общественного строительства в XV в. показывает, что Господин Псков прибегал к двум испытанным способам. Если строительство велось на скорую руку, и характер работ предполагал использование неквалифицированной рабочей силы, горожане, разверстав работы между концами, как, например, жители Запсковья в 1482–1484 гг., строили стены самостоятельно. Если же строительные работы предполагали возведение объектов большой сложности (Перси, укрепления Крома, мосты), осуществлялся найм мастеров-профессионалов, оплата труда которых осуществлялась либо из городского бюджета, либо за счет корпораций (главным образом, церкви). Ни в первом, ни во втором случае необходимости привлечения к работе «смердов» не было⁵².

Сама А. Л. Хорошкевич констатирует, что прямых данных о привлечении сельского населения к исполнению натуральных повинностей по крепостному строительству нет, и пытается найти доказательства путем анализа умолчаний источников. Поэтому исследователь доказывает свое мнение методом «от противного», рассматривая указания летописей о строительстве силами горожан в 1465 г. как «первый случай в истории города»⁵³. На самом деле у нас нет никаких указаний источников на характер выполняемых смердами повинностей, и гипотезу А. Л. Хорошкевич о глубинной причине конфликта 1483–1486 гг. принять не представляется возможным. Это, конечно, не значит, что сельское население Псковской земли не участвовало в крепостном строительстве в Пскове. Дань, взимавшаяся в том числе и со смердов, шла в первую очередь на удовлетворение потребностей Псковской земли в обороне, и укрепления Пскова и пригородов возводились в том числе и на их средства.

Летописное изложение событий 1484–1486 гг. в Пскове контрастирует с другими сообщениями Псковской второй летописи, отличаясь от них меньшей конкретностью. Несмотря на погодную разбивку текста летописи и объединение с фактами «брани о смердах» других известий, фрагмент с изложением событий 1484–1486 гг. обладает характерными чертами летописной повести. О литературном характере ряда эпизодов свидетельствуют попытки летописца передать прямую речь великого князя («давно ли яз вам о смердах вины отдах»), имена-прозвища освобожденных из-под

ареста смердов (Стехно, Сырень и Лежень). Все это не позволяет интерпретировать сообщения летописи буквально. Метод исследования А. Л. Хорошкевич, в соответствии с которым летописное известие подвергается протокольной трактовке, а действия боярской верхушки трактуются как «политика компромисса», несет в себе явные черты модернизации.

В литературе давно отмечалась ненадежность летописных известий в том, что касается социальных характеристик, и Б. А. Романов предостерегал исследователей от «протокольной трактовки летописных повествований в наивно-реалистическом роде»⁵⁴. Само употребление термина «смерд», единственное в псковских летописях, свидетельствует о том, что летописец придал слову отчетливо выраженный бранный смысл. С нашей точки зрения, это свидетельствует отнюдь не о низком правовом статусе смердов, но о литературном переосмыслении неполноправного положения сельских жителей Псковской земли. Даже если псковский смерд и обладал всеми правами лично свободного крестьянина, в глазах и великого князя, и боярской верхушки Пскова, он был прежде всего данником.

Присоединение Новгорода и Пскова к Москве привело к существенным изменениям в положении крестьян. В XVI в. в монастырских вотчинах и поместьях формируется вотчинный режим, под которым я понимаю систему отношений, образовывавшую основу, на которой развивалось крепостное право, и включавшую в себя податную, полицейскую и судебную зависимость крестьянина от землевладельца. В современной исторической науке господствует концепция об определяющей роли государства в процессе закрепощения в России (В. И. Корецкий, А. Г. Маньков, Л. В. Милов). Согласно этой концепции, в ходе закрепостительных мероприятий конца XVI в. был узаконен принцип ограниченной крестьянской крепости по писцовым книгам, а Уложение 1649 г. завершило «юридическое оформление крепостной зависимости для всех категорий крестьян»⁵⁵.

Не ставя этот вывод под сомнение, заметим, что и в указах конца XVI – начала XVII в., и в XI главе Уложения 1649 г. главным образом рассматривались вопросы, связанные с правами на владение крестьянами. XI глава Уложения является по сути гражданско-процессуальным кодексом о порядке разрешения споров о душевладении. Уложение 1649 г. не определяло пределы власти землевладельца над крестьянами, податные обязанности крестьянина по

отношению к государству и помещику: словом, то, что и составляло вотчинный, или сеньориальный режим, включавший в себя, кроме того, вотчинный суд, надзор землевладельцев за соблюдением общественного порядка и их обязанность ходатайствовать по делам своих крестьян. В Уложении отмечена обязанность землевладельца искать и отвечать за своих крестьян во всех делах, кроме тяжких уголовных преступлений (гл. XIII, ст. 9), а также зафиксирована норма, согласно которой «государевы всякие поборы» за отданных беглых людей необходимо собирать с вотчинников и помещиков, за кем они «учнут жить во крестьянех» (гл. XI, ст. 6). Но этими нормами был лишь признан вотчинный порядок, установившийся задолго до Уложения.

Задача настоящего доклада состоит в исследовании условий складывания вотчинного режима в России XVII в. Источниковую базу исследования составили документы Деделовской и Псковской приказных изб, большей частью не введенные в научный оборот и хранящиеся в РГАДА и Архиве СПбФИРИАН, а также акты из архива Б. И. Морозова⁵⁶.

Проблематика исследования вытекает из факта неоднородности населения вотчины и поместья в XVII в. Вотчинное население включало в свой состав «старинных» крестьян, дворовых и задворных людей и, наконец, пришлых, рядившихся на вотчинную землю. Все эти люди находились в разных правовых условиях, выполняли несходные податные обязанности, лишь отчасти фиксированные в законе. Важнейшим источником правовых норм вотчинного режима было обычное право, формировавшееся в отношениях между землевладельцами и крестьянами. В. А. Александров считал, что обычное право далеко не всегда основывалось на обычае в прямом его понимании, и «глубоко ошибочно рассматривать его лишь архаически сохранившимся пережитком»⁵⁷. Обычное право мы понимаем как правоотношения, существовавшие вне законодательных установлений и имевшие самое разное происхождение: устоявшийся обычай, прецедент, трансформированная норма закона.

В условиях высокой степени мобилизации помещичьего землевладения в XVI–XVII вв. большая часть населения вотчины и поместья доставалась землевладельцу от прежнего собственника земли. Ввозная грамота, лишь в самой общей форме содержащая предписание «слушать» помещика, пашню на него пахать и оброк ему платить, законодательно оформляла издавна существовавший

порядок отношений между крестьянином, с одной стороны, и государством и землевладельцем, с другой. Существенную часть этого порядка составляли *фискальные обязанности крестьян перед государством*, за выполнением которых следили выборные органы волостного или уездного самоуправления. Сотенно-десятичная организация «мира» самостоятельно осуществляла «разруб» между волостями налогов и местных сборов. Пожалование черных и дворянских земель в вотчины и поместья могло привести или к сохранению прежних порядков распределения тягла, или к их ликвидации.

Создание поместной системы в новгородских землях в конце XV – начале XVI в. первоначально не сопровождалось отпиской поместий сошным письмом, отменой поруки и разрушением мирского порядка тягла. Поэтому на поместных землях Северо-Запада России до конца 1570-х гг. существовала разветвленная волостная организация, представленная губными целовальниками, старостами, сотскими и т. д.⁵⁸. Лишь на рубеже 1570–80-х гг. волостная организация в новгородских землях трансформировалась в совокупность волостей-боярщин, несших индивидуальную ответственность в выплате налогов. Однако традиции земского самоуправления во многих уездах сохранялись в трансформированном виде до второй половины XVII в. Из документов Дедиловской приказной избы следует, что в 1673–1682 гг. в этом уезде сбор стрелецкого хлеба, ямских и полоняничных денег осуществляли целовальники, выбравшиеся из помещичьих крестьян.

В выборной записи от 23 октября 1673 г. отмечено: «...Дедиловского уезду сошные люди стольника князь Василья Васильевича Голицына староста Потапко Корейкин, да Александрова сына Хомякова прикащик Козма Головков, Семена Семенова сына Воейкова крестьянин Григорей Игнатов, Микиты Иванова сына Извольского староста Иван Архипов..., Леонтья Васильева сына Скоринова крестьянин Василей Евсеев, Елисея Петрова сына Трунова крестьянин Петр Филимонов..., Ивана да Иева Федоровых детей Остафьева крестьянин Сидор Иванов выбрали есми мы к государя ... (п. т.) к делу в целовальники к Стрелецкому хлебу и к Ямским деньгам Дедиловского уезду Ивана Матвеева сына Хрущова крестьянина Ивана Ермолаева, а тот крестьянин человек добрый душою, прям и животами прожиточен...»⁵⁹.

Таким образом, помимо ответственности землевладельца за выплату податей со своих крестьян, в Дедиловском уезде сущест-

вовала выборная земская структура в виде целовальника, который был уполномочен воеводой принимать налоговые сборы от крестьян отдельных вотчин и поместий. 1 февраля 1682 г. по приказу воеводы Т. Н. Тарбеева выборный целовальник Микита Стефанов, крестьянин помещика Извольского, принял ямские и полоняничные деньги с вотчины И. А. Голицына от его крестьянина Селивана Кириллова⁶⁰.

Другой порядок выполнения фискальных обязанностей крестьян сложился в крупных вотчинах, как, например, в вотчине Б. И. Морозова, приказчики которого лично принимали денежные сборы у целовальников и крестьян⁶¹. И один, и другой порядок не были зафиксированы законодательно в середине XVII в. и первый из них представлял собой трансформированные нормы земских уставных грамот середины XVI в.

Существенным элементом вотчинного режима допетровской эпохи являлись условия *крестьянского порядка*, т. е. привлечения в состав населения вотчины «новых приходцев». Они получили отражение в порядных и ссудных записях, дошедших до нашего времени за период с середины XVI до начала XVIII в. В настоящее время на порядную запись установился взгляд как на крепостной акт, функция которого сводилась к первоначальному оформлению крепостной зависимости на еще не закрепощенные, или временно освободившиеся от крепостной зависимости элементы общества⁶². Однако такую функцию порядная запись приобрела по мере развития крепостничества, во второй половине XVII в., и содержание порядных этой функцией не исчерпывалось. На первом этапе развития крепостничества порядная запись по преимуществу представляла собой договор, который, определяя отношения между землевладельцем и новопорядчиком, не может быть точно определен в терминах новоевропейского права. Как писал Б. Д. Греков, «это договор средневекового феодального права о вступлении вольного человека в сеньориальную зависимость»⁶³.

Основные условия договора крестьянского порядка следующие: 1) срок, на который порягается крестьянин и условия выхода по истечении срока; 2) подмога или ссуда, предоставляемая землевладельцем; 3) трудовые обязательства порядчика; 4) податные обязательства порядчика; 5) льготы, предоставляемые землевладельцем; 6) обязательство не нарушать общественный порядок в вотчине; 7) санкции за невыполнение обязательств и нарушение порядка. В

тексте Уложения 1649 г. не встречается термин «порядная запись». Уложению известны лишь ссудная и жилецкая записи, которые предписывалось брать на вольных людей и регистрировать в правительственных учреждениях – Поместном приказе в Москве и в приказных избах Казани, Новгорода и Пскова (гл. XI, ст. 20).

Между тем, в записных книгах крепостных актов Псковской съезжей избы порядные записи фиксировались с 1626 по 1696 г., а в Новгородской приказной избе с 1637 г. до конца XVII в. Таким образом, Уложение 1649 г. не ввело, а лишь узаконило давно существовавшую практику оформления частноправовых актов в государственных учреждениях, и не оказало сколь-нибудь существенного влияния на формуляр крестьянских записей. С одной стороны, еще до Уложения (с 1619 г.) в порядных записях появились формулы о невыходе крестьянина из вотчины; с другой стороны, и после 1649 г. в порядных встречаются формулы о выходе крестьянина от землевладельца.

В. О. Ключевский и М. А. Дяконов считали, что закрепощение в России шло на почве частноправового акта, и изменения в положении крестьян в XVII в. были мало связаны с Уложением. В. И. Сергеевич, Б. Д. Греков, А. Г. Маньков, И. Л. Андреев полагают, что именно в Уложении 1649 г. были сведены нормы, обозначившие новую фазу закрепощения крестьян. Последняя точка зрения, безусловно, ближе к истине, хотя и нуждается в корректировке. Уложение 1649 г., отменившее урочные годы и прикрепившее крестьян к их «старым жеребьям» и «всяких чинов людям», лишь поверхностно описало давно установившийся вотчинный порядок.

Порядные записи также стали фиксировать вотчинный режим только во второй половине XVI в., когда он в основном сложился. До середины XVI в., и даже в первой трети XVII в. большая часть договоров порядка заключалась устно: «а порядная запись меж нами не была, верились с ним божиею правдою», «а порядной мне не дал, и я, господа, поверил ево слову». Есть все основания полагать, что в устном договоре между землевладельцем и крестьянином оговаривались основные условия соблюдения порядчиком вотчинного режима. Очевидно, что такой хозяйственный обычай, как крестьянский порядок, складывался веками и только в XVI в. стал оформляться письменно в виде порядной записи. С 1620-х гг. порядные записи были санкционированы государством и стали фикс-

сироваться в записных книгах крепостных актов. С этого же времени в формуляр порядных записей вносятся изменения, а сам формуляр эволюционирует под влиянием приказного делопроизводства. Порядная запись существовала вне кодифицированного права и дожила до конца XVII в., сыграв решающую роль в складывании крепостной системы.

Ссудные записи, вошедшие в практику оформления договора поряда в первой половине XVII в., имели упрощенный формуляр, но и их текст содержал положения, соответствовавшие основам вотчинного правопорядка. Формуляр ссудной записи включал в свой состав следующие элементы: 1) ссуда, предоставляемая землевладельцем; 2) трудовые повинности крестьянина; 3) податные обязанности крестьянина; 4) обязательство не сбежать и не заложиться за другого землевладельца; 5) санкция за невыполнение обязательств (возврат ссуды сполна). В ссудной записи не были оговорены условия выхода крестьянина и объем льготы, и, таким образом, этот акт приобрел характер договора о вступлении в зависимость с односторонними обязательствами.

Значительную часть населения вотчины во второй половине XVII в. составляли *задворные люди*, правовое положение которых было неопределенным. В науке со времен В. О. Ключевского было принято отождествлять задворных людей с холопами, поселенными за двором землевладельца. Часть задворных людей действительно имела такое происхождение, но и по материалам середины XVII в., и особенно конца века задворные люди предстают перед исследователем как особая категория вотчинного населения, не сливавшаяся ни с крестьянами, ни с холопами. После сентябрьских указов 1679 г., когда задворные люди были включены в тягло наравне с крестьянами, правовое положение этих двух страт стало схожим.

В материалах Деделовской приказной избы за 1680-е гг. сохранились десятки «сказок» о записи вольных людей, не бывавших «в службе великих государей и в тягле», в задворные люди «с судною записью»⁶⁴. В науке были известны и сами ссудные записи в задворные люди. Не располагая репрезентативным материалом, М. А. Дьяконов не решился определить «направление господствующей практики» правительства в отношении задворных людей и осторожно предположил, что устойчивая зависимость задворных людей от господ была достигнута занесением их в переписные кни-

ги 1678 г.⁶⁵ Конечно, перепись 1678 г. сыграла определенную роль в закрепощении, но необходимо учитывать и другие факторы.

Во-первых, в Деделовском уезде наиболее ранняя сказка о записи в задворные люди относится к 25 августа 1684 г., а в Тульском наиболее ранняя ссудная запись на задворного человека – к 20 декабря 1683 г. Во-вторых, в других регионах России, например, в Псковской земле, в 1680-х гг. для закрепощения задворных людей ссудные записи не применялись. Записные книги крепостей Псковской приказной избы знают лишь служилые кабалы, формуляр которых с декабря 1680 г. становится упрощенным и не упоминает о займе⁶⁶. В Псковских уездах задворных людей можно выявить лишь по переписным книгам. В-третьих, до сих пор не выявлен законодательный акт, который бы предписывал брать ссудные записи на задворных людей.

Все вышесказанное приводит к необходимости сформулировать гипотезу о том, что формы закрепощения задворных людей в России конца XVII в. имели региональные особенности, исходившие, в конечном счете, из норм обычного права. Правительство выпустило лишь два указа, определившие положение задворных людей: приговор от 14 октября 1624 г. о взыскании ущерба с задворных людей при совершении ими уголовных преступлений и приговор от 2 сентября 1679 г. о включении задворных людей в подворное тягло⁶⁷. Дальнейшее оформление крепостной зависимости задворных людей шло в ходе рутинной приказной работы с учетом региональных особенностей.

Существенным элементом жизни вотчины была *церковная организация*. Государство еще в середине XVI в. освободило сельское духовенство от вотчинной зависимости, введя в ст. 88 Судебника 1550 г. норму «о попе»: «А попу пожылого нет, и ходити ему вон безсрочно воля». В реальности, однако, землевладельцы стремились закрепостить священника, основываясь, очевидно, на нормах обычного права. Так, вологодский помещик Р. Боборыкин не позднее 1652 г. «...взял ...на священника запись... силою, что жить ему священнику у него в вотчине по ево романов век. А велел...на него запись написать человеку своему у себя на московском дворе...»⁶⁸.

Неизвестно, была ли включена эта «запись» в крепостные книги Поместного приказа, как предписывало Уложение 1649 г. Аналогичный по сути акт, согласно которому вольноотпущенник-священник попадал в пожизненную зависимость от помещика, в

1680 г. был включен в записную книгу Псковской крепостной избы. 5 октября 1677 г. помещик И.И. Сумароков отпустил «вотчинного своего бобыльского сына ... з женою ево и з детьми на все четыре стороны, а жити ему Василью у той церкви и служитьи ему в попех по мою иванову смерть...». Впрочем, в отпусковой содержалось дополнение, что если у помещика появятся дети, священнику надлежало служить и им «по которое время дети и жена мои похотят»⁶⁹. Очевидно, что несвобода вотчинного священника, реликты которой можно наблюдать даже во второй половине XVII в., была обычной для эпохи, предшествовавшей принятию Судебника 1550 г.

Перечисленные элементы вотчинного режима, формировавшиеся под ощутимым влиянием и правительственного законодательства, и норм обычного права, закладывали основы крепостного права. Если отойти от позитивистского представления о праве как средстве реализации воли законодателя, то крепостное право предстанет не только как законодательно оформленные социально-политические мероприятия государства, но и как следствие исторически укоренившихся ценностей и норм жизни общества.

* * *

Перейдем к последнему вопросу: какую роль в развитии общества Северо-Западной России и его правовой культуры сыграла ликвидация республиканского строя, коль скоро он прекратил свое существование в процессе создания Русского общенационального государства? Инкорпорация Новгорода и Пскова в состав Московской Руси привела к упразднению республиканских структур верхнего уровня власти. В Новгороде и Пскове сохранились лишь структуры самоуправления низшего административного этажа – улиц и концов в Новгороде и сотен и концов в Пскове. Инерция вечевого прошлого, тем не менее, была весьма сильна, и общество обращалось к политическому опыту республиканского периода истории. Еще до начала земских реформ северо-западные города становятся опытной площадкой для активизации структур самоуправления.

В 1518 г., задолго до земских реформ, в Новгороде наделяются существенными фискальными правами старосты улиц, что не могло произойти без инициативы местного населения. По указу Василия III новгородский дворецкий и дворцовые дьяки должны были «выбрати из улиц лутчих людей четьредесять восемь человек и к

целованью привести». С тех пор «установили судити с наместники старосту купецкого Василья Никитина сына Тороканова, а с тиуны судити целовальником по 4 человеки на всякий месяц»⁷⁰. Общественная активность городского населения Пскова проявлялась даже вопреки запретам. В 1534 г. русские перебежчики в Литве, дьяк Родион с подьячими, делили население Пскова на две части: «купцов, которые з Москвы приведены, и черных людей пскович». Причем, по мнению перебежчика, черные люди не могли служить надежной опорой наместников, так как горожане, несмотря на запреты властей, часто собирают вече, ликвидированное еще в 1510 г.⁷¹ Вполне естественно поэтому, что и губная, и земская реформы 1540–1550-х гг. проводились на Псковской и Новгородской землях, почва которых была лучше подготовлена для функционирования структур земского самоуправления. Земская реформа 1550-х гг. в Пскове оказалась довольно успешной и была продолжена в конце XVI в.

В обыскных речах 1617 г. впервые упомянуты сразу двое всегородных старост (П. Максимов и М. Федоров); их избирали на год из числа далеко не самых богатых посадских людей. Имена всегородных старост 1617–1633 гг. (М. Петров, К. Васильев солодовник, Г. Демидов, И. Нестеров, Б. Тимофеев, О. Беланин, О. Тарасьев, Р. Тимофеев, П. Михайлов, Т. Васильев) не принадлежат к фамилиям известных гостей. Сын гостя Н. Резалова Иван в обыске 1631 г. фигурирует как обычный «сусед» Великоулицкой сотни, в то время как сотским в этой административной единице был некий «Максим портной мастер»⁷². Тем не менее и сотни, и всегородная изба были погружены в повседневную жизнь посадского мира. Эффективность выборных органов самоуправления в Пскове хорошо видна и в событиях Смуты начала XVII в., а также в псковском восстании 1650 г.⁷³

Состояние системы самоуправления в Пскове в середине XVII в. хорошо видно из исследования расходной книги псковских земских старост 1663/64 г. Этот весьма специфический источник содержит лишь записи о расходах посадского мира на корм воеводам, тем не менее он дает представление о посадской общине как эффективно действующей системе⁷⁴. В этой связи приобретают совершенно иной облик контуры посадской реформы А. Л. Ордина-Нащокина. В литературе нововведения псковского воеводы в 1665 г. традиционно оцениваются как исключительная по смелости

и масштабу реформа⁷⁵. Между тем, совершенно очевидна ее связь с традиционными земскими учреждениями, существовавшими в Пскове с середины XVI в.

А. Л. Ордин-Нащокин стал псковским воеводой в марте 1665 г. и 24 марта, 3 и 7 апреля передал на обсуждение посадским людям три «памяти», легшие в основу преобразований системы городского самоуправления. Вопреки высказывавшимся в литературе мнениям, целью Нащокина отнюдь не была передача экономической, административной и судебной власти в городе в руки «группы крупных торговцев»⁷⁶. В памяти воеводы от 3 апреля 1665 г. подчеркивается необходимость консолидации посадской общины, и термин «лутчие люди» обозначает не местных олигархов, тем более, что обычно крупные торговцы именовались «большими», а не «лутчими» людьми. «И по государеву ... (полный титул) указу земским старостам сойтися с лутчими людьми для общего всенародного совету, и о градском устроении со всяким усердием говорить... А для таковых градцких дел в земской избе и в таможене быть лутчим посадским людем в годовой службе, с переменою разумным и житьем праведным людем; а надобно выбранным быть 12 человеком по 4 человека на год...»⁷⁷.

Эта цель Нащокина вполне соответствовала традициям земского самоуправления в русских городах второй половины XVI–XVII в. Даже передача «выборным людем» судебных полномочий по гражданским делам с оставлением уголовных и «сместных» дел в руках воевод не противоречила принципам реформ самоуправления середины XVI в. Основная борьба вокруг преобразований Нащокина развернулась отнюдь не по вопросам выборности в «общий всенародный совет»: как видно из предшествующего изложения, земская изба в Пскове середины XVII в. и так состояла из 12 человек: двух всегородных старост и 10 сотских. Борьба на псковском посаде шла, во-первых, с местными олигархами: группой «нарочитых прожиточных людей», которые не захотели принять царский указ и саботировали реформу. Во-вторых, камнем преткновения стала попытка Нащокина ввести в Пскове купеческие «складничества» и свободную торговлю алкогольными напитками⁷⁸. Аннулирование этих «статей» псковской реформы и означало ее отмену, хотя принцип выборности городских органов самоуправления продолжал действовать в Пскове вплоть до административных реформ Петра I.

Безусловно, автократия московских государей не способствовала формированию развитого правосознания даже городского населения. Однако следует иметь в виду, что русское общество XVI–XVII вв. было озабочено не столько идеей реставрации республиканских порядков, сколько необходимостью наведения элементарного правопорядка, например, подавления преступности. Кнут как инструмент наказания в XVI–XVII вв. применялся главным образом к разбойникам, терроризировавшим местное население и путешественников купцов. Пытки применялись также в первую очередь к разбойникам с целью добиться признательных показаний, в том числе на сообщников. В этом отношении правовая культура России несущественно отличалась от правовой культуры Запада, где тоже применялись пытки, а палач был столь же необходимым атрибутом европейского города, как мэр и выборный совет.

В заключение необходимо отметить место северо-западных вечаев городов в эволюции политической и правовой культуры России XII–XVII вв. Эта эпоха характеризуется отсутствием ярко выраженного влияния западноевропейского правосознания на правовую культуру России, развитием нашего права из внутренних источников. В то же время в этот период хорошо видны региональные особенности в правовой и особенно политической культуре России. Если в дореформенной России и были элементы гражданского общества, то проявились они в первую очередь на Северо-Западе России – в государственном и правовом быте Великого Новгорода и его младшего брата – Пскова.

¹ Савенко Г. В. Традиции и новаторство в изучении историками проблем средневекового государства и права // Правоведение. 2004. № 2. С. 249.

² Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003. С. 156.

³ Янин В. Л. Основные исторические итоги археологического изучения Новгорода // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 15–16.

⁴ ПЛ. Вып. 1. С. 25–26; ГВНП. М.; Л., 1949. № 335. С. 322; Черепнин Л. В. Из наблюдений над лексикой древнерусских актов: К вопросу о термине *правда* // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии. М., 1974. С. 211.

⁵ Алексеев Ю. Г. Вопросы истории текста Псковской судной грамоты // ВИД. Л., 1979. Т. XI. С. 49–57.

⁶ Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота... С. 145–203.

⁷ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. М.; Л., 1946. С. 447–493; Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота... С. 145–203; Шапиро А. Л. Русское крестьянство перед закрепощением. Л., 1987. С. 146–157.

⁸ Псков: Очерки истории. Л., 1990. С. 45.

- ⁹ Записки отделения Русской и славянской археологии Императорского Археологического общества. СПб., 1851. Т. 1. С. 2–3.
- ¹⁰ *Кистерев С. Н.* «Рядница» в статьях 32 и 38 Псковской судной грамоты // Очерки феодальной России. М., 2000. Вып. 4. С. 71–84.
- ¹¹ Российское законодательство X–XX вв. М., 1984. Т. 1. С. 332.
- ¹² *Соколовский В., Белецкий С. В.* Псковская грамота XV в. из археологических раскопок в Таллинне // ПРЕИ. Т. 1. С. 140.
- ¹³ *Алексеев Ю. Г.* Псковская судная грамота... С. 13, 42; ПЛ. Вып. 2. С. 44.
- ¹⁴ «А кто почнет на волостелях посула сачить, да и портище соймет, или конь сведет, а молвит так: в посуле есми снял или конь свел, ино быти ему в грабежи, хто в посули снял или коня свел». См.: Российское законодательство... Т. 1. С. 336.
- ¹⁵ ПЛ. Вып. 2. С. 206.
- ¹⁶ Российское законодательство... Т. 1. С. 338.
- ¹⁷ Там же. С.335.
- ¹⁸ *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969. С. 363.
- ¹⁹ *Алексеев Ю. Г.* Псковская судная грамота: Текст. Комментарий. Исследование. Псков, 1997. С. 40.
- ²⁰ *Алексеев Ю. Г.* Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980. С. 83.
- ²¹ *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969. С. 355–356.
- ²² *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 308.
- ²³ *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1962–1976 гг.) М., 1978. С. 132–133.
- ²⁴ *Алексеев Ю. Г.* Псковская судная грамота: Текст. Комментарий. Исследование... С. 39.
- ²⁵ *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте... С. 131.
- ²⁶ *Алексеев Ю. Г.* Псковская судная грамота: Текст. Комментарий. Исследование... С. 37.
- ²⁷ *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте... С. 107.
- ²⁸ *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 443.
- ²⁹ *Алексеев Ю. Г.* Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980. С. 102.
- ³⁰ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 156. С. 203; *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник... С. 98.
- ³¹ *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 309–310.
- ³² *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. С. 404.
- ³³ *Алексеев Ю. Г.* Псковская судная грамота: Текст. Комментарий. Исследование... С. 38.
- ³⁴ *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник... С. 361–362.
- ³⁵ *Алексеев Ю. Г.* Псковская судная грамота: Текст. Комментарий. Исследование... С. 43.
- ³⁶ *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты... С. 346–347; *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. С. 432.
- ³⁷ *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. С. 470.
- ³⁸ *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.) М., 1958. С. 10–11.
- ³⁹ *Алексеев Ю. Г.* Псковская судная грамота: Текст. Комментарий. Исследование... С. 41; *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты... С. 344.

- ⁴⁰ *Никитский А.* Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873. С. 278–282; *Черепнин Л. В.* Социально-политическая борьба в Псковской феодальной республике в конце 70-х – начале 80-х гг. XV в. // История СССР. 1958. № 3. С. 160; *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV–XV вв. М., 1966. С. 157; *Кафенгауз Б. Б.* Древний Псков. М., 1969. С. 74; *Алексеев Ю. Г.* Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980. С. 119–128; *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси. М.; Л., 1946. С. 476–483.
- ⁴¹ *Хорошкевич А. Л.* «Брань» из-за смердов в Пскове в 80-х гг. XV в. // Русский город. М., 1983. Вып. 6. С. 46.
- ⁴² ГВНП. М.; Л., 1949. С. 338; *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты... С. 154; *Алексеев Ю. Г.* Псковская судная грамота... С. 120.
- ⁴³ *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 295–296, 415, 457; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1952. Т. 1. № 2. С. 26–27.
- ⁴⁴ *Зимин А. А.* Холопы на Руси. М., 1973. С. 95, 259; *Алексеев Ю. Г.* Псковская судная грамота... С. 206.
- ⁴⁵ *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 229–256; *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 494–497.
- ⁴⁶ «Се купиша Григоре у братии его Федора у Якова и у Ермола и у Радиона землю и воду и прикупки их в Лисьях и у старосте у Радиона и у всего погоста у селских смердов смердью землю и воду и полтретьятцата места и пожня и прикремы и пень и колоду, и полесья, куда смерди селские ногою стали Якова и Ермола и Радионя и весь погост их по земли и по воде и по пожням». Купчая на землю прошла официальное утверждение путем прикрепления свиначьей буллы. По ее описанию («печать свиначья псковская глазуха») В. Л. Янин датировал грамоту 1425–1469 гг. (*Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты... № 19. С. 59–60, 174).
- ⁴⁷ *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты... С. 153–156; *Алексеев Ю. Г.* Псковские купчие XIV–XV вв. // ВИД. Л., 1976. Т. VII. С. 136–140; *Алексеев Ю. Г.* Псковская судная грамота... С. 122–123.
- ⁴⁸ *Хорошкевич А. Л.* «Брань» из-за смердов... С. 46, 52.
- ⁴⁹ *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты... С. 156, 162; *Алексеев Ю. Г.* Псковская судная грамота... С. 124; *Харлашов Б. Н.* О социальном составе населения Псковских губ в XV в. // Псковская судная грамота и российская правовая традиция. Псков, 1997. С. 42–43.
- ⁵⁰ *Греков Б. Д.* Движение псковских смердов 1483–1486 гг. и «смердь грамоты» // ИЗ. Т. 20. М., 1946. С. 3–23; *Алексеев Ю. Г.* Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980. С. 204–227; *Хорошкевич А. Л.* «Брань» из-за смердов в Пскове в 80-х гг. XV в. С. 37–52; ПЛ. Вып. 1. С. 79–80; ПЛ. Вып. 2. С. 65–69.
- ⁵¹ *Хорошкевич А. Л.* «Брань» из-за смердов... С. 48–52.
- ⁵² Уже в начале «брани о смердах» осенью 1484 г. в Пскове поставили новый мост через Пскову, «а даша мастером 60 рублей, а платиша то серебро мясники». Весной 1484 г. соседи Козмодемьянского конца заложили свой участок стены на Запсковье от реки Великой. Соседи Богоявленского конца заложили свой участок стены от Псковы в 1482 г. и завершили строительство осенью 1483 г. Строительство деревянной стены Окольного города в августе 1465 г. также осуществлялось силами самих посажан и их «запасом». В 1433 г. соседи Петровской улицы разобрали старую башню у церкви Петра и Павла, использовав материал на строительство церкви Бориса и Глеба. Когда требовалось выполнить высококвалифицированную работу, город нанимал мастеров. Так, в течение трех лет в 1463–1465 гг. 80 наймитов строили перси в Кремле за «мзду» в размере 175 рублей. В 1458 г. также наемные мастера

- надстраивали новую стену в Кремле на участке «от захабия до Коутнего костра». Строительство обошлось городу в 150 рублей. Крупнейшее строительство в 1422–1424 гг., когда за три с половиной года были возведены «перси кромския», также осуществлялось двумя сотнями мастеров, взявших 1200 рублей найма. (ПЛ. Вып. 2. С. 39, 44, 50, 63, 65, 160, 161).
- 53 *Хорошкевич А. Л.* «Брань» из-за смердов... С. 49–51.
- 54 *Романов Б. А.* Люди и нравы Древней Руси. Л., 1966. С. 10–11.
- 55 Соборное уложение 1649 г. Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 230.
- 56 РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3; Архив СПбФИРИАН. Ф. 134; Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова. Ч. II. М., -Л., 1945.
- 57 *Александров В. А.* Обычное право крепостной деревни России: XVIII – первая половина XIX в. М., 1984. С. 36.
- 58 *Аракчеев В. А.* Волостные миры накануне закрепощения (вторая половина XVI в.) // Александр Ильич Копанев: Сборник статей и воспоминаний. СПб., 1992. С. 146–147.
- 59 Архив СПбФИРИАН. Ф. 134. Оп. 1. № 142.
- 60 Архив СПбФИРИАН. Ф. 134. Оп. 1. № 621.
- 61 Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. Ч. 2. М., -Л., 1945. № 351. С. 61.
- 62 *Маньков А. Г.* Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М., -Л., 1962. С. 222.
- 63 *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси. Ч. 2. М., 1954. С. 185.
- 64 Архив СПбФИРИАН. Ф. 134. Оп. 1. № 699, 704, 740, 741.
- 65 *Дьяконов М. А.* Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI–XVII вв.) СПб., 1898. С. 284–286.
- 66 РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17761.
- 67 Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в. Тексты. Л., 1986. № 138. С. 122; Дополнения к Актам историческим. Т. 8. СПб., 1862. № 36, II.
- 68 Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. Ч. 2. М., -Л., 1945. № 244. С. 14.
- 69 РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17761. Л. 515.
- 70 ПСРЛ. Т. VI. СПб., 1853. С. 280–281.
- 71 Памятники истории Восточной Европы. Т. 6. М., -Варшава, 2002. № 46. С. 115.
- 72 Следственное дело о князе Д. М. Пожарском... С. 39–40.
- 73 *Аракчеев В. А.* 1) Псковский край в XV–XVII вв. С. 168–197, 244–272; 2) Средневековый Псков. Псков, 2004. С. 165–189, 215–235.
- 74 *Енин Г. П.* Воеводское кормление в России XVII в. СПб., 2000. С. 98.
- 75 *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. 7. М., 1991. С. 92–97; *Чистякова Е. В.* Городская политика русского правительства накануне реформ Петра I // Проблемы социально-экономической истории феодальной России. М., 1984. С. 199–201.
- 76 *Чистякова Е. В.* Городская политика... С. 199.
- 77 Дополнения к актам историческим. Т. 5. СПб., 1855. № 1. С. 3.
- 78 ДАИ. Т. 5. СПб., 1855. № 1. С. 25; *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. 7. М., 1991. С. 94–97.

С. Ю. Седунова

Экономическая культура Северо-Запада России: исторический аспект

Понятие «экономическая культура» – трудноопределимое. Существует множество определений, делающих акценты на различные аспекты экономико-культурной жизни.

Современный экономический словарь под ред. Б. А. Райзберга, Л. Ш. Лозовского, Е. Б. Стародубцевой дает следующее определение: «Экономическая культура – система ценностей и побуждений хозяйственной деятельности, уважительное отношение к любой форме собственности и коммерческому успеху как к большому социальному достижению, успеху, неприятие настроений “уравниловки”, создание и развитие социальной среды для предпринимательства и т. д.».

В учебнике «Экономическая психология. Социокультурный подход» экономическая культура определяется как «совокупность законов, правил, норм и традиций, обусловленных ценностной системой хозяйственной деятельности, соответствующих им социальных институтов, способов деятельности и принятия хозяйственных решений, включая способы, методы и содержание обучения и подготовки для хозяйственной деятельности».

Как видно, в экономическом словаре приведено более психологическое понятие экономической культуры.

Ряд специалистов предпочитает выделять культурологический аспект данного понятия, выводя последнее из определения культуры в целом, прежде всего как социальной памяти общества, а в данном конкретном случае – социальной памяти экономического развития того или иного общества.

В связи с этими разночтениями и отсутствием общепринятого определения, часто понятие «экономическая культура» подменяется другими понятиями, например, культура предпринимательства, этика предпринимательства, культура хозяйственной деятельности, применительно к современному миру – этика бизнеса и т. д.. Некоторые исследователи используют понятие «ЭТОС» – стиль жизни социальной группы, выраженный в культурных нормах и ориентирах, а также разделяемых этой группой иерархией ценностей.

Как видно, понятие «экономическая культура» находится на стыке множества наук – экономики, истории, этики, психологии, социологии, культурологии.

В историческом ракурсе понятие «экономическая культура» используется достаточно редко, однако такая постановка вопроса более чем уместна.

Можно ли говорить о зарождении, существовании экономической культуры Северо-Запада России на протяжении всей истории этого региона, прежде всего, двух старейших городов – Новгорода и Пскова? Многие исследователи, возможно, будут отрицать такую постановку вопроса. Однако уже С. Булгаков отмечает, что наука о хозяйстве оказывается глуха и слепа ко всему, что выходит за пределы специальных задач и пишет, что «всякая хозяйственная эпоха имеет свой дух и, в свою очередь, является порождением этого духа, каждая экономическая эпоха имеет свой особый тип “экономического человека”, порождаемый духом хозяйства...».

В результате, можно предположить, что вопрос о существовании исторического аспекта в экономической культуре правомерен, и допустить, что на ее развитие оказывают влияние, прежде всего, следующие факторы:

- климат и географическая среда;
- исторические условия жизни этноса;
- этические принципы, сформировавшиеся в рамках религиозных систем.

Вопрос о *влиянии климата и географической среды* на развитие экономики, а следовательно, и экономической культуры, уже рассматривался рядом исследователей, начиная еще с XVIII в., также, как и исторические условия существования предпринимательства, его развития.

Не всякую разновидность хозяйственной активности можно назвать в полном смысле слова предпринимательством.

Без сомнения, древнейшим видом предпринимательской деятельности являлась торговля, а купцов по праву называют первыми русскими предпринимателями, внесшими значительный вклад в развитие экономики страны. Сложно отрицать значение Новгорода и Пскова в развитии торговли Древнерусского государства. Кроме того, на наш взгляд, можно говорить об особом типе купца, сформировавшемся на Северо-Западе. Два этих северных русских города-государства не были прямо затронуты монгольским вторжением XIII в. и продолжали поддерживать свою целостность и автономию в течение всего монгольского правления. Новгород должен был платить часть дани хану, но монголы ему не досаждали. Напротив, они даровали ему его древние политические привилегии и свободу торговли. Новгородские купцы вели свою торговлю и промысловую деятельность артелями, или компаниями, представлявшими собой хорошо вооруженные отряды. В Новгороде существовали десятки предпринимательских артелей, в них объединялись в зависимости от товаров, которыми промышляли, или местности, куда ходили торговать. Были, например, поморские купцы, торговавшие на Балтийском или Белом морях, низовские купцы, имевшие дела в суздальской области и т. п. Самые основательные новгородские предприниматели объединялись в торгово-промышленную ассоциацию, именуемую тогда «Иваново сто» и имевшую свой центр около храма Святого Иоанна Предтечи в Опоках.

На протяжении всего монгольского периода Новгород поддерживал активную торговлю с островом Готланд, с Ригой и Ганзейским союзом. Псков также торговал с Ригой. Новгородские и псковские купцы имели дело с Тверью, Витебском, Смоленском и с «низовыми городами» Волжско-Окского региона.

Показателем развитой предпринимательской деятельности служит не только обмен продукцией, но, главным образом, производство ее для обмена. Новгород в этом плане фактически дал начало развитию предпринимательства в России. Наряду с купцами

на рынках древнерусских городов присутствовала многочисленная группа мелких торговцев-ремесленников, продававших собственноручно изготовленные изделия ремесла: для данных территорий в частности преобладали глиняная посуда, деревянные бочки, кожаная обувь, изделия из стекла, ювелирные украшения, изделия из железа и т. д. К концу XII столетия в крупнейших древнерусских городах насчитывалось свыше 100 ремесленных специальностей. Изготовление продукции для рынка свободными городскими и сельскими ремесленниками можно отнести к одному из формирующихся видов предпринимательской деятельности.

Древней формой предпринимательства на Руси также было ростовщичество. О деятельности ростовщиков известно со времен «Русской Правды», «Повести временных лет». Проценты были достаточно высокие. Предпринимательство в сфере ростовщичества несколько затруднялось и тем, что в допетровской Руси взимание процентов считалось предосудительным, как несовместимое с нормами христианской морали. Институт ростовщичества мало способствовал развитию предпринимательства. Однако на определенном этапе предпринимательство и ростовщичество были необходимы друг другу. Новгородский предприниматель купец Климята (Климент), живший в конце XII – начале XIII вв., сочетал свою широкую торговую деятельность с предоставлением кредитов (отдачей денег в рост). Климята был членом «купеческого ста» (союз новгородских предпринимателей), занимался он преимущественно бортным промыслом и скотоводством. К концу жизни ему принадлежали четыре села с огородами. Перед смертью он составил духовную, в которой перечислял свыше десятка различного рода людей, связанных с ним предпринимательской деятельностью. Из перечня должников Климяты видно, что он выдавал также и «поральское серебро», за что взимались проценты в виде наклада. Деятельность Климяты была такова, что он не только предоставлял кредиты, но и брал их. Так, он завещал в уплату долга своим кредиторам Даниле и Воину два села. Все свое состояние Климята завещал Новгородскому Юрьевскому монастырю – типичный случай для того времени.

По свидетельству новгородских берестяных грамот XII в., в долг давались деньги в виде серебряных гривен (их занимали преимущественно купцы, средние и высшие слои населения, связанные с торговлей) и зерно, в котором нуждались преимущественно крестьяне. Срок ссуды обычно составлял один или два года, по

окончании которого она должна была быть возвращена кредитору с установленными процентами. Договоры займа оформлялись на бересте и представляли собой подобие простого векселя, распространенного в Европе. Это были записи кредиторов, ссужавших должников, или записки последних о том, кому нужно вернуть деньги. В Новгороде ростовщичество приобрело характер наследственного промысла, а долговые обязательства передавались от отца к сыну. В Новгороде и Пскове эти обязательства назывались «досками» и носили официальный характер.

Судя по берестяным грамотам, ссудный процент оставался очень высоким, и это позволяло новгородскому ростовщику за два года удваивать свой капитал. Нередко деньги брались под «третний рез», т. е. под 50 % годовых. Практически все слои населения положительно относились к ростовщичеству, оно удовлетворяло острую потребность в деньгах, столь необходимых для проведения торговых операций и вообще для развития хозяйства страны. Даже духовенство часто выступало лишь за снижение ссудного процента, признавая право на существование ростовщичества.

Но полностью сохранилась преемственность торгово-ремесленной жизни в ведущих центрах Северо-Западной Руси (Новгороде, Пскове, Смоленске), избежавших монгольских погромов.

На основании косвенных данных можно утверждать о существовании в русских городах XIV–XV вв. объединений ремесленников по улицам (например, Щитной – в Новгороде, Кузнечной – в Пскове), слободам, сотням, рядам, отличавшихся от западноевропейских ремесленных цехов эпохи средневековья отсутствием оформленных уставов, но имевших общую казну, патрональные храмы и собиравших своих членов на пиры – «братчины»¹.

Гораздо быстрее, чем ремесло и промыслы, стали возрождаться после 1240 г. нарушенные торговые связи русских земель, в чем были кровно заинтересованы и правители Золотой Орды, получавшие значительные дополнительные доходы от взимания таможенных пошлин. Наряду с Новгородом Великим, Псковом и Смоленском в оживленные центры внутренней и внешней торговли в XIV–XV вв. превратились Москва, Нижний Новгород, Тверь. Вокруг них и других крупных городов формировались областные рынки, налаживались и межобластные связи⁶¹. В источниках больше всего отложилось свидетельств о торговле зерном, солью, пушниной,

льном, рыбой. Сбытом излишков сельскохозяйственной продукции занимались не только феодалы и крестьяне, но и профессионалы-перекупщики, специализировавшиеся на определенных видах товаров, например, «прасолы», торговавшие солью, а позже и мясом, «хлебпродавцы».

В XIV и особенно в XV в. церковь все более активно втягивалась в сферу обмена. Хотя еще во времена Ивана Калиты митрополит Руси Петр запрещал и белому, и черному духовенству заниматься торговлей и ростовщичеством: «А который игумен или поп, или чернец торговал прежде сего или серебро давали в резы (в долг под проценты - *Авт.*), а того бы от сех мест не было, зане же вам казненным быти за то от Бога»². Но жизнь заставляла православных иерархов отказываться от столь суровых запретов и даже самим посылать своих людей в торговые поездки. При московских великих князьях Дмитрие Донском и его сыне Василии Дмитриевиче представители митрополита, торговавшие излишками натуральных доходов, уже были освобождены от уплаты тамги. «А митрополичим людем церковным тамги не давати, как было и при Алексее митрополите: кто продаст свое домашнее, тот тамги не даст; а который имет прикупом которым торговати, а тот тамгу дасть»³. Направляя своих людей торговать, митрополит Филипп (1464–1473) снабжал их подорожными грамотами, освобождавшими от уплаты всяческих пошлин на всей территории Московской митрополии. А один из его предшественников, Иона (1448–1461), дважды обращался с посланием к правителям Казанского ханства, у которых просил обеспечить беспошлинный проезд и беспошлинную торговлю в Казани для своих слуг, ездивших продавать митрополичье добро («рухлядь»)»⁴.

Еще большей предпринимательской хваткой отличались игумены крупнейших монастырей Северо-Восточной Руси, владевших вотчинами, рыбными промыслами, соляными варницами и нуждавшихся в дополнительных продуктах для прокорма братии. Древнейшая из сохранившихся княжеских грамот на право беспошлинной торговли была дана в 20-х годах XIV в. Спасскому ярославскому монастырю. В следующем столетии такую привилегию получили и многие другие монастыри – Кирилло-Белозерский, Ферапонтов, суздальский Спасо-Евфимьев, вологодский Глушецкий. Широкий размах приобрела торговая деятельность подмосковного Троице-Сергиева монастыря, отправлявшего в 60-х годах XV в. только в

Новгород Великий триста возов зимой и триста телег летом. Его лодки с товарами плавали по Волге, Оке, Шексне, Северной Двине и другим рекам. Для постоя и проживания торговых людей использовались принадлежащие ему городские дворы во Владимире, Дмитрове, Кашине, Москве, Переславле-Залесском, Ростове, Соли Галичской, Угличе. Не отставал от него Кирилло-Белозерский монастырь, имевший несколько дворов на посадах в Вологде, Белоозере и развернувший торговлю от Холмогор до Москвы. Чаще всего монастырские купчины везли рожь, рыбу, соль, мед⁵.

XV век был временем наибольшего развития экономики и культуры Пскова как центра обособленной земли. Развивалось земледелие, ремесло, торговля. Последняя была главной характеристикой развития экономики этого периода. Торговля шла в Пскове довольно оживленно и постоянно – на Торгу, у самых стен Довмонтова города. В город приезжало много купцов, велись торговые дела, заключались договоры. В отношении путей сообщения географическое положение Пскова всегда было исключительно благоприятным. Но подъем торговли с Прибалтикой и Европой наметился лишь тогда, когда немцы и датчане в 1224 г. победили эстов, а вскоре после этого в качестве передового торгового центра Ганзы был основан г. Дерпт. От него до Чудского озера было всего 30 километров. Псковские купцы постоянно находились в Дерпте, там у них была своя церковь, носившая имя святого Георгия.

Была установлена связь с Ганзой, которая особенно окрепла после установления во Пскове политической независимости в 1348 г.. Правда, в Пскове, в отличие от Дерпта и Новгорода, никогда не существовало торговой конторы Ганзы, но здесь образовался центр с собственным рынком, привлекавший многих купцов. Псков тогда насчитывал 25 тысяч жителей – на 5 тысяч больше, чем Кельн.

О постоянных, укреплявшихся веками, связях с Прибалтикой, особенно с ее соседним регионом – до Юрьева (Тарту), Ругодива (Нарвы) и Феллина (Вильянди), – говорят летописи, торговые и мирные договоры, послание к митрополиту Фотию в начале XV в. с вопросом о том, можно ли пользоваться хлебом, овощами и вином, привозимыми из немецкой земли. Важным показателем развития торговли и всей экономики Пскова в это столетие является дважды проведенное изменение денежной системы. В начале века вместо кун – устаревших и обесцененных денег киевского времени – в Новгороде и Пскове были приняты иноземные монеты, называв-

шиеся на Руси пенязи (пфенниги). В 1424 г. во Пскове началось литье серебряной монеты, основными единицами были первоначально гривны и деньги. Это событие занесено в летопись: «Того лета псковичи отложиша пенязями торговати, и начаша в чисте сребре деньги лити: и оттоле начаша деньгами торговати».

Все это не могло не повлечь за собой и развитие кредитных операций, основные начала которых были зафиксированы в Псковской судной грамоте, замечательном памятнике псковского вечевого законодательства, датирующегося, по мнению большинства специалистов, 1467 годом.

Известны отзывы иностранцев о русском купечестве. Сигизмунд Герберштейн, посетивший Россию в начале XVI в. в качестве посла Священной Римской империи, в своей «Книге о Московии» отмечал, что после присоединения Пскова к Москве «вместо более общительных и даже утонченных обычаев псковитян почти во всех делах введены были гораздо более порочные обычаи московитов. Именно псковитяне при всяких сделках отличались такою честностью, искренностью и простодушием, что не прибегали ни к какому многословию для обмана покупателя, а одним только словом указывали на самую вещь...»⁶.

Говоря об *исторических особенностях развития Северо-Западного региона России*, нельзя не упомянуть о так называемых «выводах» и «сводах» торгово-ремесленного населения, насильно осуществлявшихся властями государства в конце XV–XVI вв. Особенно подробно в литературе того времени освещен массовый «вывод» жителей Пскова в 1510 г. По наблюдениям исследователей Н. Е. Носова и Б. Н. Флори, пополнение столичного купечества за счет его наиболее предприимчивых представителей привело к концу XVI в. к значительным структурным изменениям⁷. В Новгороде и Пскове исчезают купеческие старосты, в других провинциальных городах власти также ликвидировали самые привилегированные и зажиточные группы местного купечества.

С момента присоединения Пскова к Московскому государству вводятся новые правила торговли для псковских купцов, которые, естественно, диктовала теперь Москва. Были введены одинаковые таможенные пошлины для всех купцов, торгующих на псковском рынке. Кроме того, в Псков было переселено 300 крупных московских купеческих семей, им были переданы дворы в Среднем городе, а псковичи были выселены – крупные торговцы отправлены в Моск-

ву, мелкие выселены в Окольный город. «Забываясь о закреплении Пскова за Москвою, Василий Иванович не мог, конечно, оставить его без заселения Московским людом и в этих видах сделал об отведении для пришлых Москвичей места в Пскове нужные распоряжения, благодаря которым Псков подвергся значительным изменениям и даже внешне получил физиономию простого Московского города»⁸. Тот же Сигизмунд Герберштейн про московское купечество, как, впрочем, очень многие иностранцы, писал: «Торгуют они с великими обманами и коварством. Мало того, желая купить какую-нибудь вещь, они оценивают ее, с целью обмана продавца, менее чем в половину стоимости и держат купцов в колебании и нерешительности не только по одному или по два месяца, но обыкновенно доводят некоторых до крайней степени отчаяния»⁹.

Насколько можно видеть, отзывы свидетельствуют о существенных отличиях в поведении, методах, приемах работы купечества различных земель России. Кроме того, на наш взгляд, можно отметить еще одну особенность развития торговли Северо-Запада Руси – это отношение к купечеству. В Новгороде и Пскове это занятие ценили, к купцам относились уважительно, о них слагали былины – вспомним Садко, класс купечества в этом регионе обладал значительным престижем и имел влияние на формировании правительственной политики, этот слой имел тенденцию смешиваться с боярами. Позднее в России торговля перестает быть почетным занятием, термин «торговец» становится подчас равносильным понятиям «мошенник», «обманщик». В Москве только некоторые из наиболее богатых купцов, занимавшихся внешней торговлей (входящих в категорию гостей), имели почетное положение.

Присоединение этих регионов к русскому централизованному государству и проведенный «размен» населения становится первым толчком к ликвидации особенностей местной хозяйственной деятельности, того, что мы определяем в качестве основного составного элемента экономической культуры.

Псков в XVI–XVII вв. сохранил свое значение одного из крупнейших торговых центров на западе Русского государства как во внутренней, так и во внешней торговле. Через Псков шли важнейшие пути: водный – к Иван-городу и по суше – в Ригу и Литву, по которым осуществлялись торговые связи с западноевропейскими странами. Дважды в год – в январе и мае, – в Пскове проводились крупные ярмарки, на которых продавались крупные партии леса,

сухих снетков, пенька, сало, юфть. Наиболее крупными были операции по закупке льна и пеньки. Лен поступал в Псков не только из Псковской земли, но и из Старой Руссы, Тверской и Смоленской земель. Отсюда он перепродавался за рубеж. Через Псков также вывозили в Швецию кожи, холст, сукно.

В XVII в. большое значение для торговли с Прибалтикой имел посад под Псково-Печерским монастырем, который возник в предыдущем столетии. Приезжие купцы – «немцы» – останавливались в монастырском гостином дворе, а печеряне ездили по торговым делам в города Прибалтики. В XVII в. иностранцы имели довольно широкие полномочия – они свободно ездили по русским городам, ставили свои дворы, вели розничную торговлю. Это не могло не вызывать серьезных столкновений между русскими и иностранными купцами, особенно в тех городах, где контакты были частыми, в т. ч. и во Пскове. В конце XVI в. в ответ на жалобу 20 псковских крупнейших торговых людей на повышение в Юрьеве проезжих пошлин с купцов, которые ездят в Ригу, Борис Годунов разрешил псковскому воеводе повышать в Пскове пошлины с ливонских купцов до тех же размеров и держать их на этом уровне до тех пор, пока ливонцы не снизят свои пошлины.

Окончательно привилегии иностранных купцов в Пскове были упразднены в середине 60-х годов XVII в. псковским воеводой А. Л. Ординым-Нащокиным. С именем последнего связана попытка создания в Пскове первого учреждения, подобного Банку, что произошло практически одновременно с формированием банковской системы в Англии.

Афанасий Лаврентьевич был сыном очень скромного псковского помещика. Он стал известен еще при Михаиле Романове, его не раз назначали в посольские комиссии для размежевания границ со Швецией. Он показал себя усердным слугой Московского правительства при подавлении Псковского восстания 1650 года, в войне с Польшей в 1654 году, при заключении Валиесарского перемирия со Швецией в 1658 году, и, наконец, в ходе утомительных восьмимесячных переговоров с польскими уполномоченными, закончившимися подписанием в 1667 году Андрусовского перемирия, что составило ему громкую дипломатическую известность. С 1665 года Ордин-Нащокин занимал пост воеводы в Пскове, городе, который наряду с Новгородом, являлся тогда крупнейшим внешнеторговым центром Руси.

Человек, получивший хорошее образование (он знал, по воспоминаниям современников, математику, латинский и немецкий языки), быстро выучивший, в связи с необходимостью, польский, владел обширными знаниями по западноевропейской политике, экономике и торговле, «один из немногих западников, который искал соглашения общеевропейской культуры с национальной самобытностью, один из первых политико-экономов на Руси», он, управляя Псковом, пытался применить здесь свой проект городского самоуправления, взятый «с примеру сторонних чужих земель».

Псковское купечество находилось в состоянии значительного упадка. Это оказалось выгодным иностранным купцам. Используя недостаток оборотных средств и дороговизну кредита, они давали ссуды русским купцам и таким путем приобретали возможность устанавливать низкие цены на русские товары. В донесениях Ордина-Нащокина и челобитных псковского «маломожного» купечества отмечался значительный объем кредитных операций иностранцев в Пскове. Так, в одной челобитной на имя царя было записано: «И в прошлых, государь, годах мы торговые людишки имали деньги у иноземцев на всякие товары, и за те деньги ставили им всякие товары и от того одолжали великими долги»¹⁰.

Мероприятия, которые Ордин-Нащокин намеревался провести в Пскове, должны были не только стимулировать торговлю русских купцов в этом городе, но явиться началом преобразований в масштабе всей страны. Целью этих преобразований было укрепление экономической независимости русского купечества. Земской избой (Городской управой) при участии воеводы были выработаны «Статьи о градском устроении», своего рода положение об общественном управлении города Пскова с пригородами в 17 статьях. Нащокин видел главные недостатки русской торговли в том, что «русские люди в торговле слабы друг перед другом», неустойчивы, не привыкли действовать дружно и легко попадают в зависимость от иностранцев. И главные причины этой неустойчивости – недостаток капиталов, взаимное недоверие и отсутствие удобного кредита. Для ликвидации этих недостатков предполагалось всех «маломочных» торговцев распределить «по свойству и знакомству» между крупными капиталистами, которые будут наблюдать за их промыслами. Земская изба выдает им из городских сумм ссуды для покупки русских вывозных товаров. Для торговли учреждались под Псковом две двухнедельные ярмарки с беспошлинным торгом, к

которым мелкие торговцы на полученную ссуду при поддержке капиталистов, к которым приписаны, скупают вывозные товары, записывают их в Земской избе и передают своим принципалам; те уплачивают им покупную стоимость принятых товаров для новой закупки к следующей ярмарке и делают им «наддачу» к этой покупной цене «для прокормления», а продав иноземцам товар по установленным большим ценам, выдают своим клиентам причитающуюся им полную прибыль. Эти своеобразные торговые товарищества состояли при Городской управе, которая таким образом становилась ссудным банком для купцов.

После отъезда Ордина-Нащокина из Пскова из-за назначения его в 1667 г. начальником Посольского приказа его преемник кн. Хованский, «тараруй», как его прозвали в Москве, болтун и хватун, которого «всяк дураком называл», по выражению царя Алексея, ликвидировал все нововведения Ордина-Нащокина. Он убедил царское правительство, что Нащокин «намудрил бесполезное».

Менее всего в истории предпринимательства изучен третий аспект – *этические принципы*, сформировавшиеся в рамках религиозных систем.

Широкое развитие предпринимательства в России, отмечает историк Д. С. Иловайский, было связано с исторически сложившимся характером народа — «деятельного, расчетливого, домовитого, способного к неуклонному преследованию своей цели, к жесткому или мягкому образу действия, смотря по обстоятельствам»¹¹. Еще в начале XX в. один из первых исследователей предпринимательской деятельности Макс Вебер в своей книге «Протестантская этика и дух капитализма» писал, что не только стремление к выгоде движет предпринимателем. Профессиональный долг, особо остро ощущаемые обязательства перед делом – вот истинные мотивы такой деятельности.

Сущность этических принципов русского предпринимательства всегда заключалась в преобладании духовно-нравственных мотивов жизненного поведения над мотивами материальными. Хорошо известно, что русское народное понимание нестяжательства укладывалось в короткие и четкие афоризмы: «Лишнего не бери, карман не дери, души не губи», «Живота не копи, а душу не мори».

Влияние православной религии на хозяйственную деятельность русского человека отразил еще Л. А. Тихомиров: «Не общественная польза, не интересы Отечества, не приличия и удобства жизни

диктуют русскому его правила поведения, а абсолютный этический элемент, который верующие прямо связывают с Богом, а неверующие ни с чем не связывая, чтут бессознательно».

К богатству и богачам, к накопительству русский человек издревле относился недоброжелательно и с большим подозрением. Многие в русском обществе считали, что любое богатство связано с грехом. «Богатство перед Богом – большой грех». «Богатому черти деньги куют». «Пусти душу в ад – будешь богат». «В аду не быть – богатства не нажить». Православному русскому человеку всегда была чужда идея богатства ради богатства. Одними из первых вопрос о соотношении предпринимательства и нравственности стали рассматривать российские мыслители конца XIX – начала XX вв. В частности, В. С. Соловьев высказал мысль об отсутствии «принципиального отделения хозяйственной области и нравственной», религиозно-этических мотивов у «хозяйственного деятеля»¹².

Анализируя характер великороссов, отмечая черты, которые могли способствовать развитию русского предпринимательства, русский историк академик В. Безобразов выделяет особо:

- чувство меры, которое уравнивает все разнообразные душевные порывы, движение увлечения всяких других чувств и страстей, соразмеряет важность различных целей и силу наличных способов их достижения;
- практический расчет – умение сосредоточиться на ближайших и важнейших целях жизни и пожертвовать в момент действия всеми более отдаленными, менее необходимыми и менее достижимыми, хотя бы и самыми возвышенными целями;
- самообладание среди разнородных и противоположных потребностей жизни и стремления к их удовлетворению;
- трезвость характера, не позволяющая увлекаться никакими чувствами и страстями, удаляющими от раз поставленной задачи, от начатого предприятия;
- сила воли, непрерывно поддерживающая бодрость духа, не позволяющая предаваться излишнему самообольщению при успехе и излишнему унынию при неудаче, всегда дающая рассудку господство над порывами чувств¹³.

Хозяйственная этика и трудовая мораль в русском православии заняли подчиненное место по сравнению с трудом духовным. Русской культуре было свойственно более терпимое, чем на Западе, отношение к неудачникам хозяйственной деятельности, помощь

бедным составляла важнейшую нравственную обязанность христианина. Нищие занимали в средневековой русской культуре совершенно определенную нишу: через подаяние выполнялась заповедь о любви к ближнему. Многие исследователи считают, что именно это стимулировало широкий размах милостыни и благотворительности в России. Современные исследователи обращаются к религиозности русских предпринимателей, как основному мотиву их благотворительной деятельности. Высказано мнение, что в своей благотворительной деятельности они следовали евангельской формуле: «Кто одел голого, накормил голодного, посетил заключенного, тот Меня одел, Меня накормил, Меня посетил».

Влияние религии на экономическую жизнь подробно рассмотрел М. Вебер в знаковой работе «Протестантская этика и дух капитализма». Он показал, что церковная дисциплина существовала и в католической, и в лютеранской церквях, но только в протестантских общинах допущение к причастию обуславливалось нравственной безупречностью, которая, в свою очередь, отождествлялась с деловой честностью. М. Вебер отмечал несомненное преобладание протестантов среди владельцев капитала и предпринимателей, а равно среди рабочих высокой квалификации и в среде высшего технического и коммерческого персонала предприятий конца XIX в.. Он пишет, что самые богатые люди на Западе (имеется в виду начало XX в.) являются протестантами. Еще в студенческом возрасте они выбирают коммерческие, промышленные и торговые специальности, в то время как католики предпочитают гуманитарные специальности.

Кстати, подтверждение этому отчасти нашлось и в Пскове, где к XIX в. сформировалась большая община немцев, которые составляли до 10 % населения Пскова и в большинстве своем были протестантами по вероисповеданию. Немцами было открыто большое количество магазинов, бань, лавок. Они были владельцами и крупных предприятий в сфере промышленности, сельского хозяйства (в частности, льноводства). Ряд псковских предпринимателей-немцев, испытывающих потребность в средствах для расширения дела, особенно связанного с льняной экспортной торговлей, поддержали инициативу И. И. Шмидта – представителя Нарвского торгового дома «Г. Д. Шмидт и К°» о создании в Пскове своего кредитного учреждения. Учредителями значились Банкирский дом «Виникен и К°», Тайный советник Евгений Иванович Мюссар, отставной Гвардии поручик

Николай Антонович Эссен и Торговый дом в Пскове «Ганс Дидрих Шмидт и К^о»⁸. Устав Псковского Коммерческого банка был утвержден министром финансов М. Х. Рейтерном 14 февраля 1873 г. Уже 13 мая состоялось первое общее собрание акционеров, на котором был избран первый директор – Александр Карлович Брок, занимавший эту должность в течение 13 лет. А. К. Брок в общественной жизни города был личностью заметной и разносторонней, Президент Совета Лютеранской церковной общины, Старшина общественного собрания, с 1884 г. – Председатель Псковского отделения Императорского музыкального общества.

Псковский коммерческий банк, имевший миллионные обороты на рубеже XIX–XX вв. и ставший отделением в XX в. сначала компании «Юнкер и К^о», а затем Псковским филиалом Московского промышленного банка.

В целом следует сказать, что понятие «экономическая культура» в ее историческом аспекте еще не разработано, не изучено и ожидает своих исследователей, в том числе и в региональном плане.

¹ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 696.

² Памятники старинной русской литературы. СПб., 1862. Вып. 4. С. 187.

³ Российский феодальный архив XIV – первой трети XVI в. М., 1986. Вып. 1. С. 67.

⁴ Там же. С. 82, 154.

⁵ Каишанов С. М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М., 1967. С. 11.

⁶ Герберштейн С. Записки о московитских делах // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1986. С. 106.

⁷ Носов Н. Е. Русский город и русское купечество в XVI столетии (К постановке вопроса) // Исследования по социально-политической истории России. Сборник памяти Б. А. Романова. Л., 1971. С. 166–177; Флоря Б. Н. Привилегированное купечество и городская община в Русском государстве конца XV – начала XVII в. // История СССР. 1977. № 5. С. 155–160.

⁸ Никитский А. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873. С. 298.

⁹ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 81–82.

¹⁰ Боровой С. Я. Кредит и банки России (середина XVIII века – 1861 год). М., 1994. С. 20.

¹¹ Платонов О. 1000 лет русского предпринимательства. Из истории купеческих родов. М., 1995. С. 5.

¹² Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия: Сочинения. Т. 1. М., 1988. С. 406.

¹³ Платонов О. Указ. соч. М., 1995. С. 6.

А. В. Седунов

Правоохранительные органы
в контексте политической и правовой культуры
русского общества периода
Российской империи

Охрана правопорядка – неотъемлемая и одна из важнейших функций государства, поэтому в ее осуществлении принимали участие самые разнообразные государственно-властные структуры, а также общественные институты. Полиция как специальный орган, исполняющий обязанности по охране правопорядка, во всех странах играла значительную роль в системе государственной власти. Поэтому деятельность полиции, ее правовой статус и организация играли весьма значительную роль в формировании правовой и политической культуры русского общества в имперский период.

В допетровской России эти задачи выполняли разнообразные административные и общественные структуры. Специального органа, занимающегося исключительно полицейскими задачами, не было создано. Идеи Петра I, повлиявшие на реформирование страны в первой четверти XVIII в., во многом базировались на западно-европейских концепциях, среди которых одно из ведущих мест принадлежало камерализму как учению о государственном устройстве. Идеи о разделении функциональных полномочий между раз-

личными государственными структурами и всесторонняя регламентация деятельности таких органов власти и служащих в них людей были реализованы в законодательстве Петра I. Контроль за деятельностью чиновников, управляющих организаций и правомерным поведением всех граждан государства, с точки зрения сторонников камерализма, должен быть возложен на специальную, регулярную, всеохватывающую структуру. Таким органом должна была стать полиция. Недаром Петр I, в уникальном для Российского и даже западноевропейского законодательства «Регламенте главному магистрату», в главе «О полицейских делах», пишет, что «полиция есть душа гражданства», а в перечислении обязанностей и задач полиции как специфического органа власти говорится о разнообразных и всепроникающих функциях полиции. Она должна была стать важной структурой, следящей за правильным и законопослушным поведением русских подданных, заботиться о чистоте улиц и дорог, о порядке в торговых местах, правильности цен, «пресекать излишества», защищать «вдовиц сырых и чужестранных», задерживать бродяг, расследовать уголовные преступления, бороться с пожарами, «окарауливать улицы», вести паспортный контроль и «принуждать каждого к трудам и честному промыслу... приносить довольство во всем потребном к жизни человечества». Созданная таким образом, на началах камерализма, регулярная полиция в России занималась не только вопросами сыска, контроля и принуждения, но должна была «давать пример добропорядочного поведения». Эта же идея о полиции как образе мышления была закреплена и в позднейшем законодательстве Екатерины II. Царица в духе «просвещенного абсолютизма» попыталась дать «Наказ Управе благочиния», где полиция представлялась как структура, указывающая правильный путь «с пути сошедшему», «протягивающая руку помощи падающему», «творящая добро» и «дающая кровлю неимущему». Однако если функции принуждения, сыска преступников, контроля за подданными продолжали усиливаться и развиваться в отечественном законодательстве и в XIX – начале XX вв., то риторика о полиции как «примере добропорядочности» уходит из официальных документов. Лишь в начале XIX в. в отдельных публикациях можно встретить подобные мысли. Тем более что полицейские чиновники, обремененные огромным числом обязанностей и полномочий, не имеющие хорошего образования, получаю-

шие небольшое денежное довольствие, часто не могли являть собой пример «добропорядочного» поведения.

На появление такого подхода в отношении роли и значения правоохранительных органов в жизни русского общества оказали влияние не только западноевропейские идеи, но и объективные причины, связанные с характером развития экономики страны. Следует обратить внимание на экономически обусловленные объективные факторы, предопределившие направления деятельности органов, осуществлявших правоохранительную функцию в области обеспечения государственной безопасности. Одной из главных особенностей территории исторического ядра Российского государства с точки зрения аграрного развития являлся крайне ограниченный срок для полевых работ. Подобная ситуация сказывалась на всем укладе жизни русского крестьянина, охарактеризовать который, по мнению Л. В. Милова, можно как «мобилизационно-кризисный режим выживаемости общества с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта»¹. Весь быт земледельца был пронизан стремлением к крайней экономии ресурсов и времени. Крайняя слабость индивидуального крестьянского хозяйства в условиях Восточно-Европейской равнины была компенсирована громадной ролью общины на протяжении почти всей тысячелетней истории русской государственности. Крестьянское хозяйство как производительная ячейка не смогло порвать с общиной, оказывавшей этому хозяйству важную производственную помощь в критические моменты его жизнедеятельности. Неизбежность существования общины, обусловленная ее производственно-социальными функциями, в конечном счете вызвала к жизни наиболее грубые и жестокие политические механизмы изъятия прибавочного продукта в максимально возможном объеме. Отсюда исторически обусловлено и появление крепостничества как наиболее реальной для этого региона Европы формы функционирования феодальной собственности на землю. Режим крепостничества сумел нейтрализовать общину как основу крестьянского сопротивления. В свою очередь, режим крепостничества в России стал возможным лишь при развитии наиболее деспотичных форм государственной власти – российского самодержавия, имеющего глубокие исторические корни. В итоге режим крепостничества, в свою очередь, породил и компенсационные (патерналистского типа) механизмы. Потребность в деспотической власти исторически была обусловлена политически

и экономически. Русское государство, в силу ограниченности и рискованности аграрного производства и постоянных военных угроз, ориентировалось на создание так называемых «всеобщих условий производства». Это и строительство пограничных крепостей-городов, грандиозных оборонительных сооружений в виде засечных полос, строительство и организация крупных металлургических производств, возведение заводов, фабрик, верфей, портовых сооружений. В условиях отсталой, по сравнению с западноевропейскими странами, экономики только чрезвычайная государственная эксплуатация населения могла обеспечить необходимыми средствами государя и его военно-политические устремления. Без принудительного и подконтрольного труда сотен тысяч государственных и помещичьих крестьян, без постоянных «депортаций» в те или иные районы обширной страны «избыточного населения» (крестьян, мастеров-металлургов, оружейников, каменщиков, купцов и т. п.), без всеобъемлющего контроля со стороны государства, без безусловного выполнения царских указов существование и безопасность государства ставилась под сомнение. Подобного рода политика и направления деятельности многих государей мыслилась как единственно возможная и требовавшая своей защиты от внутренних и внешних угроз. Поэтому любое сомнение или неприятие мероприятий царя, его оскорбление, несанкционированный «отъезд от двора» воспринимались как угроза безопасности государя и государства. Задачи по осуществлению контроля за безопасностью были возложены на органы политического сыска² – от опричнины и «особых обыщиков» до Приказа тайных дел, которые использовали самые разнообразные репрессивные методы, далекие от современного гуманистического мировосприятия, но вполне оправданные и апробированные в средневековой Европе и России.

Сформированная указами 1718 и 1722 гг. в столицах, 1733 – в городах России, регулярная полиция, в 1775 и 1782 гг. получает четкую структуру и сферу компетенции. Государство, основываясь на идеях Петра I, пытается возложить на полицию многочисленные обязанности. Полиция была необходима правительству и местным властям как важнейший источник информации о положении дел в стране, на ней лежали обязанности по составлению различных отчетов, о количестве жителей в регионах, их доходах, состоянии торговли, ценах на рынках, умонастроениях людей. Правительство видело в полиции инструмент принуждения и подавления разнооб-

разных проявлений антигосударственных настроений и неподчинения власти. А в условиях Российской империи, где принципы принуждения и верховенства монарха и государства по отношению к подданным был бесспорен, полиция являлась серьезнейшим инструментом власти и ведущим органом, обеспечивающим устойчивое управление. Такому положению полиции соответствовала сфера ее компетенции. И даже появление органов, специализирующихся на специфических полицейских задачах (политический розыск и контроль, противопожарная функция, пенитенциарные органы, налогово-фискальные структуры), не освобождали городскую и уездную полицию от выполнения и этих задач.

Наличие столь больших полномочий, а также появление органов самоуправления, которые стремились перераспределить часть властных полномочий, усилив свою роль в системе управления, не могли не приводить к возбуждению вопроса о структуре полиции и объеме задач, ею выполняемых. В XIX – начале XX вв. правительство предпринимает ряд шагов по пути приспособления полиции к меняющимся социальным и экономическим условиям. Однако не многие проекты в области полиции были реализованы. Государству были выгодны идеологемы начала XVIII в., оно сознательно не идет на радикальные изменения в полицейской сфере, по-прежнему видя в полиции практически единственную реальную контролирующую и всеохватывающую силу в системе местных органов власти. Тем не менее, в течение второй половины XIX – начала XX вв., особенно в сфере публицистов, правоведов, общественных деятелей, ведутся многочисленные споры о пределах полномочий полицейской власти, о конкретизации сферы ее компетенции, о месте и роли полиции в структуре исполнительных органов власти.

В России в начале XIX в., вслед за Францией и Германией, появляется «полицистика» как специфическая часть юридических наук, исследующая и даже обосновывающая многочисленные вмешательства и контроль государства за положением и состоянием человека и общества. В отечественной историографии в более позднее время возникает дискуссия о «полицейском государстве» и его проявлениях в России. В исследованиях Б. Н. Миронова обращается внимание на то, что «полицейское государство было моделью русской государственности для Петра I; при Екатерине II попытки регулировать частную жизнь стали постепенно ослабевать, но они усилились при Николае I»³. Б. Н. Миронов считает, что «по-

лицейское государство» со стремлением регламентировать частную жизнь «всегда оставалось в значительной мере декларацией... и никогда не могло быть реализовано», во-первых, «из-за явного и скрытого саботажа населением правительственных указов и, во-вторых, из-за слабости государственного аппарата»⁴. Однако структурирование местных органов власти в XVIII в. и постоянное их совершенствование в XIX в. привело к созданию достаточно стройной системы органов власти, где полиция занимала важнейшее место, имея все полномочия, силы и средства к вмешательству в частную жизнь горожан.

Пожалуй, впервые полицейские функции были подробно описаны в Указе 25 мая 1718 года, известном как «Пункты, данные Санкт-Петербургскому генерал-полицмейстеру»⁵. В исторической литературе, в ряде работ высказывалась мысль о том, что «Пункты», первоначально адресованные столичному руководителю полиции, затем были ретранслированы и на другие города и губернии страны⁶. Данное утверждение, на наш взгляд, нуждается в уточнении. «Пункты, данные Санкт-Петербургскому генерал-полицмейстеру» и последовавшая через 4 года «Инструкция московскому обер-полицмейстеру» не могли в это время быть применены на периферии, поскольку, в отличие от столиц, в провинциальных городах специальных полиций создано не было. Как указывалось выше, их задачи выполняли военные подразделения, гарнизонные команды либо выборные от населения бурмистры, старосты и, конечно же, воеводы. Для воевод большее значение имела достаточно конкретная «Инструкция или Наказ воеводам», датируемая январем 1719 г. и обязательная для исполнения. В 46 параграфах документа подробно регламентировались задачи воевод. Остановимся на тех из них, которые явно могут быть отнесены к разряду полицейских обязанностей, обратив внимание на то, что, кроме полицейских, воеводы, разумеется, выполняли и многие другие обязанности, являясь высшим должностным лицом в провинции, где отсутствовали специальные полицейские команды. Воеводы должны были контролировать судебные инстанции, «смотреть накрепко за приставленными к делам», за различными чиновниками, «дабы оные каждый свое управление по данному им инструкциону исполняли». Пункты 15 и 36 обязывают воевод смотреть за хорошим состоянием зимних и летних дорог, надзирать за состоянием различных припасов. Вместе с тем «Инструкция» обращает внимание

воевод на необходимость контроля за деятельностью населения на вверенной территории. Большое место уделялось в данном документе задачам по контролю за «гуляющими людьми», недопущению их появления в провинции и городе, а если же таковые все же появлялись, то воеводы должны были нещадно с ними бороться. Воеводы следили за порядком на территории, «чтоб никому насилия и грабежа учинено не было, а воровство и всякие разбои и преступления весьма были прекращены и по достоинству наказаны»⁷.

Свое дальнейшее развитие и определение сферы компетенции полиции получает в «Регламенте, или Уставе Главного магистрата», утвержденного Петром I в январе 1721 г., где уже содержалась отдельная глава «О полицейских делах», в которой говорилось, что «Ежели в Главном Магистрате в которых городах усмотрят, что полезное ко установлению полиции, или добрых гражданских порядков... понеже полиция особливое свое состояние имеет; а именно: она споспешествует в правах и в правосудии, рождает добрые порядки и нравочении, всем безопасность подает от разбойников, воров, насильников и обманщиков и сим подобных, непорядочное и непотребное житие отгоняет, и принуждает каждого к трудам и к честному промыслу, чинит добрых досмотрителей, тщательных и добрых служителей, города и в них улицы регулярно сочиняет, препятствует дороговизне, и приносит довольство во всем потребном к жизни человеческой, предостерегает все приключившиеся болезни, производит чистоту на улицах и в домах, запрещает излишество в домовых расходах, и все явные погрешения, призирает нищих, бедных, больных и прочих неимущих, защищает вдовиц, сирых и чужестранных по заповедям божьим, воспитывает юных в целомудренной чистоте и честных науках; вкратце ж над всеми сим полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобства». Этот документ определял весьма широкие полномочия полиции, что дало повод исследователям видеть в документе реализацию идей «полицейского государства», характерного для Западной Европы XVII–XVIII вв.

«Наказ управе благочиния» «Устава благочиния или полицейского» 1782 г., стал развитием идей Петра I, содержавшихся в «Регламенте Главного магистрата», это своеобразные морально-этические предписания, которыми должны руководствоваться жители страны и полицейские чины. Екатерина II акцентирует внима-

ние не только на христианских религиозно-этических принципах в полицейской деятельности – «не чини ближнему чего сам терпеть не хочешь», «ближнему не твори лиха, но твори добро колико можешь», «в добром помогите друг другу, веди слепого, дай кровлю нищему, напои жаждающего», «с пути сошедшему указывай путь». Императрица предписывает, что полиция обязана контролировать многие сферы общественной и частной жизни – от борьбы с антигосударственными деяниями до взаимоотношений отцов и детей, мужей и жен. Причем Екатерина II не только указывает задачи полиции, но, как и Петр I, пытается регламентировать моральный облик полицейских чинов. Раздел XII третьего отделения статьи 41 «Устава» указывает, что полицейские должны иметь «здравый рассудок», «добрую волю в отправлении поручений», «человеколюбие», честность, усердие и «радение о должности».

В начале XIX в. не происходит сколь-нибудь значительных преобразований в сфере компетенции полиции. В 1803 г. полиции предписывалось составлять отчеты о количестве правонарушений и направлять их губернатору для дальнейшей пересылки в Министерство юстиции. Позднее аналогичные сведения поставлялись и в Министерство полиции во время его существования. С появлением Третьего отделения Его Императорского Величества канцелярии полицейские отчеты о состоянии дел направлялись и туда. После введения жандармского штаб-офицера в систему местных органов власти в 1837 г. городской полиции было вменено в обязанность оказывать ему «всемерное содействие, ввиду малочисленности штатов» органа политического сыска.

Появившись в 1826–1827 гг., губернские жандармские управления и жандармские офицеры, тщательно отобранные по принципу «благонадежности» и умения «общаться с населением», наблюдали за «благочином» на местах в самом широком понимании этого слова, входя во все подробности бытия жителей империи⁸. В каждую губернию назначался штаб-офицер в чине от майора до полковника. Весь штат ГЖУ в это время был немногочисленен и в небольших, «спокойных» губерниях насчитывал от 3 до 7 служащих. Именно на них была возложена основная задача в области контроля за состоянием дел в губерниях Российской империи. Жандармские штаб-офицеры являлись представителями центрального органа политической полиции на местах, они были обязаны информировать руководство Корпуса и III Отделение СЕИВ канцелярии о положении дел

во вверенной им губернии⁹. Первая «Инструкция» чиновнику Третьего отделения определяла не только сущность и предмет власти жандармов, но и их место в системе управления. Главные обязанности жандармских штаб-офицеров сводились к трем основным положениям: во-первых, обращать внимание на возможные «злоупотребления, беспорядки и закону противные поступки»; во-вторых, наблюдать, чтобы «спокойствие и права граждан не могли быть нарушены» и, в-третьих, предупреждать и устранять «всякое зло». «Инструкция» рекомендовала штаб-офицерам собирать сведения «о бедных и сирых» для оказания им «возможного пособия», что поможет жандармам «приобрести уважение всех сословий» и заручиться «общим доверием»¹⁰. Тогда «в вас всякий увидит чиновника, который через мое посредство, — подчеркивал А. Х. Бенкендорф, — может довести глас страждущего человечества до престола царского и беззащитного и безгласного гражданина немедленно поставить под высочайшую защиту государя императора»¹¹. Спустя год после появления инструкция была дополнена и расширена¹².

В качестве способа получения информации чиновники ГЖУ должны были использовать преимущественно «негласные способы узнавания», пользуясь доверием властей и населения. Однако в нормативных документах речь не шла о приобретении внутренних осведомителей и агентов из разных сословий, для получения достоверной и объективной информации. Лишь в более поздних документах указывалось на необходимость «иметь доверительных и честных людей»¹³, помогающих выявлять злоупотребления.

В материалах, направляемых в столицу, жандармские штаб-офицеры представляли рапорты о политическом и экономическом положении губерний, вверенных их наблюдению¹⁴. В них содержались материалы о «нравственном духе» всех сословий в губерниях; о недостатках и административных злоупотреблениях аппарата губернского управления; об особенностях экономического развития края; о всех вообще «замечательных происшествиях», начиная от распространения эпидемий и кончая открытием благотворительных заведений. Причем следует отметить, что в качестве основных объектов «наблюдения и контроля» выступала губернская администрация и образованные слои общества, власть, напуганная восстанием декабристов, в то время не предполагала, что серьезнейшим источником угрозы для «общественного порядка и государственной

безопасности» может быть крестьянское движение и стачки рабочих и служащих.

В более поздних «Инструкциях» ГЖУ 1859 г.¹⁵ Шеф Корпуса жандармов князь В. А. Долгоруков также указывал на необходимость выявлять «злоупотребления» и возможные нарушения «спокойствия и прав граждан», а в качестве источников информации о положении дел в губерниях Шеф жандармов рекомендовал «благородным и приветливым поведением, ласковым и снисходительным обращением приобретать расположение» населения и должностных лиц для успешного выполнения возложенных на губернских жандармов обязанностей¹⁶. Установить численность и качественные характеристики (род занятий, количество вознаграждения и т.п.) агентов ГЖУ и других «сочувствующих людей» не представляется возможным. По всей видимости, многие сведения жандармы получали от некоторых государственных служащих (которым доносы вменялись в обязанность¹⁷), «доброжелателей и доброхотов», а также разного рода «завистников и подозрительных». Однако постоянной агентуры и «оперативного присутствия» по многим интересующим их направлениям, губернские жандармы в период 1830–1850-х гг. не имели. Мало того, большинство офицеров Корпуса жандармов не имели опыта приобретения и работы с секретными сотрудниками, а зачастую и пренебрегали оперативными методами деятельности, полагая, что дворянину неприлично заниматься «грязной и черной работой политической полиции»¹⁸, а «честные люди», желающие помочь, «сами придут и все скажут». А. Х. Бенкендорф вообще высказывался против подкупа и приобретения за деньги шпионов, подчеркивая, что «успех дела зависит от моральной силы чинов полиции»¹⁹.

В царствование Александра II деятельность органов политического розыска и контроля осложнилась новыми непривычными законами: ослаблением цензуры печатных изданий, судебной реформой 1864 года с ее гласностью и состязательностью судебного процесса. Поэтому в официально публикуемых документах указывалось, что чины корпуса жандармов должны уважать законы, не могут расследовать дела, которыми уже занимаются судебные следователи. Одновременно новый Шеф жандармов граф П. А. Шувалов требовал от своих подчиненных руководствоваться секретными инструкциями, которые по-прежнему ориентировали жандармов «наблюдать за нравственным направлением духовенства ... обра-

щать особое внимание на дух школ», «доводить до сведения начальства о всяком покушении взволновать умы изустными проповедями с помощью речей», следить за офицерами, если они будут «давать подчиненным литературные вечера или участвовать в оных»²⁰. Политические дела, по возможности, предлагалось расследовать собственными силами.

Но только секретными инструкциями в новых условиях уже было не обойтись. Закон от 19 мая 1871 года, учитывая сложившиеся реалии, расширил полномочия жандармов – им было поручено проведение следственных действий по политическим делам. Однако дознание и сбор улик находился под контролем прокурора судебной палаты. Новый закон впервые официально закрепил за жандармерией роль не только «наблюдателей», но и «полицейских». Они получили право задерживать «подозреваемых» как по политическим, так и по уголовным делам. Это обстоятельство нередко приводило к конфликтам с губернскими властями и общей исполнительной полицией. Именно следствие и дознание в порядке 1035 статьи Устава уголовного судопроизводства для многих офицеров ГЖУ стали основным и наиболее предпочитаемым направлением деятельности, в противоположность политическому розыску. И это вполне понятно, ведь тем самым служащие не нарушали «военно-дворянских» традиций офицерского корпуса и подобная работа вела к размеренному и спокойному образу жизни. Один из руководителей Московского охранного отделения А. П. Мартынов, описывая будни чинов ГЖУ, рассказывал, что «офицеры собирались на службу не рано (к 10–11 часам – А. С.)... работали в кабинете, вели одновременно по 10–15 дел, допрашивали свидетелей, составляли бумаги, а в 5 часов вечера закрывали дверь кабинета, чтобы вернуться домой и провести вечер по своему желанию и вкусу»,... «винтить по маленькой» в тесном кругу уездной аристократии»²¹. Оперативная работа в области политического сыска требовала иного распорядка и других привычек, и требования об усилении розыскной и агентурной работы часто наталкивались на «тихое противодействие со стороны старой жандармской гвардии».

Кроме того, жандармские управления на местах не отличались обширным и устойчивым агентурно-оперативным аппаратом. Офицеры ГЖУ стремились перепоручить многие дела, связанные с выяснением настроений населения, наблюдением, арестом или другими процессуальными действиями, чинам общей полиции²², в ру-

ках у которой находился осведомительный аппарат из числа дворян, старост, мелких лавочников и других обывателей.

Чуть раньше, в 1867 г., происходит реформирование ГЖУ, в составе которых появляются новые структурные подразделения и вводятся новые штаты. В зависимости от расположения губернии, наличия предприятий, численности населения, учебных заведений, ГЖУ присваивался разряд (всего разрядов было три) и соответствующее содержание сотрудникам. Псковское, Вологодское и Новгородское ГЖУ были отнесены к третьему разряду. В соответствии с Положением 1867 г., штаты ГЖУ определялись следующим образом: начальник; помощник начальника управления, ведавший, как правило, политическим сыском; адъютант управления; переводчики; писари. Весь штат ГЖУ в губерниях Северо-Запада России насчитывал от 15 до 17 человек²³. В подчинении начальника управления находились помощники начальника ГЖУ в крупнейших уездах, уездные исправники в остальных уездах губернии были обязаны выполнять все указания ГЖУ. В структуре ГЖУ выделялись: общая часть; розыскная часть; следственная; наблюдательная часть – отвечающая за «политические дела»; строевая часть и хозяйственная часть, а также конная жандармская команда. Эта организационно-штатная структура в годы революции 1905–1907 гг. практически не изменилась. Территориально офицеры ГЖУ в основном сосредотачивались в губернском центре, а в крупных уездах находились жандармские штаб-офицеры, состоящие, как правило, в должности помощника начальника ГЖУ²⁴. В их полномочиях было «охранение общественного спокойствия и государственной безопасности» и надзор за состоянием населения в рамках нескольких уездов, для чего им было подчинено несколько унтер-офицеров и нижних жандармских чинов.

События 1860–1870-х гг.: движение народников, революционные студенческие кружки, террор народовольцев – внесли определенные коррективы в направления деятельности ГЖУ. Главной задачей становилась борьба с революционной пропагандой в империи. ГЖУ наблюдало за общим настроением населения, выявляло членов противоправительственных организаций и агитаторов, проводило аресты и дознания. Количество «поднадзорного элемента» постоянно росло, увеличивались и направления деятельности ГЖУ – «школы, публичные лекции и чтения для народа, ... книжная торговля, в особенности вразнос, кабинеты для чтения... лица, путе-

шествующие для собирания разных сведений с научной целью, которой можно иногда прикрывать другую, преступную цель» и т. д., но правительство не обеспечивало деятельность ГЖУ «ни прочной правовой основой, ни крепкой материальной базой»²⁵. Агентурный аппарат не получил своего развития, наружное наблюдение в ГЖУ, как правило, велось весьма примитивно, приводя к легализации сотрудников и общему провалу операций²⁶.

Подобная ситуация не могла не привести к реформам политической полиции и ее региональных подразделений. После реорганизации политического сыска в империи в 1880 году ГЖУ становятся практически единственными исполнительными органами политической полиции в большинстве губерний России²⁷. Подчиняясь созданному Департаменту полиции МВД и Отдельному Корпусу жандармов (в строевом и хозяйственном отношении), ГЖУ продолжали «вести» уже известные и обычные направления деятельности – контроль за общественными и политическими настроениями, противодействие антиправительственным элементам, контроль за соблюдением порядка и происшествиями, злоупотреблениями, дознания по делам о государственных преступлениях, выдача справок о политической благонадежности и т. д.

Общее успокоение 1880–1890-х, «глухие» и «сонные»²⁸ годы Александра III отразились на ГЖУ. В «Политических обзорах губерний» руководители ГЖУ (многие из них были заслуженными и многоопытными генералами, стремящимися к сохранению «спокойствия и благочиния») в этот период отмечали «отсутствие выдающихся явлений, в коих можно видеть антиправительственные явления, угрожающие беспорядками»²⁹, а настроения крестьянства характеризовали как «преданные правительству, чуждое всяких антиправительственных замыслов и взглядов», «образованная часть общества ничем выдающимся себя не заявила», «злонамеренных людей не появлялось»³⁰. «И сомневаться в этом нельзя», уверяли начальники ГЖУ. Проявления революционной деятельности и пропаганды относились, как правило, на счет деятельности приезжих элементов³¹, за которыми устанавливался гласный и негласный полицейский надзор. Некоторые поднадзорные находились в губерниях лишь временно (иногда проездом), другие состояли на службе в различных земских учреждениях³². Начальник Псковского губернского жандармского управления в 1900 г. отмечал, что проникнуть «в среду их без агентуры нет никакой возможности»³³.

Относительная немногочисленность и слабость ГЖУ приводила к более активному взаимодействию жандармов с губернскими административно-полицейскими властями. События 1881 года резко усилили власть губернаторов, которые получили широкие полномочия по аресту и высылке из губернии подозрительных лиц, закрытию обществ и собраний, заподозренных в противоправительственной деятельности. В определении степени опасности и характера деятельности заподозренных лиц и организаций губернатор опирался на инструкции Департамента полиции, а также на сведения, поступающие от полиции и жандармерии. Так, полиция держала под постоянным контролем деятельность общественных организаций, получая списки членов и программу их деятельности. Также полиция учитывала количество городских и частных типографий, выполняла поручения губернатора по предупреждению издателей и даже аресту тиражей издания. Весьма активной была роль полиции в осуществлении гласного и негласного надзора и выдаче «справок о политической благонадежности». Лишь после революции 1905–1907 гг. изменился порядок выдачи подобных документов – МВД указало, что полиция зачастую не имеет сведений о противоправительственной деятельности отдельных лиц, поэтому решающую роль в этом вопросе стали играть ГЖУ, Районные охранные отделения и Департамент полиции³⁴.

В связи с малочисленностью ГЖУ, отсутствием у них развитой и обширной внутренней агентуры, функционирование управлений было теснейшим образом связано с работой губернских административно-полицейских властей, которые оказывали разнообразную силовую и правовую помощь, а также зачастую играли роль координаторов правоохранительной деятельности.

Рассмотрение законодательно установленных полномочий правоохранительных органов позволяет сделать вывод о всеохватности полицейской деятельности. Они принимали участие и были непосредственными исполнителями во многих сферах жизни общества. Являясь важнейшим местным исполнительным органом, полиция осуществляла разнообразные функции – от составления отчетов об экономическом состоянии городов до участия в производстве следствия и дознания по уголовным преступлениям. Она могла самостоятельно выносить решения и приводить их в исполнение во внесудебном порядке. Полиция была практически единственным органом, охранявшим правопорядок. Кроме того, она исполняла реше-

ния местных органов власти – от губернатора до городского магистрата. Столь большое количество обязанностей при относительно небольшой численности полиции в городе являлось серьезной проблемой развития системы местного управления.

Столь большой объем полицейских полномочий и обязанностей требовал от каждого служащего большого морального и физического напряжения, а неподготовленный чиновник был просто не в состоянии вынести все тяготы полицейской службы. В пореформенное время функции городских полицейских управлений все больше возрастали. Наделение городских органов самоуправления рядом административно-хозяйственных функций не привело к сужению компетенции полиции. Оказывало влияние на этот процесс и «недоверие» правительственных кругов к органам местного самоуправления, постоянное стремление ограничить и поставить под полнейший контроль их деятельность. «В настоящее время полицейский чиновник обременен таким множеством обязанностей, что он добросовестно не в состоянии их исполнить. Его должность требует обширных познаний в законах и вместе с тем неусыпного, денного и ночного труда... Но при всем этом... над ним, злосчастным, висит Дамоклов меч в виде грозных статей закона, могущих подвергнуть его удалению от должности и несправедливому приданию суду за весьма незначительное упущение»³⁵.

Многие полицейские чины отмечали чрезмерную перегрузку своей деятельности разнообразными обязанностями при мизерном жаловании. Часто излишняя требовательность государства, нескончаемость полицейских нововведений порождали у нижних исполнительных чинов административную апатию и попустительское отношение к делу. Постановлений по полиции было настолько много и большей частью несущественных, что чиновники находили для себя возможным неисполнение сиюминутных распоряжений, находясь в уверенности, что в скором времени последует новый, опровергающий прежний закон или инструкция. Некоторые исполнители не снисходили даже до того, чтобы «хранить и подшивать получаемые Приказы по полиции в отдельный наряд, отнюдь не утрачивая таковые».

Полицейская повседневность начала века являла собой следующую картину. Наряду с нововведениями как в полицейской среде, так и в области быта (достижения науки и техники), сохранялись и «пережитки» прошлых веков. К одним из таких недостой-

ных, из века в век тянувшихся проявлений самобытности, относится отсутствие трезвости и самодисциплинированности у нижних чинов полиции. Нареканий по поводу нижнего полицейского состава вообще поступало довольно много. Они выражались чаще всего в различных штрафах за «пьянство», «нетрезвый образ жизни», «самовольную отлучку», «дерзость на словах и в действии». Даже внешний вид таких полицейских чинов становился предметом недовольства, требовались, по-видимому, специальные уточнения, специальное обращение внимания со стороны вышестоящих лиц: обязательно городovým урядникам и конным стражникам носить шпоры, револьвер, шашку, строго по форме³⁶. «Пьянство... не составляет в среде урядников, стражников, городových редкого исключения и грозит подорвать доверие населения»; «население относится к полиции с недоверием [а нужно] ставить в пример наше поведение, а не наоборот», – так характеризовали полицейских чинов в губернии различные должностные лица³⁷.

В дни народных гуляний полицейские могли получать от жителей «праздничные» деньги. Чином полиции на Пасхальную неделю вменялось быть трезвыми, «не допускать пьянства и сбора денег». Сомнительна сама добровольность денежных подношений, так как полицией широко применялись нелицеприятные методы охранения общественного спокойствия: разгон народных гуляний, воспрещение пения, танцев. Частым явлением в полицейской среде были «грубость, придиричивость, нетрезвость». В подобных случаях виновные полицейские чины редко подвергались административным взысканиям, чаще – «отеческим» поучениям вышестоящих по должности. Губернаторы обращали внимание полиции на превышение власти ее нижними чинами: «Границы, в коих ... деятельность полиции являет законную и целесообразную, определяются, с одной стороны, указаниями своего закона, с другой – ... требованиями разума и опыта, полиция лишь тогда ответит своему назначению, когда все ее чины будут проникнуты сознанием не только ... законности ... действий, но и неизбежной ответственности за превышение власти, а грубость, нетрезвость, придиричивость – прямое последствие низкого внимания Приставов и Надзирателей к задаче воспитания низших ее чинов урядников, городových, стражников». Псковский полицмейстер замечал, что «каждый полицейский чин есть тот же солдат» и не может поэтому покидать служебный пост, тем более «ночью спать на посту»³⁸.

Большие сложности при несении полицейской службы возникали и в связи с отсутствием практической подготовки – далеко не везде существовали полицейские школы, острой проблемой была нехватка специальных правовых пособий для городских и прочих чинов полиции. Выпускавшиеся «Инструкции для городских городской полиции», «Инструкция околоточным надзирателям» и «Памятные книжки»³⁹ страдали неполнотой необходимых сведений или же не указывали законодательного источника, на который можно было бы сослаться чиновнику полиции. Все это вызывало затруднения у полиции по правильному толкованию и исполнению закона.

Чины полиции хоть и жаловались на все возрастающие обязанности и низкое жалование, но весьма неохотно покидали свою должность, прекрасно понимая, что вместе с ней уходит и возможность обладать властью, «грозно поднимать палец и указывать им», как писал М. Е. Салтыков-Щедрин.

Проблемы реформирования полицейских структур в истории Российского государства всегда были предметом ожесточенных споров, поскольку в этот процесс были вовлечены разнообразные государственные и общественные органы. Реформирование полиции в XIX в. представлялось делом «совершенно сложным», поскольку полиция, в силу своих многочисленных обязанностей и постоянно возрастающей сферы компетенции, была включена в различные общественные отношения, и невозможно было модернизировать структуру полиции без внесения изменений в организацию и полномочия других органов власти и управления. На это неоднократно указывали практически все инициаторы полицейских реформ. Реформа полиции требовала комплексного и «весьма осторожного подхода», и многие государственные и общественные деятели, признавая насущность и актуальность реформирования полиции в России, заявляли, что подобная мера должна вызвать изменения в местном управлении, судебных учреждениях, финансах «и во всех сторонах жизни общества».

В течение XIX столетия в правительственных кругах Российской империи неоднократно обсуждался вопрос о необходимости реформирования полиции как одной из важнейших структур местного управления. В большей мере это касалось реорганизации уездной (сельской) полиции, поскольку к ее ведению относилось большинство населения Российской империи: крестьяне и люди,

проживающие в небольших городах страны. Появлявшиеся разнообразные проекты реформирования этого «ближайшего органа правительственной власти» касались вопросов сферы компетенции, функциональных обязанностей, правового положения и принципов комплектования уездной полиции. История деятельности различных комитетов и комиссий, занимавшихся данной тематикой, а также записки и законопроекты, связанные с предполагаемыми изменениями, были подробно проанализированы в монографии Ю. В. Тота⁴⁰.

Реформирование полиции в XIX в. зачастую сводилось к изменению количества полицейских чинов: увеличению численности штатных полицейских команд в городах России, введению института станových приставов и полицейских урядников. Полномасштабных, комплексных и структурных реформ, которые бы позволили качественно изменить ситуацию, четко определить и конкретизировать место и роль полиции в системе органов власти, не было проведено. Даже так называемая «полицейская реформа» 1855–1862 гг., уточнившая обязанности и организацию полицейских учреждений, не смогла решить многочисленные проблемы: освобождение полиции от некоторых обременительных и несвойственных ей обязанностей, усовершенствование структуры полиции для более четкого выполнения ею основной функции – «поддержания благочиния», повышение морально-нравственного и профессионального уровня полицейских чинов, финансового содержания полиции.

Ни один из многочисленных проектов реформы правоохранительных органов, появившихся в XIX в., не был поддержан ни Комитетом министров, ни Государственным советом. Каждый раз проекты разбивались на составные части, которые и получали конкретное законодательное воплощение. Ю. В. Тот справедливо полагает, что такой ход событий был связан с «двумя сакраментальными вопросами» – где взять деньги для полицейской реформы и где найти достойных людей, пригодных по своим качествам для службы в полиции? Именно такой подход позволял расчлнить все проекты. Правительство, признавая необходимость реформы, тем не менее ограничилось лишь отдельными полумерами, поскольку полномасштабное реформирование полиции было связано со структурными изменениями всей системы местного управления, перераспределением предметов ведения между органами государственной власти и городскими и земскими собраниями и управами,

передав им часть полномочий, существенно повысив их роль и значение. На такой шаг правительство не смогло решиться. Самодержавие в полиции видело один из важнейших инструментов управления, оно весьма неохотно шло на перераспределение полномочий, с точки зрения передачи ряда функций органам самоуправления, считая, что это в конечном итоге может привести к потере монополии на власть. Но полиция в том виде, в каком она существовала к началу XX в., уже была не в силах справляться с все возрастающим массивом самых разнообразных дел.

- ¹ *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 53.
- ² В период XI–XVI вв. эти задачи выполняли разнообразные центральные и местные административные учреждения от приказов и боярских советов, до воеводских канцелярий и губных старост.
- ³ *Миронов Б. Н.* Социальная история России. СПб., 1999. Т. 2. С. 138.
- ⁴ Там же.
- ⁵ ПСЗ. Т. 5. № 3203.
- ⁶ См.: *Сизиков М. И.* Становление регулярной полиции в России (1718–1741 гг.): Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Свердловск, 1972. С. 3.
- ⁷ ПСЗ. Т. 5. № 3294.
- ⁸ ПСЗ. Собр. 2. Т. 2. № 9355.
- ⁹ Обзор деятельности III отделения за 50 лет своего существования (1826–1856) // Вестник Европы. 1917 г. Книга 3. Март. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 8. Д. 14. Л. 2.
- ¹⁰ Вестник Европы. 1872. Март. С. 245.
- ¹¹ *Оржеховский И. В.* Самодержавие против революционной России. М., 1982. С. 58.
- ¹² *Колтакиди А. И., Серяков М. Л.* Щит и меч. М., 2002. С. 55.
- ¹³ См.: *Сидорова М., Щербакова Е.* Россия под надзором. Отчеты III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и Корпуса жандармов // Свободная мысль–XXI. 2002 № 3–12; 2003. № 1–6.
- ¹⁴ Только в августе 1859 года в отношении организации деятельности ГЖУ В. А. Долгоруков направил две инструкции. Государственный исторический архив Новгородской области (ГИАНО). Ф. 117. Оп. 1. Д. 411. Л. 2.
- ¹⁵ ГИАНО. Ф. 117. Оп. 1. Д. 411. Л. 1, 2–2об.
- ¹⁶ Инструкция графа Бенкендорфа // Русский Архив. 1889. № 7. С. 397.
- ¹⁷ *Мартынов А. П.* Моя служба в отдельном корпусе жандармов // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 1. М., 2004. С. 35.
- ¹⁸ Проект А. Х. Бенкендорфа об устройстве высшей полиции // Русская старина. 1900. Т. 104. С. 616. Именно это обстоятельство руководителями политического сыска начала XX века было названо «ахиллесовой пятой» III Отделения С.Е.И.В. канцелярии.
- ¹⁹ Цит. по: *Измозик В. С.* Политический розыск ведет третье отделение (1826–1880 гг.) // Жандармы России. СПб., 2002. С. 274.
- ²⁰ *Мартынов А. П.* Моя служба в отдельном корпусе жандармов. С. 68, 89, 121.

- ²² ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2746. Л. 138. *Седунов А. В.* Губернский городской. История Псковской городской полиции. Псков, 2004. С. 112–114.
- ²³ В Новгородском ГЖУ штатное расписание было следующим: начальник (в чине генерал-майора), адъютант, помощник и 13 унтер-офицеров. ГИАНО. Ф. 117. Оп. 1. Д. 411. Л. 27.
- ²⁴ *Мартынов А. П.* Моя служба в отдельном корпусе жандармов... С. 68.
- ²⁵ Государственная безопасность России: История и современность. М., 2004. С. 142.
- ²⁶ *Новицкий В. Д.* Из воспоминаний жандарма. М., 1991. С. 79.
- ²⁷ Помимо ГЖУ политическим сыском в регионах страны занимались Охранные отделения. С 1866 года в обеих столицах, а в 1900 г. в Варшаве и два года спустя еще в 11 городах страны были созданы Охранные отделения, по «охране порядка и спокойствия». *Перегудова З. И.* Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000. С. 116–118.
- ²⁸ *Блок А. А.* Стихотворения. Поэмы. Театр. М., 1972. Т. 2. С. 241.
- ²⁹ ГИАНО. Ф. 117. Оп. 1. Д. 72. Л. 83–83 об.
- ³⁰ Там же. Л. 53, 56, 58.
- ³¹ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2623. Л. 16–17.
- ³² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 98. Д. 1. Л. 1–2.
- ³³ Там же.
- ³⁴ ГАПО. Ф. 20. Оп. 4. Д. 21. Л. 10–14.
- ³⁵ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2019. Л. 34.
- ³⁶ Там же. Д. 201. Л. 2–2об
- ³⁷ Там же. Д. 2241. Л. 11.
- ³⁸ ГАПО. Ф. 66. Оп. 2. Д. 117. Л. 26.
- ³⁹ Инструкции для городовых городской полиции. Одесса, 1912. Инструкция околоточным надзирателям. СПб., 1867. Памятная книжка для городовых полицейской команды. СПб., 1889.
- ⁴⁰ *Тот Ю. В.* Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX столетии. СПб., 2002.

М. А. Алексеева

К вопросу о правовой и политической культуре
работников органов охраны государственного
порядка и общественной безопасности
во второй половине XIX – начале XX веков

Российское государство имело многовековой опыт становления и развития различных государственных и правовых институтов, которые были призваны осуществлять охрану государственного и общественного строя. Во второй половине XIX – начале XX столетия в охране государственного и общественного строя принимала участие вся система государственных органов России. В этой системе выделялись органы жандармерии и охранные отделения, которые специально занимались государственными преступлениями. В некоторых исследованиях эти органы получили наименование «специальные органы» или «карательные органы» государства¹.

К середине XIX века функции высшей полиции, осуществлявшей борьбу с государственными преступлениями, выполняло III Отделение Его императорского величества канцелярии, которое в этой деятельности опиралось на Корпус жандармов и местные жандармские формирования.

Пореформенный период стал началом формирования правовой культуры в России. Труды А. Ф. Кони, И. А. Ильина, П. И. Новго-

родцева и других являются признанными основами русской правовой культуры. Затронул ли этот процесс деятельность органов, обеспечивающих борьбу с государственными преступлениями, а именно жандармерии? Жандармы являлись службой охраны правопорядка и законности, деспотического порядка полицейского государства. За довольно размытой формулировкой цели деятельности «предупреждение и отстранение всякого зла» маскировался характер конкретных действий, направленных в том числе на выявление злоупотреблений в обществе и противозаконных поступков в различных ведомствах. Поэтому власти первостепенное внимание уделяли нравственному облику самих жандармов. Жандармский офицер должен быть уважаем, иметь широкий круг общения и пользоваться поддержкой законопослушного населения.

Однако в 60–70-е годы XIX в. обстановка в стране изменилась, что было связано с деятельностью народников-землеольцев, а затем народоольцев, которые являлись сторонниками использования террористических методов борьбы. Политический террор требовал от правящих кругов и изменения законодательной базы, и реформирования жандармерии. После покушения Дмитрия Каракозова (1866) в стране принимается новое Положение о корпусе жандармов (1867), в результате возникли губернские жандармские управления (ГЖУ), которые в основном выполняли функции органов политического надзора. В новых условиях проблемы повышения нравственного авторитета жандармов, изменения характера их взаимоотношений с обществом потеряли свою актуальность. Содействия благомыслящих граждан, поверхностного жандармского надзора было явно недостаточно для обеспечения государственной безопасности, ставка делалась на собственные силы: на явных и тайных сотрудников, на ужесточение режима ссылки и административного надзора.

Для эффективной борьбы с антиправительственным движением становится необходимым внесение изменений и совершенствование законодательства, совершенствование правоприменительной деятельности, профессионализм сотрудников.

Повышению роли жандармов в борьбе с опасными государственными преступлениями способствовал Закон о государственной охране от 19 мая 1871 г., в соответствии с которым основным направлением деятельности ГЖУ становится производство дознаний по государственным преступлениям.

Осуществляя дознания по обвинению в государственных преступлениях, жандармы использовали информацию об образе жизни обвиняемых лиц, которую получали от полицейских чинов, они же занимались сбором конфиденциальных сведений. И далеко не всегда уровень квалификации этих чинов удовлетворял жандармское управление. А так как полиция жандармам не подчинялась, жаловаться на ее действия начальник ГЖУ мог прежде всего губернатору. В ходе одного из дознаний в Новгородском губернском жандармском управлении имел место случай незаконного обыска и ареста обвиняемого в политической неблагонадежности лица. Павел Сафонов, обвиняемый в политической неблагонадежности, был приведен полицейскими чинами в станковую квартиру, подвергнут обыску и заключен в арестантскую «без всяких к тому данных»². С точки зрения начальника жандармского управления, подобные действия являлись свидетельством незнания полицейскими чинами своих прав и обязанностей и должны были повлечь законную ответственность.

В обстановке роста революционного движения становилась актуальной проблема повышения уровня профессионализма и культуры чинов и жандармерии и полиции. Для того чтобы успешно справляться с основными направлениями деятельности: наблюдением, дознанием, розыском, необходимо было обладать как можно более широкой осведомленностью о настроениях в различных слоях общества. Особое внимание обращалось на повышение уровня знаний о преступных сообществах в стране и правильное понимание и применение законов и положений. С этой целью была создана Служба юрисконсульта, которая отвечала за разъяснения изменений в законодательной базе, консультировала по вопросам применения вновь принятых законов, положений, временных правил и т. д. От жандармов требовалось «тщательное и точное соблюдение всех установленных законом ... средств, форм и обрядов» В результате в каждом ГЖУ были заведены дела с надписью «К руководству», которые и содержали циркуляры Шефа жандармов, а с 1880 г. делопроизводств Департамента полиции.

Таким образом, циркуляры МВД, Департамента полиции и губернаторов способствовали ориентации местных полицейских органов в изменениях, происходящих в общественно-политической и социально-экономической жизни страны.

Циркуляры не только содержали предписания о том, как правильно поступать в ситуациях, не регламентированных законодательством, но и содержали характеристику особенностей мировоззрения молодых людей и студенчества, например, сообщали о сущности столь распространенного в этой среде нигилизма³.

С целью повышения эффективности розыскных мероприятий начальники местных жандармских управлений изучали обзоры развития революционного движения. В качестве примера можно рассмотреть дело Григория Гольденберга, в нем содержалась информация «о преступном сообществе в России», члены которого стремились «достигнуть путем террора влияния на общество и даже на внешние дела государства», информация основывалась на откровенных показаниях Гольденберга⁴.

Обзоры важнейших дознаний по стране, опубликованные в более поздний период, должны были не только зафиксировать важнейшие события в деятельности органов политического сыска, но и служить примером для дальнейшей деятельности и содержали информацию об участниках антиправительственной борьбы.

Однако принятие меры в борьбе с революционным движением не смогли предотвратить покушений на Александра II. Произведенная ревизия деятельности Третьего отделения, как сообщает З. И. Перегудова, обнаружила множество беспорядков во всех отношениях, следствием которых являлось то, что в ссылку отправляли невинных людей⁵.

В результате ликвидации Третьего отделения был образован Департамент государственной полиции, который должен был поднимать авторитет жандармов в обществе.

Несмотря на ряд успешных операций, Департаменту полиции не удалось предотвратить «катастрофы 1 марта» – убийства императора. В ходе дальнейшего реформирования органов политического сыска вопросам изучения новых способов правовой деятельности как одной из составляющих повышения правовой культуры сотрудников уделялось явно недостаточное внимание. Деятельность местных органов политического сыска была бюрократизирована: чины ГЖУ занимались переписками и производством дознаний и формально относились собственно к политическому розыску. Поэтому события революции 1905–1907 гг. вновь застали жандармов и полицию врасплох. Вспоминает А. П. Мартынов: «Общая растерянность, разноречивые толкования и непонимание направле-

ния правительственной политики привели, в конце концов, к тому, что наше жандармское управление мало-помалу прекратило всякую деятельность»⁶.

Следует отметить, что в начале XX в. был организован курс лекций при Штабе Отдельного корпуса жандармов для офицеров губернских жандармских управлений. Однако если судить по воспоминаниям А. П. Мартынова, «ни один из наших лекторов не пытался ясно и кратко объяснить нам хотя бы главные детали нашей будущей службы»⁷. В этом можно усмотреть одну из причин слабой ориентации жандармов в политической ситуации в стране накануне и во время революционных событий 1905–1907 гг.. Несмотря на то, что в программу курсов входил «Краткий курс уголовного права», изучение «Железнодорожного устава», курс дознаний был организован откровенно слабо, а курса политического розыска не было вообще, поэтому сделать более результативной работу органов эти курсы не смогли.

В период революции возникла масса легальных и нелегальных организаций, кружков разной и совершенно незнакомой жандармам и полиции политической направленности. В ходе революции один за другим издаются циркуляры, которые должны были ввести тех, кто занимался розыском, в суть создавшейся обстановки. Таким образом, составляя и рассылая начальникам всех губернских жандармских управлений обзоры революционного движения и специальные циркуляры для руководства, правительство пыталось справиться с политической неграмотностью своей политической полиции. Разобраться в политической обстановке в губернии становится главным делом начальников ГЖУ.

До революции не уделялось достаточного внимания вопросам политической осведомленности работников органов отвечающих за охрану государственного и общественного строя, что явно не способствовало эффективности их деятельности. Однако в ходе первой русской революции кадровая политика в этом вопросе изменяется. Политические знания жандармерии и полиции становятся злободневным вопросом, что находит отражение в ряде мер: в создании библиотек революционной литературы при ГЖУ; при 8-м делопроизводстве Департамента полиции был создан криминалистический музей. «Музей Департамента полиции стал как бы наглядным учебным классом для курсов подготовки специалистов при Штабе корпуса жандармов»⁸.

А предоставление сведений о партиях, особенно социалистов революционеров, становится регулярным, ежемесячным делом чинов, например, Новгородского губернского жандармского управления⁹.

Борьба с партиями и партийными организациями была поставлена на первое место в деятельности политической полиции и особенно охранных отделений. А это, в свою очередь, увеличивало потребность в специалистах практиках, разбирающихся в деле политического розыска. В Департаменте полиции теоретически изучается партийная жизнь. Для борьбы с партиями активно используется секретная агентура и наружное наблюдение. Кадры филеров в местных органах политического сыска формировались из унтер-офицеров, которые проходили специальную подготовку. Так, в 1908 году два унтер-офицера Новгородского губернского жандармского управления проходили стажировку в Санкт-Петербургском районном охранном отделении, в ходе которой они готовились осуществлять функции филеров¹⁰.

Однако, несмотря на все меры, достичь согласованных действий «охранки» и чинов местных жандармских управлений так и не удалось. И, как следствие, не удалось и справиться с революционным движением. Не последнюю роль в этом сыграли: несоответствие уровня квалификации и профессионализма начальников и чинов ГЖУ, не согласованность в действиях ГЖУ и «охранки», низкий уровень политических знаний, бюрократизация деятельности местных жандармских управлений.

Однако трудно не согласиться с мнением З. И. Перегудовой, которая подчеркивает, что причина неэффективности была отнюдь не в самих полицейских учреждениях, а в режиме, в рамках которого приходилось действовать. Добиться даже минимальных успехов невозможно, если эта деятельность не является органической частью усилий по совершенствованию всей системы государственной власти. А отсутствие в государстве гарантий прав личности, незащищенность перед лицом власти имущих порождали активные формы протеста.

В условиях деспотического строя проблема правовой и политической культуры работников специальных служб не ставилась. Однако следует отметить, что в работе с кадрами уделялось внимание вопросам совершенствования правоприменительной деятельности, повышения уровня знаний, информированности или осведомлен-

ности об изменениях общественно-политической и социально-экономической ситуации в стране.

Был предпринят ряд мер для укрепления органов, обеспечивающих охрану государственного и общественного строя.

¹ *Трошин Н. В.* Административно-полицейские органы царской России в борьбе с экстремизмом и террором во второй половине XIX – начале XX веков. Автореф. дис. на соиск. ученой степени кандид. ист. наук. Владимир, 2000.

² ГИАНО. Ф. 117. Оп. 1. Д. 56. Л. 57.

³ Там же. Д.73. Л.17.

⁴ Там же. Д. 69.

⁵ *Перегудова З. И.* Департамент полиции и местные учреждения политического розыска (1880–1917). Цит. по: Жандармы России / Сост. В. С. Измозик. СПб.: Издательский Дом «Нева»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. С. 279.

⁶ *Мартынов А. П.* Моя служба в отдельном корпусе жандармов. «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 105.

⁷ Там же. С. 57.

⁸ *Перегудова З.* Указ. соч. С. 295.

⁹ ГИАНО. Ф. 117. Оп. 1. Д. 753. Л. 215.

¹⁰ Там же. Д. 869.

О. А. Яковлева

Государственная Дума Российской империи:
особенности становления и развития
отечественного парламентаризма

История развития представительных органов власти в России имеет многовековую традицию. Первобытные родовые, племенные отношения эволюционировали в вечевой институт. Дальнейшее становление государственности привело к тому, что представительные выборные органы стали составной частью механизма реализации княжеской власти, поддерживающего и утверждающего ее. При монархическом строе в России XVI–XVII вв. происходило дальнейшее развитие выборных начал и представительства, нашедшее свое отражение в деятельности Земских Соборов, которые также содействовали укреплению царской власти, придавая ей дополнительную легитимность. Однако к концу XVII в. стали преобладать абсолютистские тенденции, а центральные представительные органы утратили свое значение. Лишь во второй половине XVIII в. в период правления Екатерины Великой, в условиях «просвещенного абсолютизма», власть снова обратилась к идее созыва народного представительства – Уложенной комиссии, но, в силу объективных и субъективных факторов, опыт оказался неудачным. Таким образом, следует признать, что, начиная с древнейших времен, деятель-

ность представительных органов в России проходила в рамках консервативной традиции, отличной от западноевропейской либеральной модели. Особая специфическая форма представительства, поддерживающая, а не ограничивающая центральную власть, в наибольшей степени соответствовала менталитету русского человека, его представлению о роли и значении важнейших государственных институтов в жизни общества.

Лишь в начале XIX в. ситуация существенно изменилась. Идеи Просвещения в этот период получили широкое распространение в кругах наиболее образованной элиты. Особую популярность приобрели теории о правовом государстве с обоснованием вопроса о специализации функций государственных органов, т. е. разделении властей. Наиболее конкретное применение они получили в проекте государственных преобразований М. М. Сперанского. Во «Введении к уложению государственных законов» (1809 г.) предлагалась достаточно стройная система правительственных органов в законодательной, исполнительной и судебной сферах. «Нельзя основать правление на законе, если одна державная власть будет и составлять закон, и исполнять его»¹, – отмечал М. М. Сперанский. Поэтому, хотя формально Россия должна была оставаться абсолютной монархией, предполагалось введение ряда органов, ограничивающих власть самодержца. Происходило становление и оформление идей российского парламентаризма. Для законодательной деятельности планировалось создание Государственной Думы, равной по статусу исполнительной и судебной властям. Однако проект Сперанского носил незавершенный характер и требовал серьезных дополнений и уточнений, т. к. многие правовые моменты взаимодействия ветвей власти, их внутреннего функционирования не были разработаны. Таким образом, несмотря на то, что в силу конкретно-исторических причин план преобразований Сперанского не был реализован, он стал «серьезным шагом на пути к конституционному государству европейского типа»². Однако в середине XIX в. идея законодательного народного представительства была существенно трансформирована в направлении ограничения его прав. Как справедливо отмечает А. В. Гоголевский, в русском обществе доминирующими стали взгляды консервативного либерализма (Б. Н. Чичерин и др.), полагавшие «возможным для условий России исключительно законосоветательное представительство, собираемое из земств и городов»³. Дальнейшее оформление эта концепция

получила в Эпоху великих реформ в проектах П. А. Валуева, М. Т. Лорис-Меликова и др.

Подлинная же история российского парламентаризма начинается в начале XX в., когда в процессе эволюции политической системы в стране появился новый политический институт – Государственная Дума, наделенная законодательными правами.

В первой половине 1905 г. под воздействием революционных событий в Министерстве внутренних дел стала проводиться активная работа по созданию законопроектов. 18 февраля этого года был издан царский манифест с обещанием созыва народного представительства. За ним последовал рескрипт на имя министра внутренних дел А. Г. Булыгина с конкретными пожеланиями в адрес министерства. В разработанном проекте Государственная Дума приобретала статус представительного органа при монархе и становилась новой составной частью традиционной административной системы монархического государства. Сфера компетенции Думы предполагалась крайне узкой, она была лишена права законодательной инициативы, не могла контролировать деятельность исполнительной власти. Предусматривалось, что народное представительство будет обсуждать подготовленные министерствами законопроекты, роспись государственных доходов и расходов и т. д. Было также разработано положение о порядке выборов в Думу по крупным городам, губерниям и областям, а для окраин предполагались особые правила. Высокий избирательный ценз лишал права участия рабочих, значительную часть городского населения, безземельных крестьян и инородцев.

Однако Булыгинская Дума опоздала. Развитие революционных событий к осени 1905 года достигло своей кульминации. Стала очевидной необходимость внесения существенных изменений в правовую базу создаваемого народного представительства. 17 октября 1905 года император Николай II под давлением обстоятельств был вынужден подписать Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», провозгласивший дарование свободы слова, совести, собраний и союзов, учреждение народного представительства, привлечение к выборам широких слоев населения. Особо оговаривалась обязательность утверждения Государственной Думой всех издаваемых законов. Манифест стал типичным актом октроированного конституционализма и одновременно положил начало складыванию парламентаризма в России. 11 декабря

1905 г. императором был подписан именной указ Сенату «Об изменении Положения о выборах в Государственную Думу». В нем говорилось о снижении имущественного ценза и привлечении к участию в выборах новых категорий городского населения и фабричных рабочих. И, наконец, 20 февраля 1906 г. был издан Манифест «Об изменении Учреждения Государственного Совета и о пересмотре Учреждения Государственной Думы», изменивший правовой статус законодательных учреждений. Теперь Государственный Совет преобразовывался в верхнюю палату парламента. Опубликованные одновременно с Манифестом императорские указы «Учреждение Государственной Думы» и «О переустройстве Учреждения Государственного Совета» определяли состав и устройство обеих палат. Все законопроекты, принятые Думой, должны были затем поступать в верхнюю палату и только в случае принятия их Советом представляться на утверждение императора. Государственный Совет как орган власти уже имел многолетний опыт работы и сформировавшуюся структуру. Механизм же деятельности Государственной Думы, ее устройство, порядок функционирования комиссий и подкомиссий, внутренняя регламентация были детально зафиксированы в нормативном документе. В заключительной части «Учреждения Государственной Думы» от имени депутатов говорилось: «Мы, нижепоименованные, обещаем перед всемогущим богом исполнять возложенные на нас обязанности членов Государственной Думы по крайнему нашему разумению и силам, храня верность Его Императорскому Величеству Государю императору и самодержцу Всероссийскому и памятуя лишь о благе и пользе России, в удостоверение чего своеручно подписуемся». Таким образом, официально оговаривалось зависимое и подчиненное положение народного представительства.

8 марта 1906 г. императором были утверждены «Правила о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов, а равно и о производстве из казны расходов, росписью не предусмотренных». В них говорилось о том, что в случае отклонения бюджета Государственной Думой производство государственных расходов не должно останавливаться. В подобном случае предполагалось открытие временных кредитов в пределах проекта росписи. Эта мера, значительно урезавшая бюджетные права Думы, обеспечивала правительству возможность финансирования своих проектов в предполагаемых ранее размерах. В ст. 17 «Правил» пре-

дусматривалось открытие чрезвычайных сверхсметных кредитов на потребности военного времени и на особые приготовления, предшествовавшие войне, согласно Высочайше утвержденным 26 февраля 1890 г. правилам. Эта статья в дальнейшем будет применяться неоднократно.

Следует признать, что правительственные меры были направлены на ограничение прав будущей Думы. Завершающим же подготовительным этапом стало принятие новой редакции Основных государственных законов Российской империи. Примечательно, что это состоялось за 4 дня до открытия народного представительства. Эта поспешность объясняется стремлением властей самостоятельно, без участия думских депутатов законодательно оформить основные положения изменившегося государственного строя.

Таким образом, новая редакция Основных законов империи зафиксировала определенную эволюцию в государственном управлении. В ст. 10 говорилось о том, что император осуществляет законодательную власть «в единении с Государственным Советом и Государственной Думой», а в соответствии со ст. 86 новый закон не мог последовать без одобрения Государственного Совета и Государственной Думы и вступить в силу без утверждения монарха. Однако Дума не допускалась к участию в управлении государством. Вся полнота власти управления принадлежала императору. Он осуществлял общее верховное руководство, ему же напрямую подчинялся Совет министров, назначаемый им и ответственный исключительно перед ним. Народное представительство не имело никакого отношения ни к формированию кабинета, ни к дальнейшей проводимой им политике.

Тем не менее следует признать, что Основные законы окончательно определили правовой статус Государственной Думы, степень ее полномочий, хотя они и были существенно ограничены. С. Ю. Витте вспоминал: «...вследствие того, что законы эти сохранили за государством обширнейшие верховные и державные права, иначе говоря, что они уже установили конституцию, но конституцию консервативную и без парламентаризма – есть надежда, что режим 17 Октября в конце концов привьется, одним словом, что нет более возможности вернуться к старому режиму». Таким образом, Дума стала неотъемлемой частью политической структуры Российской империи.

Система законодательной деятельности Государственной Думы была сложной и имела свои специфические особенности механизма внесения и рассмотрения законопроектов. К ведению Думы относились рассмотрение государственной росписи доходов и расходов, т. е. контроль за составлением и использованием средств из государственного бюджета, дела об отчуждении государственных имуществ, предоставление разрешений на государственные займы, строительство железных дорог за счет казны, учреждение акционерных компаний и др. Также Дума обязана была рассматривать все дела, представленные на ее утверждение императором⁴. Новая редакция Основных Законов определила механизм осуществления важнейшей функции любого парламента – издание, изменение и отмена законов. Прежде всего это касалось права законодательной инициативы, которое ранее принадлежало исключительно императору. Теперь право внесения предложений об издании новых законов, изменении или отмене старых поручили Государственной Думе и Государственному Совету. Исключения составляли сами Основные Законы, инициатива пересмотра которых могла принадлежать исключительно императору. Император обладал правом абсолютного вето, что лишь ему обеспечивало право утверждения законов, без которого они не могли вступить в силу.

Важную роль играла 87 статья Свода законов Российской империи, по которой «во время прекращения занятий Государственной Думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, Совет Министров представляет о ней Государю Императору непосредственно», минуя обсуждение и утверждение законопроекта Государственной Думой и Государственным Советом.

Официальный путь внесения и рассмотрения законопроектов был следующий. Подлежащие обсуждению проекты вносились в Государственную Думу министрами, главноуправляющими или Государственным секретарем. Дела рассматривались в отделах (комиссиях), а затем в Общем собрании Думы представлялись специальными докладчиками – депутатами комиссий. Проекты проходили три чтения. В первом решался вопрос об общей приемлемости закона, два последующих проходили в виде постатейного обсуждения. Заключение Думы считалось мнение, принятое большинством членов общего собрания. Законодательные предложения с заключением вносились Думой в Государственный Совет и уже им

представлялись на Высочайшее утверждение. Законопроект, внесенный министерством в Думу и не получивший одобрения в одной из палат (2/3 членов – против), отклонялся, т. е. возвращался в министерство для доработки. Законопроект, не удостоившийся Высочайшего утверждения, уже не мог рассматриваться в ту же сессию, а сроки созыва Думы и Совета, продолжительность сессий зависели от распоряжений императора. Дума имела право запроса, но могла обращаться только к учреждениям, подведомственным Сенату. Запрос можно было направлять лишь по поводу действий, не соответствующих закону, т. е. нецелесообразность, политическая неуместность того или иного действия не могли служить основанием для запроса. Кроме того, запрос, так называемое «законодательное предположение», должен был быть подписан группой депутатов (не менее 30 подписей). Закон не предусматривал обязанности ответа на запросы Думы.

Таким образом, основная законодательная инициатива принадлежала правительству и министерствам. Если соответствующее министерство заявляло о готовности разработать такой закон, Дума уже не имела права сама заниматься его составлением. Основная масса правительственных законопроектов представляла собой так называемые «закончики» (название, введенное в оборот С. Ю. Витте). Сами депутаты называли подобные малозначительные законопроекты «вермишелью»⁵. Они касались либо сверхсметных кредитов, как правило, на небольшие суммы, либо установления или изменения штатного состава различных государственных учреждений, либо местных и очень частных проблем, либо установления различных земских сборов и повинностей в губерниях без земского управления. Тысячи подобных второстепенных законопроектов без особых затруднений проходили обе палаты (Государственную Думу и Государственный Совет), хотя их комиссии и подкомиссии детально изучали эти проекты и некоторые из них могли быть изменены или отклонены. Однако следует признать, что сложившееся в отечественной историографии негативное отношение к подобного рода законопроектам требует коррекции. Дума достаточно действенно контролировала изменения штатов, введение новых неоправданных должностей, чем, по мере возможности, сдерживала рост бюрократического аппарата. Следует согласиться с мнением депутата III Государственной Думы Е. Ф. Сапилова, который в своих мемуарах писал: «Возможно, деятельность

Думы была бы более успешной и плодотворной, если бы она не ограничивалась рутинными законами империи»⁶. Конечно, следует иметь в виду, что система обсуждения и принятия решений в Государственной Думе только складывалась, только вырабатывался механизм ее законодательной деятельности.

Как уже отмечалось выше, большое значение в организационном строении Думы имели постоянные и временные комиссии. В числе которых находились финансовая, бюджетная, по направлению законодательных предположений, по торговле и промышленности, земельная и другим направлениям деятельности. Также создавались специальные комиссии для проведения каких-либо отдельных мероприятий. Комиссии формировались путем избрания в отделах или на общих собраниях депутатов тайным голосованием. Именно в комиссиях проходила основная часть законотворческой работы. На заседания приглашались представители заинтересованных ведомств, специалисты по узким проблемам, а также представители местного уровня власти – губернаторы и генерал-губернаторы различных территорий. После всестороннего рассмотрения вопроса из числа членов комиссии избирался докладчик, которому предстояло подготовить доклад для выступления в общем собрании Думы. Кроме комиссий, в народном представительстве существовали отделы, выполнявшие технические функции.

При председателе Думы существовали совещания в составе заместителей председателя, секретаря и его заместителей. Их основной задачей было решение организационных вопросов.

Особенностью Государственной Думы было то, что в законодательных документах об ее организации и деятельности – указе об учреждении Государственной Думы и Наказе, фактически игравшем роль регламента, – не предусматривалось деление на депутатские фракции и объединения. Согласно Наказу, члены Думы без учета их политических взглядов были распределены на одиннадцать отделов, внутри которых производилась тщательная проверка полномочий депутатов и от которых выдвигались представители во все комиссии, переизбиравшиеся ежегодно в начале сессии. В действительности же основой деятельности Думы изначально были политические фракции. Однако лишь в ходе работы II Думы стали публиковаться сведения о составе фракций в официальных справочниках. Таким образом, жизнь вносила свои коррективы в механизм думской деятельности.

Для ведения дел по Государственной Думе при ней создавалась канцелярия. Руководство канцелярией осуществляли секретарь Думы и его заместители. Канцелярия занималась внутренними делами Думы, ведением и оформлением стенографических отчетов по думским заседаниям, личными делами депутатов и др. Следует отметить, что в случае роспуска Думы канцелярия и состоявшие при ней должностные лица продолжали функционировать под руководством секретаря вплоть до избрания нового состава Государственной Думы.

В соответствии с «Учреждением Государственной Думы» закреплялся правовой статус депутатов. Члены Государственной Думы и Государственного Совета, приступая к своим обязанностям, приносили присягу. Декларировался принцип свободы «суждений и мнений по делам, подлежащим ведению Думы». Депутаты обладали правом личной неприкосновенности, они могли быть подвергнуты лишению или ограничению свободы только по решению суда. Вместе с тем думцы могли задерживаться полицией и арестовываться с согласия Думы, если в своих речах они допускали оскорбление императора. В отношении статуса депутата Государственной Думы сформировалась своеобразная доктрина общественного представительства. Члены Думы представляли не избирателей своего округа, а общество в целом. Избиратели не могли давать депутатам наказания, а также отзываться своих представителей.

Материальное обеспечение думцев было достаточно ограниченным: годичное жалованье составляло 4200 рублей, участие в работе думских органов оплачивалось 10 рублями в день, также из казны финансировались путевые расходы, проживание в гостиницах и т. д. Государство предоставляло депутатам квартиру, они имели право на отпуск в течение полутора месяцев. Интересно, что для народных избранников присутствие на заседаниях было обязательным. В случае пропуска заседания без уважительных причин налагался штраф в размере 25 рублей⁷. Таковы были основные положения, определявшие правовой статус Думы, ее полномочия, права и обязанности депутатов.

Наконец после длительной подготовки 27 апреля 1906 г. в Зимнем дворце произошло торжественное открытие российского парламента. Очевидец событий, бывший министр иностранных дел А. П. Извольский так описывал увиденное: «Я прогуливался по залам дворца, где собралось несколько тысяч генералов, офицеров

всех рангов и гражданских чиновников... Но вот наконец среди шеренг блестящих мундиров стало возможным различить темные костюмы представителей народа по пути в Тронный зал, где они должны были ожидать царя. Впервые в этом элегантном дворце ... где в течение полутора лет безраздельно царствовала роскошь одного из наиболее блестящих дворов Европы, появилась толпа людей весьма демократического вида ... Завсегдатаи дворца с трудом сдерживали свое раздражение, даже гнев, наблюдая вторжение в священные залы Зимнего дворца этих новых людей»⁸.

Так начинался новый этап российской государственности. Дальнейшая работа I Государственной Думы происходила в Таврическом дворце. Согласно анкете (проведена 10–15 мая 1906 г.; опрошено 448 депутатов) среди представленных в Думе сословий преобладали крестьяне (45,5%) и дворяне (36,7%). Ведущей политической силой стали конституционные демократы (кадеты) – 34,1% и трудовая группа (трудовики) – 23,8 %. Более 23 % составили беспартийные депутаты. В трудовую группу входили социал-демократы, представители Крестьянского союза и др.⁹

С. Ю. Витте вспоминал: «Новый выборный закон дал I Государственную Думу гораздо более левую, чем ожидали. Думу эту, кажется, прозвали Думою “народного возмездия”. Мне кажется правильнее прозвать ее Думою “общественного увлечения и государственной неопытности”»¹⁰. Действительно, попытка «штурма власти», предпринятая первым российским парламентом, была политически незрелой, а общественное мнение неподготовленным. Стремление депутатов к быстрому и кардинальному решению аграрного вопроса не соответствовало исторической ситуации. Также явно несвоевременным представляется и требование кадетского большинства права изменения Основных законов и установления классического парламентского строя. Ситуация обострилась, когда 20 июня 1906 года правительство обратилось к населению с заявлением о неприкосновенности частной собственности и невозможности принудительного отчуждения земли. В ответ Государственная Дума выразила свой протест и потребовала отставки правительства. Подобная позиция стала отражением максимализма той части интеллигенции, которая не хотела идти ни на какие компромиссы с властью, не желала признавать реальную действительность. Таким образом, Дума отказалась от взаимодействия с правительством, чем предопределила свою дальнейшую судьбу. «В без-

различном отщепенстве от государства русской интеллигенции, – писал П. Б. Струве в своей знаменитой веховской статье, – ключ к пониманию пережитой или переживаемой революции». Исполнительная власть усмотрела в действиях представительства признаки противодействия правящему режиму. Роспуск Думы 8 июля 1906 г. стал закономерным итогом ее кратковременного существования.

Законодательная деятельность народного представительства также была весьма неэффективной: за 72 дня работы Дума одобрила лишь 2 законопроекта.

В выборах во II Государственную Думу приняли участие основные политические партии. Лидирующие позиции снова получили кадеты. Но они изменили свою тактику и стали выступать за сотрудничество с правительством, призывая «беречь Думу». Но представители других политических фракций, прежде всего левых, по-прежнему были настроены враждебно к исполнительной власти. Аграрный вопрос снова стал главным предметом дискуссий и политической напряженности. Депутатам была предложена правительственная программа реформ, но она была подвергнута резкой критике. Представители левых фракций настаивали на своих аграрных проектах. Стало очевидным, что сотрудничества между двумя ветвями власти снова не возникнет. Правительство стало искать повод для роспуска II Государственной Думы и принятия нового избирательного закона. Таким поводом стало обвинение представителей социал-демократической фракции в «противозаконной деятельности». Но Дума отказалась лишить фракцию РСДРП депутатских полномочий. В ответ на это 3 июня 1907 г. последовал указ императора о роспуске Думы и новом избирательном законе.

Законодательная деятельность Думы лишь немного превосходила работу своей предшественницы: из 287 правительственных законопроектов депутаты одобрили 20 и рассмотрение 6 отложили.

Правящая элита оказалась в крайне сложном положении. Необходимо было преодолеть оппозиционность будущей Думы, привлечь большую часть интеллигенции к сотрудничеству с государственной властью. Проблема заключалась в отсутствии опыта сочетания двух начал, на которых был построен новый, возникший в 1906 г. государственный строй Думской монархии: авторитарного, представленного императорской властью и представительного, в лице Государственной Думы и Государственного Совета. Идеологом нового курса стал премьер-министр П. А. Столыпин.

В нарушение ст. 86 Основных законов Российской империи власть объявила о создании нового избирательного закона, целью которого было обеспечение политической поддержки правительственного курса новой Государственной Думой. Положение о выборах по-прежнему не предусматривало всеобщего и прямого голосования, но были изменены пропорции представительства отдельных групп населения. Теперь менее 1 % населения избирало 1/3 выборщиков. Крупные землевладельцы избирали более половины выборщиков Европейской России. Однако следует признать то, что повышение имущественного ценза было объяснимо не только политическими причинами, а и тем, что повышался образовательный уровень депутатов, необходимый для законодательной деятельности. Таким образом, выборы, проведенные по новому закону, качественно изменили сословный и партийный состав Думы.

Основные положения политической линии правительства П. А. Столыпин изложил в импровизированной речи в ответ на выступления депутатов по поводу его правительственной декларации в Думе 16 ноября 1907 г. Он сказал: «...наш идеал (самоуправления – *О. Я.*) наверху – это развитие дарованного Государем законодательного, нового представительного строя, который должен придать новую силу и новый блеск Царской Верховной власти». В поисках русского варианта прочного равновесия между авторитарным и представительным началом Столыпин был противником механического перенесения готовых западноевропейских образцов на русскую почву. Известный русский философ В. В. Розанов считал, что Столыпин «обрусил» парламентаризм, показал единственно возможный путь его развития в России. «Особенно это вспомнится, – писал В. В. Розанов в газете «Новое время» в 1911 году, – в критические эпохи, когда вдруг окажется, что парламентаризм у нас гораздо национальнее, следовательно, устойчивее, гораздо больше прирос к мясу и костям, чем это можно вообще думать и чем это кажется, судя по его экстравагантному происхождению».

В отечественной историографии сложилось представление о III Государственной Думе как об угодливом и преданном самодержавию, реакционном учреждении. Но именно в ходе ее пятилетней работы постепенно складывались традиции российского законодательства, закладывались основы регулирования взаимоотношений Думы с исполнительными органами власти, устанавливались и совершенствовались процедуры внутридумской деятельности.

Третьедумский период стал временем поиска модели сосуществования, изыскания компромисса между традиционными методами управления новыми реалиями политической жизни, между правительством и депутатским корпусом. III Государственная Дума рассмотрела и одобрила 2 346 законопроектов, что свидетельствовало о ее работоспособности как законодательного органа.

Несмотря на незначительность многих проектов, депутаты «учились законодательствовать», вырабатывали парламентские традиции. Особую роль в этом сложном политическом процессе играл премьер-министр П. А. Столыпин, понимавший то, что Дума стала новым неотъемлемым фактором государственного механизма. Он постоянно и настойчиво стремился к тесному сотрудничеству с народным представительством в России. «Столыпину, – писал его ближайший сотрудник по Министерству внутренних дел С. В. Крыжановский, – удалось то, что не удавалось ни одному из его предшественников. Он примирил общество, если не все, то значительную часть его, с режимом».

В конце 1912 г. прошли выборы в IV Государственную Думу, показавшие лишь незначительные изменения в ее составе. Противостояние законодательной и исполнительной ветвей власти сохранилось. Однако IV Дума была настроена более оппозиционно, чем ее предшественница. Особенностью стало организационное оформление новой партии – прогрессистов, выражавшей интересы крупной буржуазии, выступавшей за конституционно-монархический государственный строй, расширение прав Государственной Думы и ответственность министров перед ней. Появление этой партии стало важным этапом в развитии парламентаризма, т.к. было первым шагом к объединению всех либеральных сил страны. Однако начавшаяся в 1914 г. первая мировая война внесла существенные коррективы в развитие парламентского процесса в России. На совместном заседании Государственной Думы и Государственного Совета, состоявшемся 26 июля 1914 г., депутаты заявили об отказе от оппозиционной деятельности и поддержке правительства. Была сформулирована новая парадигма парламентского большинства: «национальный подвиг» и победа над врагом вынудят власть вознаградить общественность, поддержав развитие либеральных и конституционных принципов. Однако военные неудачи в 1915 г. и неспособность властей обеспечить управление страной способствовали повышению активности политических партий и Государст-

венной Думы. Думское большинство, объединенное стремлением выступить в роли истинных спасителей Отечества, создало в августе 1915 г. Прогрессивный блок. Это была своеобразная попытка компромисса, предусматривавшая создание правительства «общественного доверия» с привлечением в его состав представителей ведущих думских партий. В 1916 г. думская элита стремилась представить Думу единственной силой, способной возглавить русское общество и вывести его из кризиса, требовала полной ответственности министерств перед народным представительством. Апогеем недовольства Думы правительством стала знаменитая речь лидера кадетской партии П. Н. Милюкова 1 ноября 1916 г. Основным выводом было то, что несостоятельная и непродуманная политика правительства подталкивает общество к социальному взрыву. Это выступление Милюкова еще больше обострило ситуацию. В течение пятой думской сессии депутаты неоднократно требовали отставки правительства. Ответной реакцией верховной власти стали частые указы о приостановлении работы Думы.

Однако на деле руководящая роль Думы в обществе оставалась лишь мифом и утопией. К концу 1916 г. все более отчетливо стало ощущаться бессилие Думы, ее неспособность влиять на политику царизма. События Февральской революции 1917 г. застigli думских деятелей врасплох, они оказались неспособны взять на себя подлинное управление страной в условиях продолжавшейся войны и глубокого внутреннего кризиса. 25 февраля 1917 г. Николай II издал указ об очередном прекращении сессии IV Государственной Думы. Ответом думцев стало создание Временного комитета Государственной Думы. Но это стало лишь последней попыткой народного представительства возглавить русское общество.

Думские лидеры упустили свой исторический шанс, проявили растерянность в судьбоносный для страны период, вследствие чего навсегда утратили политическую инициативу. 6 октября 1917 г. в связи с подготовкой к выборам в Учредительное собрание Временное правительство приняло решение о роспуске Думы, но окончательно она была упразднена декретом СНК от 18 декабря 1917 г. Так завершился короткий период российского парламентаризма.

В историко-правовой литературе до сих пор не сложилось единое мнение по поводу его определения: конституционная монархия, дуалистическая монархия, октроированный конституционализм или какая-то особая форма правления? Очевидно, российская

модель не укладывается в жесткие рамки западноевропейских государственно-правовых классификаций, ее нельзя отнести ни к классическому образцу парламентарного, ни к конституционистического государства.

Наиболее близкими по содержанию представляются модели монархического конституционализма и мнимого конституционализма, в которых прослеживаются тенденции коалиции монарха и бюрократического аппарата против парламента. Их правовые основы были заложены в Конституционной хартии Пруссии (1850 г.) и получили свое дальнейшее развитие в законодательных актах объединенной Германии, в конституции Мэйдзи в Японии и др. Этот опыт был положен и в основу разработки российской правовой базы 1905–1907 гг. Его сущность сводилась к идее преобладания монархического принципа над представительным и нашла свое отражение в целом ряде документов¹¹. Правящая элита стремилась сохранить основные устои старой самодержавной системы, придав ей новые правовые черты.

В начале XX в. в большинстве европейских парламентов имелись две формально равноправные палаты, комплектуемые по разным принципам. Права верхней палаты ограничивались и она не могла длительное время блокировать законы, одобренные нижней палатой. Это было вызвано более высокой легитимностью нижней палаты, представлявшей нацию, в то время как верхняя представляла лишь узкий слой элиты, к тому же их члены назначались монархом. Нижнюю палату поддерживало общественное мнение, на ее стороне было правительство, которое в критических случаях добивалось у монарха назначения большого числа новых членов верхней палаты и изменения в ней большинства (известны многочисленные случаи, когда палата лордов вынуждена была снимать свое вето, опасаясь переизбрания).

Однако в России существовала другая система. Одной из важнейших особенностей отечественного парламентаризма было запоздалое складывание системы народного представительства по сравнению с таковой в Западной Европе (например, в Англии – парламент возник в 1265 г., во Франции – в 1302 г. и т. д.). Государственная Дума Российской империи существенно отличалась от западноевропейских парламентов.

При полноценном парламентаризме, нормальной системе разделения властей, парламент не должен быть ни вечным противни-

ком правительства, ни послушным исполнителем «монаршей воли», ни просто машиной по производству законов. Главное конституционное полномочие любого парламента – принятие законов, обязательных для всех, именно в этом состоит особое предназначение этого органа государственной власти. Но законотворчество может быть эффективным только тогда, когда исполнительная власть неукоснительно исполняет принятые законы, а судебная власть не менее неукоснительно осуществляет контроль за исполнением действующего законодательства.

Вопреки ограниченности своих прав, вопреки негативным факторам элитарности и партийности, Государственная Дума многое сделала в области законотворчества. В механизме законотворчества изначально был сознательно заложен принцип противопоставления двух палат во имя усиления личного, авторитарного принципа.

Воздействие Думы на общественное мнение, на властные структуры в начале XX в. постепенно возрастало. Государственная Дума дореволюционного образца могла органически развиваться, совершенствоваться и постепенно превратиться в подлинный народнопредставительный орган. Несомненно, что она сыграла положительную роль в формировании представительных институтов в России, способствовала становлению правовых норм, развитию политической культуры.

¹ *Сперанский М. М.* Проекты и записки. М.; Л. 1961. С. 152.

² *Лукоянов И. В.* Теория правового государства в дореволюционной России // Советское государство и право. 1990. № 2. С. 113.

³ *Гоголевский А. В.* Правительственный конституционализм о Первой Государственной Думе как законодательном учреждении // Государственная власть и общественность в истории центрального и местного управления России. СПб., 2004. С. 135.

⁴ ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 25. № 27029.

⁵ *Смирнов А. Ф.* Государственная Дума Российской империи 1906–1917 гг. М., 1998. С. 436.

⁶ *Сапилов Е. Ф.* Третья Государственная Дума. М., 1993. С. 15–16.

⁷ Личное положение членов Государственной Думы. СПб., 1906; Циркуляр Государственной Думы. СПб., 1906.

⁸ *Извольский А. П.* Воспоминания. М., 1989. С. 59–60.

⁹ *Бородин Н. А.* Государственная Дума в цифрах. СПб., 1906. С. 20–37.

¹⁰ *Витте С. Ю.* Избранные воспоминания, 1849–1911 гг.: В 2 т. Т. 2. М., 1997. С. 298–299.

¹¹ *Медушевский А. Н.* Конституционная монархия в России // Вопросы истории. 1999 № 1–2. С. 41–43.

Б. Н. Ковалев
Проблема становления
российского конституционализма

В самодержавной России не было Конституции в европейском смысле. Иногда Конституцию называют Основным законом. Но один из парадоксов русской жизни состоял в том, что она, обладая «основными законами», в то же время не имела Конституции.

Выборы в России в том или ином виде проводились еще с X в. (выборы части членов Боярской думы, формирование церковных Поместных соборов, выборы царя в 1613 г., выборы органов земского и городского самоуправления в XIX в. и т. д.), но они не имели общегосударственного значения и не были направлены на формирование представительных органов государственной власти.

В этом качестве российская избирательная система существует немногим более восьмидесяти лет, и факт ее возникновения связан с созданием первой Государственной Думы.

Правовой основой первых ее выборов стало Положение о выборах, утвержденное императорским указом одновременно с Манифестом о ее создании 6 августа 1905 г. По оценке ученых-государствоведов, современников избирательной системы Российской империи, «законодательство о выборах необыкновенно слож-

но. Это, быть может, самая запутанная и несовершенная система выборов, которая когда-либо существовала»¹.

В России под «Основными государственными законами» понималась первая часть Свода законов Российской империи. Она состояла из двух разделов: 1) о священных правах и преимуществах верховной самодержавной власти; 2) учреждение о императорской фамилии².

Стремясь преобразовать самодержавие в конституционно-правовое государство, русский конституционализм с момента своего зарождения в конце XVIII в. целеустремленно двигался в направлении парламентской монархии, справедливо усматривая в ней важнейшую веху реформирования авторитарного режима. Однако вплоть до 1905 г. его развитие заключалось, главным образом, в составлении правительственных и общественных проектов реформ, не имевших шансов на практическое воплощение.

Конституционные реформы, которыми ознаменовалось начало XX в., с одной стороны, были подготовлены всем ходом русской жизни; они вызывались потребностями экономики, социально-классовыми сдвигами, эволюцией государственно-политических структур, развитием духовной культуры, влиянием европейского опыта. С другой – громадную роль в создании условий для их проведения сыграла позиция интеллигенции, ее элитарных высших слоев, все более прочно вставших в правительственные структуры. Российская интеллектуальная элита, воспитанная на европейском Просвещении, говорившая по-французски, получившая образование в немецких университетах, помешанная на английском парламентаризме, страстно желала заполучить те же политические права, играть ту же роль в государственной жизни, которую уже имели их европейские коллеги.

Конституционные преобразования, естественно вытекающие из всего хода русской истории, проходили, однако, в экстремальных условиях – в обстановке общенационального кризиса. Роковую роль сыграла война с Японией – тяжелые поражения, неожиданные и оскорбительные для чувства национальной гордости великой нации, обострили ситуацию, подорвали престиж власти. И создали ситуацию, когда просто не находилось оптимальных решений для выхода из общенациональной трагедии.

Решающее значение в конституционных преобразованиях сыграл революционный фактор. Давление освободительного движения заставило правительство, вопреки желанию, проводить реформы.

Конституционные требования либералов, а главное – желание как-то предупредить надвигающуюся революцию, побудили правительство встать на путь маневров. 12 декабря 1904 г. был опубликован царский указ Правительствующему сенату «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», в котором давался ряд обещаний, а именно: постепенное уравнивание крестьян в правах с другими сословиями; введение государственного страхования рабочих; расширение компетенции земских и городских учреждений; пересмотр законодательства о раскольниках и евреях и устранение излишних стеснений печати. Вместе с тем в указе говорилось, что все эти реформы должны быть осуществлены при неперменном сохранении незыблемости самодержавия³.

В данном документе ничего не говорилось о привлечении выборных от местных общественных учреждений к участию к разработке законодательных предначертаний. В последний момент, когда проект указа был представлен для подписания царю, тот, по совету великого князя Сергея Александровича, поддержанному Витте, вычеркнул данный пункт из-за опасения, что это первый шаг к ненавистой ему конституции.

Значение указа от 12 декабря еще более ослаблялось тем фактом, что одновременно с ним было опубликовано правительственное сообщение, осуждающее «шумные сборища», предъявляющие требования, несовместимые с «исконными основами существующего государственного строя», т. е. самодержавием. Земским и городским учреждениям запрещалось касаться вопросов о политических реформах как выходящих за пределы предоставленных их ведению предметов.

Всеобщее возбуждение, охватившее страну в связи с расстрелом мирной демонстрации 9 января 1905 г. на Дворцовой площади Петербурга, заставило царя дать 18 февраля министру внутренних дел А. Г. Булыгину «высочайший рескрипт», которым учреждениям и частным лицам было «даровано» право представлять в Совет министров свои «виды и предположения по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния»⁴.

Либеральная печать с восторгом встретила рескрипт, приветствуя его как «поворотный этап в нашей истории». Но вскоре выяснилось, что ничего реального ни этот рескрипт, ни начавшая свою работу Булыгинская комиссия не дали.

В июле 1905 г. съезд промышленников и торговцев высказался отрицательно по поводу Булыгинского проекта, потребовав «прочного правопорядка», т. е. Конституции. Также и съезд земских и городских деятелей, осудив этот проект, высказался за проект Конституции, выработанный струвенским «Освобождением» (монархия и двухпалатная система).

6 августа 1905 г. Николай II издал Манифест об учреждении Государственной Думы, но не законодательной, а законосовещательной, прозванной «Булыгинской». Смысл Манифеста 6 августа был таков: все акты проектируемой Думы имеют силу лишь в случае, если они не противоречат решениям большинства Государственного совета.

В Положении о выборах в Думу содержалась масса ограничений, препятствующих широким кругам русского общества принять участие в таком органе. Из избирательного корпуса исключались женщины, лица моложе 25 лет, военнотружущие, учащиеся, «бродячие инородцы». Высокий имущественный ценз не позволял участвовать в выборах деревенской бедноте и рабочим. Сословная курриальная система создавала неравноправие даже для тех подданных Российской империи, которые получали избирательные права. Помещики и крупные буржуа голосовали по двухстепенной системе, а крестьяне – по четырехстепенной.

Ход первой русской революции опрокинул «булыгинскую думу». Всероссийская политическая стачка вынудила Николая II 17 октября 1905 г. издать «Манифест об усовершенствовании государственного порядка», которым он возложил на правительство выполнение царской воли: «Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Давалось также обещание привлечь к участию в Государственной Думе «те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав». В заключительном разделе Манифеста объявлялось: «Установить, как незыблительное правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действи-

тельного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей»⁵.

Итак, Манифест обещал Государственную Думу с законодательной властью и правом контроля над действиями администрации.

Права российского парламента ограничивались по кругу отнесенных к его ведению дел. Его законодательные права формулировались не слишком четко. В одном только вопросе они устанавливались совершенно определенно: Дума была не вправе даже возбуждать вопрос об изменении основных государственных законов. То есть никакого намека на конституционные права Дума не имела. Из наиболее важных можно отметить бюджетные права, а также некоторые вопросы, связанные со строительством железных дорог и учреждением акционерных обществ. Депутаты Думы имели право запроса представителям администрации.

Составленный с учетом утвержденных царем Основных государственных законов, Свод основных государственных законов отныне насчитывал 223 статьи, объединенные в 2 раздела. Первый раздел имел 11 глав: о существе верховной самодержавной власти; о порядке наследия престола; о совершеннолетию государя императора, о правительстве и опеке; о вступлении на престол и присяге подданства; о священном короновании и миропомазании; о титуле его императорского величества и императорском гербе; о вере; о правах и обязанностях российских подданных; о законах; о Государственном Совете и Государственной Думе и образе их действий; о Совете министров, министрах и главноуправляющих отдельными частями⁶.

Таким образом, определенным и довольно значительным изменениям подвергся первый раздел Свода основных государственных законов. Что же касается второго раздела, то он практически не претерпел никаких изменений.

Основные законы в редакции 1906 года стали, по существу, первой конституцией Российского государства.

Государственная Дума как учреждение было естественным результатом развития политического строя России в начале XX века.

9 июля 1906 г. царь опубликовал манифест о роспуске первой Думы. В нем Дума обвинялась в попытках подорвать устои государства и в разжигании революции.

Роспуск Думы с точки зрения царского законодательства был правомерным, т.к. это не требовало мотивирования или обоснования (ст. 175 Основных государственных законов). А вот изменение избирательного закона представляло собой уже превышение власти императора. В Основных законах закреплено то, что избирательные законы не могут изменяться без санкции Думы и Государственного Совета.

Ряд советских исследователей: Н. И. Васильева, Г. Б. Гальперин, А. И. Королев – полагали, что Манифест 17 октября декларировал начало конституционного строя, но не гарантировал его реального осуществления. Он означал ограничение единоличной власти царя, его самодержавной власти, хотя и формальное. Манифест декларировал, отмечают авторы, «эволюцию формы правления Российского государства от абсолютной к конституционной монархии»⁷.

Уступки монарха породили в рядах оппозиции двоякие чувства. Представители либеральной буржуазии считали, что все, к чему они стремились, достигнуто. Однако представители более радикальных политических движений стремились к большему – к демократической республике.

Но большинство либеральных политиков и правоведов полагает, что со дня опубликования Манифеста 17 октября российский абсолютизм отошел в область истории и Россия превратилась в конституционную монархию. Однако представители левых политических течений весьма скептически относятся к данному утверждению. При этом они ссылаются на «Основные законы» в редакции от 23 апреля 1906 г. Согласно им, существо царской власти определялось следующим образом: «Императору всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть. Повиноваться власти его не только за страх, но за совесть сам Бог повелевает». Он утверждает законы, и без его санкции никакой закон не может иметь «своего совершения». Власть управления во всем объеме принадлежит императору в пределах всего государства. Царь остается верховным руководителем внешних сношений России с иностранными державами, объявляет войну и заключает мир, а равно договоры с иностранными государствами.

Император осуществлял верховное начальствование над всеми вооруженными силами государства. Он имел право роспуска Думы до истечения пятилетнего срока полномочий ее членов, назначая

новые выборы и время ее созыва. Император жаловал титулы, ордена и другие государственные отличия, а также права состояния, имел право помилования осужденных. От его имени творилось правосудие, он руководил финансами и т. д.

В статье 7-й говорилось, что император «осуществляет законодательную власть в единении с Государственным Советом и Государственной Думой». Статья 86 гласила: «Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной Думы и воспринять силу без утверждения государя императора». Иными словами, законодательные предположения об отмене или изменении действующих законов и издании новых, одобренные Государственной думой и Государственным Советом, представлялись царю для утверждения⁸.

Интересно отношение к этому вопросу самого царя. Так, 16 февраля 1906 г. он сказал: «Мое самодержавие остается таким, каким было встарь». В его указах о преобразованном Государственном совете и об учреждении Государственной Думы не было слов «конституция» и «парламент». Публично он никогда не произносил слова «конституция». За все время существования Думы он лишь один раз (9 февраля 1916 г.), да и то по настоянию Распутина, посетил ее заседание⁹.

Враждебное отношение правительственной власти и ее идеологов к конституционной монархии, а тем более к республиканскому образу правления существовало вплоть до последних дней самодержавия.

В условиях революции появляются новые представительные органы – советы. Из советов периода первой русской революции следует отметить петербургский (руководители П. А. Хрусталева-Носарь и Л. Д. Троцкий) и Иваново-Вознесенский (руководители Ф. А. Афанасьев и М. В. Фрунзе).

Уступки со стороны императора казались для крайне правых исключительно большими. Спад революции, неорганизованность и разобщенность оппозиции позволяли властям прерывать работу Государственных Дум, так, Вторая Дума не проработала положенного срока (время ее функционирования – февраль-июнь 1907 г.). 3 июня 1907 г. Вторая Дума была распущена.

Путь России по пути либеральных реформ был приостановлен. Власть опять показала свою исключительно низкую правовую и политическую культуру. Ради достижения сиюминутной цели были

отвергнуты те самые законы, которые позволили бы стране идти по эволюционному пути, минуя революционные потрясения.

Наличие Государственной Думы первого-четвертого созывов, как и ее деятельность в 1906–1917 гг., не смогло существенно изменить природу существовавшего тогда в России государственного строя. Однако появился такой важный политический институт, как парламентская трибуна. С этой трибуны свои мысли и позиции беспрепятственно высказали политики самого различного толка – от крайне левых до крайне правых. Думские речи внесли большую лепту в общественно-политическую атмосферу того времени, в общий ход развития событий, который, в конце концов, и привел Россию сначала к февральской, а затем и к Октябрьской революциям 1917 г.

Историческая роль и предназначение Государственной Думы состояли в том, чтобы спасти Россию от революционных потрясений, обеспечить мирный, эволюционный путь ее развития. Но эта задача оказалась выше ее сил. Органичного взаимодействия двух ветвей власти – законодательной и исполнительной – как требуют того принципы правового государства, в России не получилось. В результате упущенных возможностей сотрудничества возникла острая конфронтация правительства с органом народного представительства. Тем не менее, сам факт появления органа народного представительства, широкая гласность его работы кардинально изменили условия деятельности исполнительной власти, появилась возможность существенно влиять на внутривластный курс правительства, а в некоторых случаях и на его внешнюю политику.

Считается бесспорным, будто деятельность Государственной Думы была борьбой «конституции» с «пережитками самодержавия». Такое определение можно принять, но с поправкой, что «конституцию» защищало правительство, а «пережитки самодержавия» – Дума. Конечно, никто из тогдашних министров о Конституции не мечтал. И тем не менее, за время I Думы нельзя указать ни одного действия правительства, которое Конституцию нарушало. Со многими шагами его можно не соглашаться, но они были конституционны. Иное можно сказать про членов I Государственной Думы. Они давно были борцами за Конституцию; многие были знатоками «парламентской техники» и считали себя «врожденными парламентариями». А деятельность их в Думе оказалась сплошным отрицанием Конституции. Неконституционные поступки и заявления

как членов, так и целой Думы вытекали из того, что они считали ее одну выразительницей воли народа, которая выше конституционных формальностей. Дума претендовала на то, чтобы ее воля считалась выше воли закона¹⁰.

- ¹ *Лазаревский Н. И.* Русское государственное право. СПб., 1912. С. 4.
- ² Развитие русского права второй половины XIX – начала XX века. М., 1998. С. 164.
- ³ Там же. С. 167.
- ⁴ Русский конституционализм: от самодержавия к конституционно-парламентской монархии. М., 2001. С. 14.
- ⁵ *Смирнов С. С.* Государственная Дума Российской Империи. М., 2000. С. 103.
- ⁶ Русский конституционализм: от самодержавия к конституционно-парламентской монархии... С. 15.
- ⁷ Развитие русского права второй половины XIX – начала XX века... С. 178.
- ⁸ *Смирнов С. С.* Государственная Дума Российской Империи... С. 109.
- ⁹ Развитие русского права второй половины XIX – начала XX века... С. 179.
- ¹⁰ *Маклаков В. А.* Вторая Государственная Дума, Воспоминания современника. Лондон, 1991. С. 7.

А. С. Туманова, А. А. Сафонов
Формирование культуры самоорганизации
российского общества
(последняя треть XVIII – начало XX вв.)

К постановке проблемы

Перспективным направлением исследования состояния политической и правовой культуры российского общества имперского периода представляется изучение культуры общественной самоорганизации, формировавшейся посредством деятельности добровольных неполитических ассоциаций разного плана. В дореволюционной литературе они именовались «обществами», «частными обществами», «обществами частной инициативы». Термин «общественный» трактовался как негосударственный, небюрократический. Под общественными организациями, помимо собственно добровольных обществ, причисляемых к категории «союзов частных-правовых», понимали также органы местного и даже сословного самоуправления, именовавшиеся «публично-правовыми союзами»¹ (последние не входят в поле зрения настоящего исследования).

Первые добровольные организации возникли в России в эпоху правления Екатерины II. За исключением Вольного экономическо-

© Туманова А. С., Сафонов А. А., 2006
Статья подготовлена при финансовой поддержке Американского совета научных обществ (ACLS) в рамках исследовательского гранта.

го общества, они имели короткий век. В первой половине XIX в. в Российской империи было образовано около ста обществ. К концу XIX в. их насчитывалось уже несколько тысяч.

После первой русской революции более тысячи обществ образовывалось ежегодно. По признанию современников, общественные организации являлись значимым элементом социально-культурного пространства Российской империи. Так, И. И. Толстой – известный общественный и государственный деятель, являлся членом, причем далеко не формальным, десятка обществ. В 1909 г., к примеру, он председательствовал на собраниях Русского археологического общества, Общества библиотековедения, Общества народных университетов, Общества обывателей и избирателей Васильевской части Петербурга, Общества взаимного кредита деятелей печатного дела, участвовал в заседаниях Общества поощрения художеств, Комитета церковной живописи, стоял у истоков зачинавшихся петербургских отделений Общества единения народностей в России и Общества мира. Работа в общественных организациях занимала у Толстого, по его признанию, в среднем от полутора до трех часов в день².

В начале XX в. самостоятельная активность населения реализовывалась в таких областях, как социальная защита (благотворительные организации, общества и кассы взаимопомощи), здравоохранение (медицинские общества, антитуберкулезные лиги, общества борьбы с раком и с алкоголизмом и др.), физическая культура и спорт (футбольные, гимнастические, беговые общества и др.), совершенствование городской инфраструктуры и коммунальной политики (общества благоустройства городов, охраны памятников, пожарные общества и др.), экономика (торгово-промышленные и сельскохозяйственные общества), художественное творчество (театральные, музыкальные, литературные общества, организации художников и др.), наука (гуманитарные, естественнонаучные, научно-технические общества и др.), образование (общества самообразования, грамотности, распространения технических и коммерческих знаний и др.) и т. п.³

Массированное вхождение в российскую жизнь общественных организаций символизировало зарождение нового типа организации социума, приходящего на смену характерным для феодально-сословного строя иерархическим корпоративным институтам, основанным на принципе принудительного участия. Он был ориенти-

рован на равенство возможностей, самофинансирование, выборность, принятие совместных решений в ходе демократического их обсуждения, ротацию должностей, подконтрольность вышестоящих нижестоящим. Являясь, по выражению А. де Токвиля, первоосновой роста самоуправления, демократии, достижения прогресса во всех сторонах общественной жизни⁴, добровольные ассоциации служили антитезой старому патриархальному укладу, играли определяющую роль в том, что Ю. Хабермас назвал новой публичной сферой, в рамках которой частные лица собирались вместе, чтобы публично обмениваться мнениями. В предреволюционной России они были островками формирующейся гражданской культуры и гражданского общества.

Современные теоретики гражданского общества американский политолог Дж. Коэн и социолог Э. Арато противопоставляют гражданское общество «политическому сообществу», т. е. партиям и парламенту, а также «экономическому сообществу», т. е. организациям производства и сбыта. В соответствии с этой классификацией социальной тканью гражданского общества, его несущей конструкцией выступают добровольные ассоциации неполитического плана⁵. Для российского населения, веками приученного к подчинению, добровольные организации с их самостоятельностью в определении направлений работы, привлечении членов и финансов, способностью к самоорганизации и самодисциплине, являлись школой гражданской деятельности, формировавшей навык управляться собственными силами.

Давая определение гражданскому обществу, современный западный политолог Э. Геллнер понимает под ним такое общество, в котором неполитические институты не испытывают давления со стороны политических и ничто не сковывает индивидуальной свободы; следуя афористичной дефиниции, «свобода дается даже боязливым или рассеянными». Для достижения такого состояния, по мнению Геллнера, требовался определенный достаточно высокий уровень организации общества в его структурах и институтах, развитая культура общественной самоорганизации, предполагавшая определенный, достаточно высокий уровень развития правовой и политической культуры.⁶ Рассмотрению этих важных аспектов организации жизни людей и посвящена настоящая статья.

Формирование культуры самоорганизации российского общества представляло собой длительный процесс. Выделим несколько

основных критериев, которые позволяют судить о его качественном состоянии. Во-первых, это наличие институционального каркаса в виде оформившейся системы добровольных ассоциаций, отражавших разнообразие интересов и потребностей подданных российского монарха. Во-вторых, складывание правовой основы самоорганизации, регулирование различных сторон жизнедеятельности обществ действующим законодательством, а также рождение доверия к праву как к первоочередному средству упорядочения взаимоотношений между властью и обществом. Третий существенный аспект самоорганизации – идеологический – предполагал бытование в обществе идеологии, признававшей значимость объединения людей как важного фактора развития социума, способа разрешения назревших проблем населения, реализации его прав и свобод. Четвертый – практический (деятельностный) аспект – включал наличие у самостоятельных объединений успехов в достижении декларируемых ими задач.

Важной предпосылкой и условием для становления культуры общественной самоорганизации следует признать политическую культуру общества, сложившийся опыт взаимоотношений личности, общества и властных структур. На осуществление процессов общественной самоорганизации в немалой степени воздействовала и правовая культура, понимаемая как осознание российским населением важности создания правовых основ для трансформации сословного общества в гражданское, признание права действенным способом регуляции общественных образований и разработка правовых норм, регламентирующих процесс жизнедеятельности добровольных обществ.

Все вышеперечисленные факторы необходимо рассматривать в совокупности, а также в динамике. Анализируя каждый из них, можно констатировать определенный прогресс от царствования к царствованию, начиная с эпохи Просвещенного абсолютизма.

Формы самоорганизации общества в исторической ретроспективе. Национальный опыт и европейские образцы

Для самодержавия, привыкшего к осуществлению контроля над всеми сферами жизни общества, добровольные общества были

конкурентом, оспаривавшим его монопольное право на выражение и защиту интересов населения. Ввиду этого на протяжении почти полуторавековой истории их существования, с последней четверти XVIII в. и до начала XX в., отношение к ним государства оставалось в целом неизменным. Даже в начале XX в., когда в странах Европы на законодательном уровне была утверждена свобода образования союзов, российское законодательство об обществах и союзах придерживалось строгих полицейских методов регламентации деятельности организаций и считалось наиболее отсталым. Сама возможность появления на свет общественных институций являлась милостью, даруемой властью. Учредителям всякий раз требовалось правительственное разрешение, которое первоначально давалось императором, затем министрами, позднее – губернаторами. Разрешительный (концессионный) режим был введен еще Уставом благочиния Екатерины II 1782 г. И даже накануне первой русской революции самодержавие не спешило его пересматривать, полагая, что, как и во времена просвещенного абсолютизма, у него оставался выбор – иметь дело с добровольными организациями или нет. Между тем определенные шаги навстречу естественному стремлению людей к объединению самодержавие предпринимало.

Образование общественных организаций как проявление стремления общества к самодеятельности и самоуправлению предполагало ответную готовность монархической власти пойти на определенные самоограничения. Надлежало признать юридический статус отдельных социальных групп, законодательно закрепить за ними определенные сферы деятельности. В России личные и имущественные права стали закрепляться за отдельными сословиями в последней четверти XVIII столетия, в результате реализации реформаторской программы Екатерины II.

Изданный супругом Екатерины императором Петром III в 1762 г. «Манифест о вольности дворянской» освобождал дворян от обязательной государственной службы и давал им возможности для саморазвития, в том числе и в духе популярных в обществе идей европейского Просвещения. С превращения служилых землевладельцев в привилегированное сословие, «эмансипировавшееся» от служебных обязанностей и начавшее проявлять себя на общественном поприще, исследователи ведут отсчет формированию в России общественности⁷.

«Жалованные грамоты», дарованные Екатериной в 1785 г. дворянству и городам, предоставили представителям дворянского и городского сословий личные, а отчасти и политические права, способствовали формированию у них традиций общественной работы в органах сословного самоуправления – дворянских собраниях и городских думах.

Определяя место екатерининского этапа модернизации, исследователи видят в нем попытку «реализации в России либеральной модели, направленной на развитие гражданского общества и правового государства»⁸. Считая создание гражданского общества конечной целью преобразований Екатерины II, ученые указывают на несовпадение замысла с реальностью. Правовой и институциональный каркас гражданского общества в России XVIII в. отсутствовал, хотя определенные достижения в этом направлении имелись, которые и создали основу для трансформации общества в первой четверти девятнадцатого века и стали *sine qua non* (непременным условием – *А. Т.*) реформ 1860-х годов⁹.

Екатерининское правление считается «зарей русской общественности» (В. А. Мякотин), временем, когда «начинает помнить и сознавать себя «душа» новой русской общественности» (П. Н. Милюков), зарождаются ее здоровые силы (А. А. Кизеветтер), формируется самостоятельное общественное мнение (В. О. Ключевский)¹⁰.

К последней трети XVIII в. относятся первые упоминания в литературе гражданского общества. Особый интерес представляет его трактовка, данная самой императрицей в тексте «Наказа» членам Уложенной комиссии: «Гражданское общество, как и всякая вещь, требует известного порядка. Надлежит тут быть одним, которые правят и повелевают, а другим, которые повинуются»¹¹. Надо признать, что это определение более подходило к традиционному феодальному обществу, основанному на иерархии сословий и системе привилегий, чем к обществу свободных и равных граждан. Вместе с тем, подобная трактовка вписывалась в екатерининскую концепцию реформ, основывавшуюся на идее преобразования государственного строя России в легитимную монархию, опиравшуюся на прочный фундамент «непременных» законов и сословную организацию общества¹².

В последней трети XVIII в. появляются первые институциональные формы организации российского общества. В поисках мо-

делей самоорганизации образованные русские люди обращали свой взгляд на передовые европейские страны, где модернизация традиционного общества в буржуазное находилась в самом разгаре. Парижский салон и лондонское кафе были в Европе исторически первыми устойчивыми формами социальных коммуникаций. Собирая высшую знать и литераторов, они удовлетворяли тягу своих завсегдатаев к общению и раздумьям о рациональном переустройстве общества. Расцвет салонов в Париже во второй половине XVIII в. содействовал приобретению им статуса столицы просвещенной «литературной республики» и всего цивилизованного мира.¹³

Одним из первых литературных салонов России стал московский салон писателя М. М. Хераскова. Он объединял писателей и журналистов, всех любителей литературы¹⁴.

Центрами рождения развлекательной культуры и образованной публики стали клубы. Клубная культура пришла в Россию в конце XVIII в. Она была чрезвычайно развита в Англии, где в это время существовали клубы, ориентированные на все вкусы, включая самые экстравагантные: Общество по процеживанию желе, Клуб городских острословов, Макаронный клуб, Клуб по защите билля о правах, Орден самцов, Клуб уродов и др.¹⁵

В России первые клубы возникли в среде живших в Петербурге иностранцев. Английским купцом и масоном Ф. Гарднером был основан Английский клуб в Петербурге. 1 марта 1770 г. был принят устав клуба и избран его девиз: «Concordia et Laetitia», т. е. «Согласие и веселье». Новое учреждение пользовалось популярностью в высшем обществе столицы. Число его членов росло: в 1771 г. их насчитывалось 250, в 1780 г. – 300, а к середине XIX в. – 400 человек. В. Г. Орлов, возглавлявший Императорскую Академию наук, сообщал в 1770 г. своему брату Федору о возникновении в Петербурге «нового рода собрания»: «Называется клуб, похоже на кафегаус (кофейня – *A. T.*), где уже 130 человек вписались.., всякого сорта люди есть в нем: большие господа все почти, средние, ученые, художники и купцы. Можно в оное ехать во всякое время, поутру и после обеда. Желających в оное вступить избирают баллотированием»¹⁶. Высокий членский взнос (в размере 10 руб.), специальные знаки на право посещения клуба, даваемые лишь его членам, сложная процедура избрания (чтобы стать членом клуба, нужно было заручиться рекомендацией одного из действительных его членов, после чего подвергнуться баллотировке шарами), все это

свидетельствовало о закрытости данного собрания. Членство в Английском клубе для одних было актом социального престижа и признаком принадлежности к высшему обществу, для других – способом интегрироваться в него и добиться продвижения по службе.

Помимо Английского, в Петербурге действовали также Бюргер-клуб, где собирались преимущественно купцы, ремесленники и чиновники, Музыкальный клуб (1772 г.), Коммерческое общество для соединения биржевого купечества (1785 г.), Танц-клуб для небогатых мещан и купцов (1786 г.).¹⁷

В 1772 г., по образу и подобию петербургского, французами был основан Английский клуб в Москве. По выражению Ф. Ф. Вигеля, клуб являлся «верным изображением» и «эссенцией» московского общества. Он формировал уклад жизни, привычки, сферу общения высших столичных кругов. Его членами стали известные литераторы А. С. Пушкин, П. Я. Чаадаев, П. А. Вяземский, А. С. Грибоедов, М. Н. Загоскин, историки Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, Т. Н. Грановский, Д. И. Иловайский, публицисты А. И. Кошелев, П. В. Долгоруков, М. Н. Катков, актеры М. С. Щепкин, П. М. Садовский, А. И. Сумбатов-Южин и др.¹⁸ В 30-е гг. XIX в. Английские клубы появились в провинции (Одессе, Екатеринославе, Керчи).

Наряду с салонами и клубами в Европе эпохи Просвещения были популярны различные виды ассоциаций, содействовавшие прогрессу наук, просветительства, народного хозяйства. Все отмеченные направления работы объединяло в себе образованное в октябре 1765 г. Вольное экономическое общество (ВЭО). ВЭО пользовалось личным покровительством императрицы, ею же по существу и управлялось, субсидировалось тронем, получив вскоре наименование «императорского». Между тем в его уставе говорилось, что «общество основано на добровольном соединении членов, управляться будет само собою, под председательством президента»¹⁹. Таким образом, «вольность» этой организации причудливо сочеталась с благосклонным личным покровительством ей императорской особы. Особое положение этого объединения дает основание ряду исследователей трактовать его статус как «смешанный, общественно-государственный»²⁰.

ВЭО внесло большой вклад в развитие гражданского самосознания населения страны и распространение либеральных идей.

Призванное обучать помещиков приемам рационального ведения хозяйства и служить приумножению их собственности, Общество выходило в своей деятельности за пределы частных агрономических улучшений, поднимало вопросы социального и политического плана. В устраиваемых им конкурсах победу одерживали сочинения, недвусмысленно проводившие идеи уничтожения крепостного права, экономической неэффективности барщинного хозяйства и преимуществ использования наемного труда в сельскохозяйственном производстве. В деятельности ВЭО участвовали многие видные российские ученые и экономисты-практики. Формы и методы работы этой организации непрерывно расширялись. В начале XIX в. к традиционным для ВЭО направлениям (устройство регулярных заседаний, конкурсов, издание научных трудов) прибавились прикладные виды деятельности: организация специальных научно-исследовательских экспедиций, постоянных опытных станций, профессионального образования и др.²¹

Образованием ВЭО и элитарных клубов был создан прецедент для создания других общественных организаций. Зарождение в недрах российского абсолютизма частной инициативы свидетельствовало о кризисе феодального строя с его системой недобровольных объединений (сословных, гильдейских, цеховых и др.) и отношением к подданным как к пассивным исполнителям повелений власти.

«Невиданная ранее тяга к объединению» отмечалась в начале XIX в. Столичное светское общество в то время было одержимо «стихотворным недугом». Как вспоминали современники, на всех светских раутах и званных обедах было принято читать стихи²². Ввиду этого наибольшее распространение получили литературные объединения, как неформальные (кружки, салоны, вечера), так и организованные (общества, собрания, клубы). Самыми известными из них стали Беседа любителей русского слова (1811 г.), литературное общество «Арзамас» (1815 г.), Вольное общество любителей российской словесности в Петербурге (1818 г.). Хотя литературные общества не были массовыми, насчитывая по несколько сот действительных членов, они оказали существенное воздействие на формирование русской публики, рассматривая эту задачу в качестве одной из приоритетных (в уставе «Арзамаса», к примеру, его цель определялась как «польза отечества, состоящая в образовании общего мнения»)²³.

Наряду с литературными, в Александрову эпоху получили развитие благотворительные общества, были основаны первые объединения художников, ученых-гуманитариев и естествоиспытателей. Первым в России естественнонаучным обществом было Московское общество испытателей природы, организованное при Московском университете в 1805 г. с целью изучения природы и естественных богатств страны «по части минералогии, ботаники, зоологии, земледелия и промышленности», кои, как говорилось в его уставе, «могут составить новую ветвь российской торговли»²⁴.

Одним из наиболее авторитетных и долговечных исторических организаций явилось образованное при Московском университете в 1804 г. Общество истории и древностей российских. Образование Общества явилось следствием обоюдной заинтересованности научного сообщества и правительственной власти в систематическом изучении русского источниковедения и историографии, налаживании исследовательской и публикаторской деятельности в этих направлениях, в чем данная организация и преуспела.

По мере усиления реакционных тенденций в политике Александра I и вступления на престол Николая I, положение общественных организаций стало ухудшаться. Американская исследовательница А. Линденмейер указывает на наложенный Николаем I в марте 1848 г. запрет на создание благотворительных обществ, официально отмененный только в 1859 г.: пособие бедным предписывалось «оказывать личными подаяниями, либо через посредничество Приказов общественного призрения»²⁵. По данным А. Е. Иванова, в 40-е и 50-е гг. остракизму были подвергнуты и научные объединения студентов, действовавшие при университетах, которые «домашними мерами и без огласки» были прекращены. Студентам определялось быть «отдельными посетителями» университета, а их ассоциации были лишены права «официального укоренения на академической почве»²⁶.

Не имея возможности прибегнуть к закрытию ряда обществ, приносящих пользу в отведенных им областях, Николай I предпринял попытку пойти по пути их огосударствления. В результате многие открытые в период его правления общества можно лишь с большой натяжкой отнести к разряду частных «вольных» организаций: их уставы разрабатывались Комитетом министров, а не учредителями, сами общества получали наименование «император-

ских», пользовались казенными пособиями, а их управленческий состав – правами государственной службы²⁷.

Вместе с тем, следует заметить, что участие государства в судьбе организаций обеспечило многим из них долгую жизнь, а развитие частной инициативы в николаевский период было в целом весьма интенсивным. Наивысшего расцвета достигли литературные кружки и салоны (в 1820–1830 гг. их было образовано 54²⁸). Создавались новые научные, художественные и благотворительные организации.

Одним из крупнейших ученых обществ, основанных в ту пору, явилось Русское географическое общество (РГО) (1845 г.), посвятившее себя изучению «земель, народов и ресурсов Российской империи». Учреждение Географического общества было реакцией на развитие международного научного сообщества и на создание подобных институтов в Европе и в Америке. Первое Географическое общество было основано в Париже в 1821 г. Затем возникли Берлинское географическое общество (1828 г.) и Королевское географическое общество в Лондоне (1830 г.). Такие же общества были созданы во Флоренции (1824 г.), Дрездене (1831 г.), Бомбее (1836 г.), Франкфурте (1837 г.), Бостоне (1840 г.), Рио-де-Жанейро (1839 г.) и Нью-Йорке (1850 г.).

По замыслу основателей, РГО должно было предоставлять международному сообществу исчерпывающую информацию о Российской империи, способствуя тем самым внесению вклада России в прогресс мировой науки²⁹. Общество занималось исследованием различных регионов страны, организовало серию ярких географических экспедиций (в их числе экспедиции П. П. Семенова-Тян-Шанского, Н. А. Северцова, Н. М. Пржевальского), осуществляло статистические работы, а в годы великих реформ явилось центром формирования либеральной бюрократии, использовавшей полученные научные знания для осуществления отмены крепостного права.

В николаевский период в России возникло 15 сельскохозяйственных обществ. Всероссийский размах приобрела деятельность Московского общества сельского хозяйства (МОСХ), образовавшегося под началом московского генерал-губернатора Д. В. Голицына в 1820 г. Наряду с ВЭО оно являлось центром агрономической теории и сельскохозяйственной практики в дореформенной России, а с начала XX в. – средоточием либеральной мысли.

Сельскохозяйственные общества достаточно быстро получили признание государства. Начиная с середины XIX в., Министерство государственных имуществ предпринимало попытки использовать их в качестве поставщиков информации о нуждах сельского хозяйства различных регионов России, участвовало в их научных и технических разработках³⁰.

Мощный импульс развитию организованной общественной самодеятельности был дан в период великих реформ 60–70-х гг. XIX в. Уничтожение крепостной зависимости, а также созданный тогда прецедент привлечения негосударственных учреждений к нуждам местного управления расширил возможности для проявления частной инициативы. Пореформенные городские думы и земские учреждения явились очагами формирования общественности.

Заметное воздействие на формирование ценностей гражданской культуры оказали реформы в сфере образования и печати: провозгласивший принципы академической автономии и предоставивший университетам право организовывать собственные научные общества университетский устав 1863 г., способствовавшая «раскрепощению слова» цензурная реформа. Будучи местами концентрации передовой интеллектуальной элиты российского общества, университеты, издательства и редакции крупных либеральных журналов становились форпостами «общественности». Вокруг них основывались неформальные кружки и организационно оформленные объединения ученых и литераторов. Способствуя децентрализации управления и ограничению бюрократического контроля, государство создавало на местах жизнедеятельную структуру формирующегося правового государства, одну из тех «сдержек», «при воздействии которых гарантии гражданской свободы, как и свободы политической, укрепляются и получают развитие»³¹.

Существенные изменения происходили в общественном сознании. Описывая атмосферу тех лет, мемуаристы указывали на проявившееся в обществе стремление к самодеятельности, пробуждавшиеся «общественные инстинкты и навыки», накапливавшуюся «политическую энергию, социальную отзывчивость, потребность высказываться, проводить свои мысли в жизнь, стремление приносить пользу родине, жить и общими, а не только узкими личными интересами»³². Все это свидетельствовало о формировании культуры общественного действия и становлении слоя общественных деятелей.

Насколько первая половина XIX в. явилась эпохой владычества литераторов и литературных объединений, настолько вторая половина столетия стала «весной русской науки» и временем расцвета организаций, образовавшихся на почве интереса к научному знанию. Модернизация промышленности, усложнение технической оснащённости предприятий, ширившееся железнодорожное строительство ставили перед учеными новые более сложные задачи, решить которые государственной науке было не под силу. Реформы 60-х гг. вызвали к жизни целую плеяду ученых обществ. В середине столетия их было 20–25, к началу 80-х гг. их число выросло почти до 200, достигнув к концу 90-х гг. 340³³. Нацеленные на консолидацию научных сил, эти ассоциации постепенно расширяли географию своего распространения. В последней четверти XIX в. уже свыше двух третей всех научных обществ России действовали за пределами столиц. К середине 1890-х гг. своим научным обществом могли похвастаться уже 100 городов России, включая и уездные³⁴. Причем многие из этих объединений в скором времени переросли рамки чисто научных организаций, их деятельность превратилась в явление социальной и культурной жизни страны.

Процессы самоорганизации охватили практически все существовавшие тогда научные дисциплины. Из организаций, работавших в области гуманитарных и общественных наук (к концу XIX в. их насчитывалось 60, включая более 30 историко-археологических, до 10 юридических, 6 филологических и др.³⁵), особенно заметную общественную роль играли юридические общества. Укрепление их позиций было связано с повышением в пореформенный период общественного интереса к деятельности новых реформированных судебных институтов и ростом престижа юридической профессии. Юридические общества были учреждены в крупных университетских городах – Москве, Петербурге, Киеве, Казани, Одессе, а также в Курске. Свою функцию они видели в том, чтобы подготовить русских людей к участию в государственном управлении, сформировать у них «ясное представление о праве, законности, о действительных основах порядка», «служить развитию общественного правосознания». Такие масштабные задачи были порождены убежденностью общественных деятелей в приближении «века свободы и демократизма», того «состояния общественности, когда, по словам председателя Московского юридического общества С. А. Муромцева, каждый сам призван стоять на страже и свободы

и равенства, ибо нет той силы, которая могла бы создать их для человека, когда сознание их ему самому чуждо»³⁶.

«Выразителем наболевших правовых нужд страны», следуя фразеологии эпохи, и свидетельством развития правового сознания общества, говоря языком современным, явился проходивший в 1875 г. в Москве первый съезд русских юристов. Его участники связывали осуществление широких законодательных реформ с научной разработкой вопросов права, утверждали, что «законодательное творчество немыслимо без содействия науки»³⁷.

Либеральные взгляды и высокие идейные устремления отличали организации врачей. За тридцать лет, с 1864 по 1894 гг., их было образовано свыше ста, и они развернули свою деятельность более чем в семидесяти городах России³⁸.

Широкий публичный характер носила деятельность только нарождавшихся в пореформенной России научно-технических обществ – Русского технического общества (РТО), созданного в Петербурге в 1866 г. (только за первый год существования в него вступило более 600 человек), Общества распространения технических знаний в Москве (1870 г.), Политехнического общества при Московском техническом училище (1878 г.). Их появление символизировало рост общественного интереса к техническому знанию, к пропаганде и развитию технического образования среди рабочего населения, необходимого в условиях активно развертывавшегося в стране промышленного и железнодорожного строительства.³⁹ Крупным культурно-просветительным центром России являлось Московское общество распространения технических знаний, основанное в 1869 г. Посредством действовавших при нем Учебного отдела и Комиссии по организации домашнего чтения, а также сети филиальных отделений, разбросанных по стране, эта организация включила в орбиту своей работы не только столичные города, но и российскую провинцию.

Характерной чертой российской организованной общественности изучаемого времени была ее растущая профессионализация. Российские общества, как до этого их европейские собратья, из обществ лиц, связанных узами дружбы и родства, постепенно превращались в формализованные сообщества профессионалов. Развитие ассоциаций стимулировали их модернизовавшиеся уставные документы. Они предусматривали более децентрализованную организационную структуру и относительную автономию отделений,

вовлекавших в орбиту общественной деятельности российскую провинцию (у Русского технического общества к 1905 г. их насчитывалось 38, у Русского музыкального общества – 20).

Ярким примером организации «новой формации» может служить Общество любителей естествознания при Московском университете (1864 г.), преобразованное в 1867 г. в Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ). Его учредители – профессора-естествоиспытатели Московского университета – постоянно находились в творческом поиске организационных форм и методов работы. Свою миссию они усматривали в том, чтобы сделать русскую науку, переживавшую, по их словам, детский возраст, считавшуюся уделом европейцев, национальной, сформировать сообщество российских ученых, привить широким слоям населения интерес к научному знанию и веру в величие империи, рождающей ученых-специалистов. С этой целью ОЛЕАЭ, подобно Русскому географическому обществу, публиковало свои материалы на русском языке, формировало широкую сеть членов-корреспондентов, изыскивавших и включавших в научное сообщество новых специалистов.

Формированию общественности, наделенной чувствами национальной и гражданской гордости, способствовали публичные акции ОЛЕАЭ. К их числу принадлежали этнографическая выставка и I Всероссийский съезд естествоиспытателей 1867 г., этнографическая выставка 1872 г. (экспозиция последней легла в основу первого национального музея прикладных знаний – Политехнического). В своей речи на торжественном открытии Политехнического музея его организаторы отмечали, что частная инициатива, «до того скудная и робкая», проявилась в этом мероприятии «в полном блеске и силе». Как справедливо заметил американский исследователь Дж. Бредли, музей, явившийся результатом сотрудничества государства, муниципалитета и общественности, был «примером зарождающегося гражданского общества в действии»⁴⁰.

С 60-х гг. XIX в. берет свое начало создание обществ народного образования. Первыми ласточками здесь явились Комитеты грамотности, основанные при Московском обществе сельского хозяйства и при Вольном экономическом обществе и явившиеся спустя несколько десятилетий идейными центрами либерального движения в России. Не обошла стороной частная инициатива и учительскую среду. Стремление учителей к объединению нашло отраже-

ние в организации первых учительских обществ и учительских съездов (с 1872 по 1883 гг. их было устроено девять)⁴¹.

Характерной чертой времени было вовлечение в организованную общественную жизнь женщин, быстро занявших в ней свою нишу. Первые женские организации – Общество дешевых квартир (1861 г.), Общество для пособия бедным женщинам в Петербурге (1865 г.), Общество для пособия слушательницам врачебных и педагогических курсов (1874 г.) – носили преимущественно благотворительный характер. Появлялись организации, занимавшиеся развитием женского образования: московские общества воспитательниц и учительниц (1870), распространения практических знаний между образованными женщинами (1887), Екатеринославское общество попечительства о женском образовании (1872). По утверждению исследователя женского движения Р. Стайтса, создание собственных ассоциаций дало представительницам слабого пола «опыт лидерства, воспитало чувство самоуважения и пробудило осознание способности женщин принимать участие в общественной жизни»⁴².

Внесли свой вклад в развитие культуры самоорганизации российского общества и последующие 80-е годы XIX в. В силу поправления политического курса самодержавия и разгрома революционного народничества для общества было характерно обращение к чистой культурнической работе. Идеологи теории «малых дел», увлекшей русскую публику той поры, выступали с программой постепенного и поэтапного реформирования жизни посредством отдельных экономических и социальных улучшений. Существенное значение придавалось различным легальным организациям производственного, культурно-просветительского и научного плана.

80-е гг. были отмечены интересом к историческим изысканиям и историко-археологическому исследованию различных местностей Российской империи, ассоциированием на почве популяризации литературы, музыки и театра, развития естественных наук и др. В это время основываются Историческое общество при Петербургском университете, Историко-филологическое общество при Новороссийском университете, Кавказское общество истории и археологии в Тифлисе, Общество изучения Амурского края во Владивостоке, Псковское археологическое общество, Русское литературное и театральное общество в Петербурге, Общество искусства и литературы в Москве⁴³.

Ввиду того, что в царствование Александра III первоочередной государственной потребностью было признано оздоровление народа, интенсивно развивалась сеть научно-медицинских обществ. Высочайшее разрешение было дано на проведение съездов русских врачей. В 1883 г. в Москве основывается организация, специализировавшаяся на устройстве медицинских съездов, – Общество русских врачей в память Н. И. Пирогова. За первые двадцать лет существования Пироговским обществом было организовано девять съездов, собиравших тысячные аудитории. Историограф медицинских обществ В. И. Радулович отмечал значимую роль Пироговского общества в формировании корпоративного самосознания представителей врачебного сообщества⁴⁴.

Рубежный этап в развитии общественного самосознания населения России и сплочении общественных сил обозначился в начале 90-х гг. XIX в., когда общественность пришла на помощь власти в деле борьбы с голодом 1891–1892 гг., а та, напуганная размахом принявшего грозные размеры неурожая, дала ей возможность работать. В организацию помощи голодающим крестьянам включились деятели местного самоуправления и добровольных обществ разного профиля, люди различного социального и имущественного положения. Помощь голодающим приобрела характер общественного движения.

Видный деятель либерального движения начала XX в. В. А. Маклаков констатировал, что «в 1891 г. на сцену впервые выступила “общественность” в ее противопоставлении “власти”⁴⁵. Близкая Маклакову по своим политическим взглядам А. В. Тыркова-Вильямс, характеризуя воздействие голода 1891 г. на общественное движение, замечала: «Наконец власть и общественность стали сотрудничать. Их сблизило народное бедствие и осознание общей ответственности. Это продолжалось недолго, года полтора. Прошла острая беда, и правительство опять стало хмуро, недоверчиво и недоброжелательно коситься на всякое проявление общественной самодеятельности. Но толчок был уже дан... Мысль, раз пробужденная, уже не останавливалась. Общественное настроение превращалось в общественное движение, которое скоро должно было разрастись в то освободительное движение с большой буквы, которое подготовило революцию 1905 года»⁴⁶.

Убеждение в необходимости развертывания общественной самодеятельности стало разделяться тогда представителями консер-

вативной мысли. Л. А. Тихомиров, к примеру, видел перспективы использования общественных организаций для развития «правого дела», выступал за создание консерваторами своих институций, призванных противостоять либерализму и поддерживать монархическую государственность. Идеи «опоры на общественность» в начале XX в. стал высказывать такой столп самодержавия, как кн. В. П. Мещерский⁴⁷.

Консерваторы принимали участие в деятельности общественных организаций, однако их роль в них была более скромной и незаметной, чем либералов. По традиции они проявляли интерес к салонной форме общения. На пороге XX столетия литературные и музыкальные салоны XIX в. сменили салоны политические, где осуществлялась работа по подбору кадров государственных служащих. Невысокая степень интеграции правых в общественные организации приводила, по мнению В. Я. Гросула, к ослаблению их духовного влияния на русское общество⁴⁸.

90-е гг. XIX в. явились временем мощного подъема организованной общественной самодеятельности. Десятикратно увеличилось число организаций, содействующих распространению народного образования: в начале 90-х гг. их было около двадцати, в 1898 г. – 193⁴⁹. В три раза возросла численность медицинских обществ (в начале 80-х гг. – 40, а в 1896 г. – 120), которые объединяли уже более половины представителей врачебного сословия⁵⁰. За период 1890–1904 гг. количество научных обществ (без научно-медицинских) возросло с 73 до 130, охотничьих – с 33 до 195, учительских обществ взаимопомощи – с 4 до 71⁵¹. Под влиянием борьбы с голодом в начале 90-х гг. происходил количественный рост сельскохозяйственных обществ, которых к началу XX в. насчитывалось уже свыше 200⁵². Большой общественный резонанс вызывали съезды добровольных организаций (русских врачей, естествоиспытателей, антропологов и др.), собиравшие на свои заседания широкий круг заинтересованных лиц. Наряду с количественным ростом организаций происходило их качественное изменение: появлялись новые их виды – общества физического воспитания и развития, педагогические кружки в провинции и педагогические общества в провинциальных университетских городах и др.

*Столичное и региональное
в российской культуре общественной самоорганизации*

Формирование культуры общественной самоорганизации на рубеже XIX–XX вв. стимулировало интенсивно протекавшие процессы индустриализации и урбанизации, расширение инфраструктуры и «вестернизацию» российских городов, развитие средств коммуникации, сокращавших время трансляции культурных достижений и ускорявших информационный обмен, повышение уровня грамотности населения, формирование в обществе навыка к серьезному чтению и потребности в получении образования, расцвет книжного и газетного дела, в особенности частной печати, оперативно освещавшей злободневные проблемы общественно-политической жизни страны и формировавшей общественное мнение.

Существенное влияние на создание общественности оказывали российские города. Сама форма города и формируемая им урбанистическая система в целом с ее внутренней иерархией и географической конфигурацией являлась мощным инструментом распространения прогресса.

Роль столичного города в модернизационных процессах была, безусловно, более заметной, чем провинциального. Будучи центрами наиболее интенсивного перемещения людей и циркуляции идей, российские столицы (Москва и Санкт-Петербург) способствовали внедрению и укоренению в сознание своих жителей моделей поведения, которые ставили под сомнение систему старых ценностей, способствовали проникновению передовых политических и правовых идей.

К началу XX в. в России сложилась развитая инфраструктура общественных организаций, работавших в разных областях. В провинциальных городах накануне Первой мировой войны действовало до сотни и немногим более сотни обществ (семьдесят – в Тамбове, сто – в Казани и т. д.), в столичных – несколько сотен (около шестисот в Москве, почти столько же в Петербурге)⁵³.

Общественная жизнь провинциальных городов уступала столичной. В российской провинции, не так быстро откликнувшейся на насущные запросы жизни, не наблюдалось такого разнообразия видов и направлений общественной работы. Преобладающие там общественные институты исследователи обычно подразделяют на две категории: общества социокультурного типа, действия которых

были направлены на формирование в своем регионе культурной среды, и общества социальной защиты, ориентированные на улучшение социально-бытовых условий жизни населения. К первой группе относились просветительские, научные, культуртрегерские и здравоохранительные общества, ко второй – благотворительные организации и общества взаимопомощи⁵⁴.

Состояние местных обществ, как правило, отражало специфику социально-экономического и культурного уклада региона, в котором они возникали. Так, к примеру, в губерниях Центрального Черноземья (Курской, Тамбовской, Воронежской) ввиду занятости населения в аграрной сфере, а также развитых традиций дворянского самоуправления, широкое развитие получили сельскохозяйственные общества, руководимые помещиками-землевладельцами: они возникали ранее других, имели влиятельный и многочисленный членский состав⁵⁵. В губерниях промышленного центра России (Костромской, Ярославской), где были развиты неземледельческий отход и кустарные промыслы, были распространены общества взаимопомощи купцов и ремесленников, а также общества образования, ориентированные на эти социально-профессиональные группы⁵⁶.

Между тем российская провинция по своему «общественному потенциалу» была весьма неоднородной. Крупные провинциальные университетские центры – Казань, именуемая современниками «Афинами Поволжья», известный своими «европейско-буржуазными» устоями Харьков – если в чем-то и уступали столичным городам, то несущественно. Культурными центрами являлись волжские города – Саратов, «превосходивший, – как замечали современники, по части культурного прогресса и европеизации прочие «пензы», Нижний Новгород, «духовная жизнь которого если не шла в уровень с его торговлей, то все же была довольно развитой», Самара, которую сравнивали с быстро растущими городами Америки⁵⁷.

Складывание в «неуниверситетской» провинции развитой инфраструктуры добровольных обществ отставало во временном отношении от столичных центров. Ее знакомство с организованной самодеятельностью как общераспространенным общественным явлением произошло в пореформенный период, тогда как в первой половине XIX в. здесь усилиями единичных представителей дворянства и купечества создавались отдельные, как правило, ориен-

тированные на организацию развлекательно-досуговой работы, объединения. Они были предназначены для «внутреннего пользования» их учредителей и не оказывали сколько-нибудь заметного влияния на городское общество. Это были клубы и общества коннозаводчиков, купцов, ремесленников, приказчиков и др.

Более позднее общественное созревание провинции имело под собой и объективные причины, не сводившиеся лишь к нераспорядительности и безынициативности местных общественных деятелей. Власть относилась к открытию здесь организаций подозрительно, отдавая приоритет столичным центрам. Провинциальным общественным деятелям, ходатайствовавшим об учреждении обществ, однако зачастую не имевшим нужных связей в верхах и опыта в том, чтобы, как говорится, «придать ноги» своему начинанию, отказывали (нередко на том основании, что объединения со сходными задачами уже имелись в столичных городах и их создание в провинции не представлялось своевременным).

Порой провинциалы показывали себя более инициативными, чем столичные общественные деятели. Примером здесь может являться попытка ряда провинциальных городов (Пензы, Костромы, Харькова, Калуги, Полтавы, Томска, Минусинска) основать у себя в начале 60-х гг. XIX в. общества грамотности, всякий раз пресекавшаяся властями. Как известно, развернуться в этом плане удалось только Москве и Петербургу, основавшим у себя Комитеты грамотности⁵⁸.

Ввиду немногочисленности в «неуниверситетской» провинции социально активного слоя численность членов обществ была в большинстве своем невелика. Общества с тысячей и более членов являлись здесь редкостью; солидными считались организации, насчитывавшие пару сотен человек; преобладали общества, объединявшие несколько десятков членов. Так, численность женских благотворительных обществ, действовавших в губернских и уездных городах на рубеже XIX–XX вв., не превышала 300 человек, а количество членов столичных обществ данной категории, в особенности тех, что поддерживались членами императорской семьи, колебалось от 1500 до 3400 человек⁵⁹.

Провинциальные организации в свою очередь различались между собой и по так сказать «внутригубернскому рейтингу», определявшему степень их притягательности для местного населения. Так, Пензенское и Новгородское учительские общества включали в

1913 г. не более 10–11% учительства своих губерний, в Бессарабском обществе состояла примерно пятая часть учителей, тогда как Могилевское объединяло всю местную педагогическую корпорацию⁶⁰.

В то же время в условиях провинциальной России, где ритм общественной жизни не отличался особым накалом и напряженностью, культурно-просветительская миссия местной общественности по развитию образования, научных знаний, эстетической культуры и др. приобретала особую значимость. Добровольные общества способствовали также разрушению культурной обособленности российской провинции. Как вспоминал активный деятель просветительно-педагогического движения тех лет В.И. Чарнолуцкий: «В маленьких, глухих городах научные, географические или музыкальные общества, особенно те, которые вызывают деятельность более или менее обширного круга любителей, становятся маленькими центрами, своего рода звеном, связующим маленький городок с обширным миром»⁶¹.

Появившиеся в 1990-е – 2000-е гг. исследования общественных организаций отдельных российских регионов, губерний и губернских центров рубежа XIX–XX вв., в большей или меньшей степени удаленных от российских столиц⁶², опровергают бытовавший в литературе стереотипный взгляд на провинцию как на общество с невысокими стандартами быта и нравов, оторванное от основных путей развития национальной культуры. В основе своей социально-культурное бытие провинции и столиц мало отличалось: здесь протекала интенсивная духовная и интеллектуальная работа, формировался слой общественных деятелей, создавались условия для развития частной инициативы.

Общественность и развитие политической культуры

Доминирующие позиции самодержавия в социальной сфере, его патерналистское отношение к обществу обусловили сравнительно позднюю в сравнении со странами Западной Европы и США постановку в России проблемы гражданских свобод. На Западе права человека и гражданина начали получать законодательное закрепление в последней четверти XVIII столетия, сначала в Декларации прав американского штата Вирджиния 1776 г., затем во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г., являвшейся

основой европейского законодательства о правах человека. В России идеи конституционного устройства и гражданских свобод не были оформлены в законодательном порядке даже в начале XX столетия. Хотя общественная мысль напряженно работала над этими вопросами.

Известный теоретик российского либерализма Б. Н. Чичерин в одной из своих последних работ, выпущенных на заре XX в., признал генеральной задачей русской жизни, которую призван был разрешить наступающий век, завершение строительства «здания», воздвигнутого царем-реформатором Александром II. К установленной XIX веком гражданской свободе Чичерин завещал прибавить свободу политическую⁶³.

О допущении населения к управлению как назревшей потребности государственного и общественного развития страны писал в то время и отнюдь не либерально настроенный редактор и издатель «Нового времени» А. С. Суворин. Приветствуя новый век как «век возрождения» и освободительных реформ, Суворин относил к числу первостепенных нужд общества, которые государству требовалось удовлетворить немедленно, «нужду в свободе работы, всякого почина (читай – «общественной самодеятельности» – *А. Т.*), к которому влечет человеческая личность, стесненная целой массой формальностей и навязанных традиций». «Об этом давно взывают, и это всем нужно, – отмечал известный публицист, – начиная с мужика и кончая образованным человеком, техником, юристом, промышленником. Там, где есть эта свобода, и бюрократия работает лучше, прилежнее, производительнее. Она чувствует над собою общественный контроль и около себя свободную деятельность всего населения»⁶⁴.

Учение о свободах занимало одно из приоритетных мест в теории и практике российского либерализма начала XX в. Осуществление прав и свобод личности рассматривалось либералами как назревшая потребность развития страны, необходимая предпосылка и условие социального прогресса. Либералы видели в правах человека важную составляющую конституционного строя, предпосылку и условие политического и социального раскрепощения личности, трансформации традиционного сословного общества в гражданское, полицейского государства – в правовое⁶⁵.

Борьба за обретение прав и свобод личности являлась значимым направлением общественного движения рубежа XIX–XX вв.

Особый интерес представляют усилия российской общественности, нацеленные на получение свободы союзов. Свобода союзов являлась составной частью свободы личности. Она трактовалась как право российского населения на организацию обществ и союзов, определенное и охраняемое в законодательном порядке.

Превращение России в конституционную монархию с введением в конституцию декларации прав человека стало программным требованием либеральной оппозиции, объединившейся в начале XX в. вокруг «Союза освобождения» – предтечи кадетской партии, и было сформулировано в выработанном его лидерами П. Н. Милюковым, П. Б. Струве и др. в октябре 1904 г. проекте конституции⁶⁶. Эта проблема освещалась на страницах подцензурного заграничного «Освобождения», издаваемого П. Б. Струве. Приветствуя нового министра внутренних дел П. Д. Святополка-Мирского, провозгласившего «доброжелательность и доверие правительства к общественным и земским организациям»⁶⁷, «Освобождение» писало, что «ближайшей задачей министра, понимающего потребности государства и государственной власти, должно быть установление свободы слова, свободы печати и свободы союзов!»⁶⁸.

О последовательном проведении в жизнь политических свобод шла речь на положившем начало широкому обсуждению вопросов конституционного устройства в общественных кругах ноябрьском земском съезде 1904 г.⁶⁹ «С единодушием, поразительным для представителей дворянства и крупной земельной собственности, члены съезда наметили программу, в которой фигурируют все необходимые права: свобода печати, собраний, союзов, требование национальных прав, одним словом конституции», – писала о съезде иностранная печать и добавляла: «Что бы теперь ни сделали царь и князь Святополк-Мирский с этими реформами или с их мужественными инициаторами, один колоссальный шаг сделан: великая русская нация, в ожидании своей “Декларации прав” и своего “Bill of Rights” имеет уже свою “Петицию о правах”»⁷⁰.

Важной составной частью национальной кампании в поддержку конституционных идей явилась проходившая осенью 1904 г. серия банкетов, приуроченных к 40-летию судебной реформы 1864 г. Сочетание вкусной пищи и остроумных речей, зачастую радикальных по содержанию и резких по тону, поднимавших назревшие вопросы о конституции и правах личности, наделяло бан-

кеты большой притягательной силой в глазах организовывавшей их либеральной интеллигенции – врачей, адвокатов, литераторов, учителей и др.

На создании законодательных гарантий для беспрепятственного проявления общественной инициативы настаивали тогда многие легальные общества, считая такие гарантии залогом успешной работы в своих областях, – науке, сельском хозяйстве, медицине, просвещении и др. Требования конституции и гражданских свобод прозвучали на заседаниях Харьковского, Одесского и Курского юридических обществ, Московского общества сельского хозяйства, целого ряда просветительских и учительских организаций⁷¹. Петербургское педагогическое общество в собрании своих членов 28 ноября пришло к выводу, что «только тогда, когда каждому гражданину будут предоставлены неотъемлемые права свободной личности и когда современный государственный строй будет заменен новым строем, основанным на широко демократических конституционных началах, только тогда сможет правильно развиваться самое дорогое для нашего народа дело, дело народного просвещения»⁷².

Уступкой либеральной общественности, политические лозунги которой радикализировались в связи с событиями 9 января 1905 г., стали изданные 18 февраля 1905 г. рескрипт на имя нового министра внутренних дел А. Г. Булыгина о намерении императора привлечь «избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предложений», а также указ Сенату, легализовавший петиции на высочайшее имя. Указ возлагал на Совет министров обязанность рассмотрения поступающих от частных лиц и учреждений предложений, посвященных «общей пользе и нуждам государственным», бывших ранее с юридической точки зрения незаконными.

Ответ общества на «приглашение» к участию в обсуждении государственных вопросов превзошел самые смелые ожидания правительства. По всей стране прошли сотни митингов и собраний, на которых составлялись петиции к царю. Все они имели сходное содержание, утверждая, что никакая культурная работа невозможна без преобразования самодержавного строя в правовой и осуществления гражданских свобод. Известный историк и активный участник общественного движения А. А. Кизеветтер, характеризуя охватившую общество зимой 1904–1905 гг. «эпидемию резолюций», не

без иронии вспоминал, что остряки тогда стали поговаривать, что союз акушерок вынес резолюцию о невозможности принимать у рожениц детей при отсутствии конституции и свобод⁷³.

Следствием банкетной кампании с ее собраниями по профессиям, а также указа 18 февраля, создавшего условия для политической организации российского общества, явилось образование профессионально-политических союзов профессоров, адвокатов, журналистов, инженеров, учителей и др. Образуюсь явочным путем, они объединяли широкие слои населения под лозунгом обеспечения свободы союзов. Получив де-факто возможность самостоятельно решать многие вопросы повседневной жизни населения, общественность требовала признания своего права на самоорганизацию де-юре.

Эволюция правовой культуры российского общества

В мае 1905 г. А. С. Суворин написал в «Новом времени»: «Свобода требует законного порядка, уважения к самому себе и к ближнему. У нас очень мало того и другого, и нам еще предстоит длинный путь для создания граждан»⁷⁴. Так думали тогда многие представители российской общественности. И переходили от слов к делу, вносили свою лепту в воспитание граждан.

Большой вклад в формирование представлений российского образованного общества о правах и свободах личности внесли ученые-юристы. Ведущие правовые и общественно-политические издания времени первой русской революции были наполнены публикациями, в которых специалисты в области права разъясняли содержание прав человека и гражданина, оценивали русское законодательство и общественно-политическую жизнь с точки зрения возможностей для их осуществления. Лейтмотивом трудов ученых-правоведов служила мысль, высказанная еще в 1892 г. известным теоретиком государственного права Н. М. Коркуновым: «В настоящее время нет вопроса более настоящего, более неотложного, требующего реформы, как вопрос об обеспечении за русским обществом прав гражданской свободы»⁷⁵.

Дарование свободы союзов признавалось теоретиками государства и права назревшей потребностью общественного развития страны. Известный правовед Н. И. Лазаревский в опубликованной

в январе 1905 г. в юридической газете «Право» статье «Бюрократия и общество» (термин «бюрократия» использовался тогда как синоним «самодержавия») признавал мощный всплеск общественной самодеятельности, охвативший страну накануне первой русской революции, закономерным итогом развития общественной жизни начиная со времени Великих реформ 60–70-х гг. XIX в., ставившей перед властью все более сложные задачи, которые последняя не могла решать испытанными методами, держа общество в «ежовых рукавицах». У самодержавия, по мнению Лазаревского, не оставалось иного выхода, как привлекать общественные силы. Однако, учитывая привычку российского монарха властвовать безраздельно, ученый прогнозировал, что общественность будет терпима им лишь на второстепенных и подчиненных ролях. Обращение к обществу за содействием в вопросах государственного управления делало власть, по наблюдениям Лазаревского, более открытой, вынуждало ее «прислушиваться к голосу общественного мнения, печати..., прибегать к гласности как к необходимой гарантии законности и целесообразности управления». Не проходило оно бесследно и для общества, способствуя развитию самосознания и росту заинтересованности «в увеличении свобод»⁷⁶.

Тезис Н. И. Лазаревского о воспитании власти и общества в конституционном духе получил развитие в статье профессора права Московского университета В. М. Хвостова, опубликованной в «Московском еженедельнике» в марте 1906 г. «Представляется совершенно бесспорным, – писал Хвостов, – что без свободы собраний и союзов невозможно правильное развитие народной жизни и осуществление принципов конституционного государства. Законодательство, не открывающее достаточного простора ассоциациям граждан, отсекает основной нерв самодеятельности населения во всех областях политической, духовной и экономической жизни... Чем меньше государство берет на себя непосредственно экономических и научных предприятий, тем лучше для дела. И самая свобода граждан в достаточной степени может быть ограждена только в таком государстве, где граждане привыкли полагаться на себя и на свои силы, а не ожидать всего от попечительных забот государственной власти. Самодеятельность граждан есть лучший оплот против того зла, которое разъедает современные государства, именно против бюрократии или всевластия чиновников...»⁷⁷.

Указывали государствоведы и на значимые последствия осуществления гражданских свобод, такие, как придание законности государственному управлению, обеспечение контроля общества над деятельностью государственных органов и ходом законодательных работ, проведением парламентских выборов⁷⁸. Отмечалось также большое воспитательное влияние союзов на формирование ответственности, на обращение подданных, не обладавших правом участия в делах управления государством, в полноправных граждан. А. К. Дживелегов в опубликованной в 1906 г. брошюре «Права и обязанности граждан в правовом государстве» сравнивал союзы и собрания со школой, обучавшей государственной работе, в которой «гражданин культурного государства привыкает к общественной арене», причащается отстаивать свои права⁷⁹.

Признавая общественную самодеятельность важным фактором обновления общественного и государственного строя, отечественными правоведами В. М. Гессеном, В. М. Хвостовым, В. В. Ивановским, В. Ф. Дерюжинским, С. А. Котляревским, Н. П. Ануфриевым, А. И. Елистратовым и др. была создана солидная теоретическая база для закрепления за русской публикой права образования обществ и союзов.

Полноту обеспечения свободы союзов правоведы связывали с демократичностью политического режима, установленного в государстве, с тем, «насколько легко или трудно для данного правительства приостановить конституционные гарантии, ввести военное положение, получить исключительные полномочия, при которых эта свобода всегда весьма ограничивается». Большое значение придавалось также уровню правового и политического сознания общества, степени проникновения в население потребности общаться друг с другом, образовывать ассоциации⁸⁰.

Принималось во внимание правосознание правящих сил, осознание ими необходимости обеспечения за населением права на объединение. Если довериться суждениям современников, у России времени первой русской революции было здесь немного перспектив. Политические деятели в большинстве своем обвиняли российское правительство в недостатке у него гражданского мужества для признания неотвратимости правового реформирования российской государственности. Наиболее ярко указанную мысль выразил П. Б. Струве, признав характерными чертами правового сознания российского общества органический рост конституционной идеи у

населения и в то же время растущее упорство, с которым правящие силы не желали этого замечать. «Юридически, или в праве, – отмечал Струве, – русская конституция, несомненно, существует, потому что она вписана в Манифест 17 октября и в Основные законы. Но, с другой стороны, в правосознании фактически властвующих, правящих сил в России конституции еще не существует... Таков сложный рисунок нашей политической действительности: конституция существует в праве (законе) и отсутствует в правосознании правящих»⁸¹.

Осуществление свободы союзов связывалось представителями правовой науки с утверждением правового государства, признающего за гражданами определенную сумму прав, ограничиваемых лишь по суду, с такой стадией его развития, «когда власть начинает смелее и тверже опираться на общество, когда, благодаря участию самих граждан в законодательстве, суде и управлении, государство органически, по самому своему строению, сближается с обществом»⁸². «В абсолютной монархии возникают и складываются отдельные категории субъективных публичных прав. Однако они – уже в силу надзаконного характера правительственной власти – по необходимости лишены и достаточной определенности и твердых гарантий... Только в правовом государстве права находят свое основание в законе, равно обязательном и для подвластных, и для власти», – писал В. М. Гессен⁸³. «Об индивидуальной свободе можно говорить только там, где государственный порядок основан на праве, и вмешательство государства в сферу индивидуальной свободы каждого допущено лишь настолько, насколько это необходимо для обеспечения свободы всех», – полагал другой теоретик права Ю. С. Гамбаров⁸⁴.

Принимался во внимание европейский опыт осуществления свободы союзов. Делая экскурс в историю борьбы за права и свободы граждан в Западной Европе, правоведы указывали на позднее появление законов о свободе союзов в законодательстве Франции и Германии. Закон о свободе ассоциаций был издан во Франции лишь 1 июля 1901 г. Единый общегерманский закон о союзах появился в 1908 г.

В недоверии к союзам правительств этих стран правоведы усматривали рецидивы авторитарного стиля правления, присущих ему диктату государства, пассивности общества, неразвитости правосознания населения и властвующих. «Грубый след веками по-

давленной гражданственности» и «полицейской опеки» формировал, по их выражению, «гнетущее чувство взаимного недоверия, подозрения, инстинктивное ощущение непримиримой розни правительств и населения»⁸⁵.

Причины предвзятого отношения государства к общественным формированиям выводились также из сходства юридической природы государства и союзов, предшествовавших государству, которое впоследствии взяло на себя их функции, поддерживавших деятельность государства и заменявших его в эпохи слабого развития государственности, свидетельством чему явилось широкое развитие корпоративной жизни в средние века. По утверждению авторитетного представителя немецкого государственного права Г. Еллинека, тезис о борьбе общества с государством доказывал применительно к союзам свою справедливость, поскольку здесь одна организация сталкивалась с другой⁸⁶.

Диалектическую взаимозависимость между государством и союзами проводил С. А. Котляревский. Он утверждал, что государство, будучи само социальной организацией и своеобразным союзом, «подготавливает навыки, полезные и даже необходимые для развития... многочисленных союзов», такие, как способность к самоорганизации и дисциплине, а союзы «фактически ограничивают единовластие государства», «отнимают у него часть влияния и повиновения». «Нельзя служить двум господам – между ними должна идти борьба за власть, за веками накопленные склонности автоматического повиновения». Общественное движение за право самоорганизации социума трактовалось им как особенность современного «цивилизованного» этапа развития общества, «энергия и предприимчивость» которого могли проявляться более непринужденно в ассоциациях, созданных для осуществления различных материальных и культурных интересов. Свобода ассоциаций выступала в данной схеме как «почва, на которой могли бы примириться все растущие требования государства, которые оно предъявляет к индивидууму, и все растущее у последнего сознание своих прав» как средство преодоления «беззащитности отдельного гражданина перед лицом всемогущего государства»⁸⁷.

Признавая модель взаимоотношений государства и общественных организаций, сложившуюся в условиях авторитарного политического режима, правоведы видели свою задачу в выработке новых принципов этих отношений, полнее соответст-

вующих идеалам правового государства и демократии. Воспроизведем основные положения государственно-правовой концепции. Правоведы считали, что правительственная политика, построенная на опеке над обществом, потеряла всякий смысл. Рост здоровой государственности немислим без свободного развития общественной самодетельности. Следует предоставить общественным силам широкий простор для их проявления в тех областях, в которых их деятельность была наиболее перспективна. Основным принципом государственной политики должно было стать содействие развитию обществ, признание за населением права свободного их образования и создание гарантий для его всестороннего осуществления, а также строгое соблюдение государством обязательства о не вторжении в заповедную область гражданской свободы⁸⁸.

Выводилась следующая формула отношения государства к общественным образованиям: «Не стесняя их образования и деятельности..., не отказываясь от известного контроля над ними..., который обеспечивал бы возможность предупреждения и преследования опасных для общественного порядка проявлений их деятельности»⁸⁹. Однако контроль ни при каких условиях не должен был, по их мнению, превращаться в опеку – признак ярко выраженного недоверия власти к общественным силам.

Формула разумного компромисса государственного и общественного интересов была предложена В. М. Хвостовым. Правовед рекомендовал, во-первых, создать гарантии для рассмотрения дел об общественных организациях на основании норм права, а не произвольного усмотрения администрации. Такими гарантиями должны были служить точные и ясные формулировки закона, не оставлявшие шанса для свободного его толкования, передача надзора за общественными организациями в компетенцию независимого суда, призванного руководствоваться в своих решениях законом. Во-вторых, им предлагалось установить явочный порядок образования союзов; в-третьих, осуществлять меры принуждения по отношению к общественным организациям только в случае обнаружения в их деятельности обозначенных в законе преступных целей⁹⁰.

Близкие В. М. Хвостову принципы государственной политики по отношению к общественным организациям были сформулированы либеральным правоведом В. Д. Набоковым в газете «День». Набоков предлагал предоставить обществам право образовываться без разрешения администрации, определить четкие законодатель-

ные границы, в которых не допускалась общественная самодеятельность, и, наконец, предоставить право закрытия обществ и союзов только независимому и беспристрастному суду⁹¹.

Большое внимание в работах российских правоведов начала XX в. уделялось анализу конкретного юридического содержания свободы союзов, различных типов регламентации деятельности общественных организаций, сложившихся в развитых европейских странах. Выявляя закономерности законодательного регулирования организованной общественности в государствах с различными формами правления, они сопоставляли их с моделью отношений власти и общественных организаций, существовавшей в России, давали «рецепты» организации легальной общественной самодеятельности в условиях авторитарного политического режима, приемлемого соотношения свободы общественной инициативы и государственного принуждения. При этом наибольшее внимание уделялось анализу законодательной традиции, сложившейся в Англии, Франции и Германии. Опыт этих развитых европейских государств считался наиболее показательным для понимания сущности свободы союзов и эволюции отношения к ней государства в условиях смены форм правлений и политических режимов.

Наиболее прогрессивным признавалось обеспечение свободы союзов в Англии. Свобода союзов получила там широкое развитие, несмотря на отсутствие закона, который бы нормировал ее. Право образовывать ассоциации считалось в Англии одним из проявлений личной свободы, нарушение которой наказывалось в общем порядке.

В Германии свобода союзов была установлена законодательным путем в 1848 г., в Декларации прав Франкфуртского сейма, а затем и в конституциях отдельных германских государств. Разрозненные законодательные положения о союзах отдельных немецких государств были объединены воедино изданным 19 апреля 1908 г. общегерманским законом. Эти законодательные акты признали за всеми германскими подданными право образования союзов без особых ограничений (предварительного разрешения правительства и т. п.). В то же время германское законодательство различало союзы не политического и политического плана, подвергая последние регламентации: от них требовалась заявка на учреждение, их уставы и списки членов сообщались администрации, женщинам и учащимся запрещалось входить в их состав и принимать участие в заседаниях и т. д.

Во Франции свобода союзов была введена законом от 1 июля 1901 г. Он отменил прежнее достаточно строгое законодательство об ассоциациях, основывавшееся на получении разрешения администрации на их создание и закрытии их исполнительной властью без указания мотивов и права обжалования. По новому закону общественные организации могли создаваться свободно, без особого разрешения правительства и даже без предварительного заявления. Заявление признавалось необходимым для организаций, желающих получить юридическую правоспособность. Предварительное разрешение требовалось для так называемых общественно-полезных объединений, наделявшихся более широкими правами⁹².

Среди отечественных правоведов не существовало единого мнения насчет того, опыт какого государства России следовало перенять при составлении своего закона о свободе союзов. Профессор государственного права М. М. Ковалевский выражал надежду, что Россия «решит вопрос о праве союзов в таком же либеральном духе, в каком решают его Англия и Германия», где общественные организации образовывались свободно, без предварительного разрешения правительства. Наиболее же отсталым Ковалевский считал французский закон о союзах⁹³.

В. Г. Матвеев, проводивший сравнительный анализ исторического развития регламентации права союзов в Западной Европе и России в посвященном этому вопросу спецкурсе, читаемом в Санкт-Петербургском университете, выступал противником нетворческого заимствования Россией иностранных юридических норм, хотя бы даже самых прогрессивных. По его убеждению, такие публично-правовые институты как союзы были настолько тесно связаны с политической жизнью страны, что та или иная их постановка в большей степени зависела «не от буквы закона, а от общих политических условий». Наименее подходящими для прямого заимствования в России Матвеев считал нормы английского права, являвшиеся продуктом многовекового исторического процесса, уважения органов исполнительной власти к законности, осознания ими своей ответственности перед судом за превышение власти. Россия, на его взгляд, развивалась в ином правовом поле: власть исполнительная фактически оказывалась здесь независимой от власти судебной, играла в государстве первостепенную роль, а административные органы больше обнаруживали склонности руководствоваться видами правительства, чем велениями закона⁹⁴.

При выборе вида юридического обеспечения свободы союзов юристы предлагали учитывать конкретные условия государства – действующую в нем форму правления и политический режим, уровень правосознания населения и правящего слоя, сложившиеся исторические традиции регламентации права союзов⁹⁵.

Правоведы дискутировали по поводу того, ведению каких органов – исполнительных или судебных – следует предоставить право прекращения действий общественных организаций. Желательным признавался судебный порядок как дающий наибольшие гарантии обеспечения прав организаций и входивших в них граждан и принятый в большинстве стран – Англии, Франции, Италии, Испании, Бельгии и др. Только суд способен был, по их мнению, обеспечить в процессуальном порядке защиту свободы союзов. Полномочия административных органов должны были ограничиваться приостановлением действий обществ и союзов до приговора суда. Защита прав членов обществ от нарушений их администрацией обеспечивалась институтом административной юстиции и особым административных судов⁹⁶.

Теоретические и практические аспекты реализации в России свободы союзов привлекали внимание не только ученых-юристов, но и политических деятелей. Свое понимание содержания свободы союзов, условий и гарантий ее соблюдения давали многие политические силы. Они признавали необходимость предоставления российским подданным права на создание объединений.

Лидеры «Объединенного дворянства» – объединения правомонархически настроенных представителей поместного землевладения, созданного в мае 1906 г. – утверждали, что изданный в марте 1906 г. закон о свободе союзов дал дворянству возможность «заговорить иным языком и предъявить свои политические права на историческое служение государству»⁹⁷. Между тем, по мнению правых, право на объединение следовало предоставлять лишь избранному политически благонамеренным слоям российского общества. Серьезной политической ошибкой правые считали дарование этой свободы «инородцам», в особенности народностям, «недружественным русскому народу и не способным поддерживать национальную русскую государственность»⁹⁸.

Определяя содержание права на ассоциирование, политические деятели правого лагеря, прежде всего, монархисты, исходили из вторичности политических прав граждан и первичности политиче-

ских обязанностей. «Русские подданные имеют нечто большее, чем права политические, они имеют политические обязанности. Каждый из русских подданных обязан стоять на защите прав Верховной Власти и заботиться о пользах государства... Вот наша конституция. Она вся без параграфов содержится в краткой формуле нашей государственной присяги на верность. Вот наши политические гарантии», – писал известный правый публицист М. Н. Катков⁹⁹.

Утверждая, что права даются российским подданным для исполнения обязанностей, монархисты призывали определять объем и содержание этих прав в зависимости от того, в какой мере они способствовали осуществлению обязанностей, составляющих священный долг верноподданных российского императора, в частности первой из них – служить упрочению основ самодержавного строя. Поскольку же гражданские свободы, возведенные Манифестом 17 октября, укреплению самодержавия, по их мнению, не способствовали, а только расшатывали его, они признавались вредными для населения страны.

Связывая умеренные гражданские реформы с наличием «крепкой власти, почти диктатуры», и не видя подобной крепости и авторитета у русского правительства, лидеры правых, сначала в мягкой и осторожной форме, а затем все более резко не выражали оптимизма относительно «хорошей политики, отождествляемой с осуществлением разных свобод». «Свобода печати в первое время представляла какую-то вакханалию подрыва власти и революционизирования России, – отмечал Л. А. Тихомиров в 1913 г., – свобода союзов пошла прямо к подготовке революции, что было особенно ясно по союзам, именуемым профессиональными, и по всем обществам, где влияние получали конституционалисты-демократы». В целях оказания противодействия силам, враждебным самодержавию, и укрепления авторитета правительства Тихомиров предлагал предоставить свободу образования союзам в привилегию доказавших свою верность режиму правых сил¹⁰⁰.

Несвоевременность предоставления населению страны прав и свобод объяснялась правыми также общей неподготовленностью россиян к обладанию ими. П. Н. Дурново – министр внутренних дел в правительстве С. Ю. Витте и лидер правой группы Государственного совета в 1906–1915 гг. – был убежден в бессмысленности конституционных реформ ввиду отсутствия широкой социальной опоры для их восприятия. Основная масса населения, придавленная

материальными трудностями и хронической нуждой, была, по его мнению, в политическом плане малоразвитой. «Русский простолюдин, крестьянин и рабочий, – утверждал Дурново, – одинаково не ищет политических прав, ему и ненужных, и непонятных. Крестьянин мечтает о даровом наделении его чужою землей, рабочий – о передаче ему всего капитала и прибылей фабриканта, и дальше этого их вождения не идут». Любые политические уступки не могли, по мнению правомонархически настроенного сановника, в российских условиях иметь иных последствий, кроме как создание «благоприятной почвы» для социальной революции¹⁰¹.

Мысль о неготовности России к свободе была одним из наиболее расхожих тезисов правых. «В современной зараженной бунтом атмосфере любая культурная инициатива примет революционный характер; правительство должно быть дальновидно и не допускать общественной самодеятельности»¹⁰², – утверждал идеолог Всероссийского национального союза М. О. Меньшиков.

Власть и общество, по мнению правых, находились между собой в состоянии боевых действий, в условиях которых правительству следовало действовать предельно жестко, не щадя общественных начинаний, в большинстве своем враждебных существующему режиму, уничтожая их на корню и заводя на их месте новые лояльные власти. Смысл «хорошей» политики виделся им в том, чтобы правительство не прислушивалось к общественному мнению – «многоголосице различных и, порой, разнополярных чаяний и требований различных групп населения», а само «угадало органический запрос жизни и указало его народу». «Только тогда, – утверждали правые, – снова просветлеет народная душа, воскреснет ее сила, явится общественное мнение и закипит дружная национальная работа»¹⁰³.

Представители либерального направления общественно-политической мысли, в недрах которого вызревало представление о свободе личности, оценивали условия для реализации прав и свобод на российской политико-правовой почве также критически. Главное препятствие для осуществления в России свободы союзов либералы усматривали в недальновидности самодержавного режима, не способного учесть требования времени и вывести общество из состояния унижительной для него опеки.

Либералы критиковали самодержавие за его неспособность признать здоровый потенциал, заложенный в добровольной само-

деятельности общества, и создать условия для ее развития. «Бюрократия упорно не выпускает общество из-под своей опеки, и приходится с грустью констатировать, что чем дальше, тем эта опека делается все строже и назойливее... Но не пора ли задуматься над вопросом, не потерял ли весь этот курс логический смысл существования и не настало ли время для его изменения? Ведь рост здоровой государственности немислим вне свободного развития общественной самодеятельности. Общественным силам должен быть дан широкий простор для их проявления в тех областях, в которых их деятельность наиболее приложима, и нет ничего ошибочнее, как не давать им хода, загонять их в подполье», – писал в канун Первой мировой войны печатный орган партии октябристов «Голос Москвы»¹⁰⁴. «Первой задачей мудрой политики Правительства было оживление и оздоровление общества. Правительство должно было дорожить... всяким проявлением общественной самодеятельности, всякой общей работой на общую пользу... Вместо этого Правительство пользовалось всяким предлогом, чтобы вести борьбу с общественной самодеятельностью, как таковой», – указывал в парламентском выступлении В. А. Маклаков¹⁰⁵.

Одним из основных требований демократии признавали свободу союзов силы, находившиеся на левом фланге партийного спектра России – социал-демократы. Выступая с лозунгом полного народовластия, они понимали свободу союзов как ничем не ограниченное право граждан свободно объединяться ради достижения политических, культурных и иных целей¹⁰⁶.

Свободу союзов социалисты рассматривали преимущественно с точки зрения возможностей, которые она давала для подготовки пролетарской революции. Оценивая способность царского правительства к воплощению в жизнь указанной свободы, социал-демократы акцентировали внимание на классовой природе его политики и враждебности ее организациям демократического характера. Так, являвшаяся рупором настроений ленинского направления российских марксистов, газета «Пролетарская правда» утверждала, что в условиях самодержавного строя «легко и привольно жилось лишь “союзам” “истинно-русских” да обществам объединенных дворян, для обществ же демократических вообще и рабочих в частности... были заготовлены тысячи бичей и скорпионов»¹⁰⁷. Негативная оценка действий правительства совмещалась у левых с критикой либеральной общественности, «бессильно взды-

хавшей о правах и питавшей бессмысленные надежды на способность существующего режима к реформированию»¹⁰⁸.

* * *

Государственно-правовые идеи имели не только чисто научное, но и значимое практическое значение, детерминируя поведение и бюрократов и оппозиции. Первым и единственным в дореволюционный период правовым актом, регулировавшим образование и деятельность общественных организаций, явились изданные в разгар первой русской революции «Временные правила об обществах и союзах» 4 марта 1906 г. В них были собраны воедино, систематизированы и модернизированы с учетом европейского опыта и российских реалий существующие в отечественном законодательстве юридические нормы, касавшиеся общественных организаций, созданы правовые гарантии для их закономерной деятельности.

Противоречия в тексте «Временных правил об обществах и союзах» 4 марта 1906 г. обратили на себя внимание правоведов, признавших главную новеллу указанного правового акта – замену концессионного (разрешительного) порядка образования обществ явочным, согласно которому общества и союзы могли создаваться без разрешения правительственной власти – декларацией, не имеющей ничего общего с реальным положением дел. «Явочный порядок превращается в концессионный, если заявление может встретить «отказ в удовлетворении», а устав – отказ в регистрации», – указывали на двусмысленность «Временных правил» юристы. Образование обществ и союзов было обставлено множеством ограничений, создававших возможности для произвола административной власти.

Сравнение с ситуацией в Европе было также не в пользу России. Отмечалось, что во всем современном западноевропейском праве, за исключением австрийского, учреждениям, принимающим решение об открытии обществ, не предоставлялась возможность отказывать в регистрации. Власти имели право лишь на последующее закрытие общества в случае противозаконного характера его действий. Судебный порядок, как дающий наибольшие гарантии соблюдения прав граждан, был принят в Англии, Франции, Италии, Испании, Бельгии и признавался в ученой среде наиболее желательным для России.

Критические нападки российских ученых, общественных и политических деятелей начала XX в. на отечественное законодательство об общественных организациях были вызваны прежде всего, тем, что оно не дотягивало до западного стандарта правового регулирования деятельности обществ и союзов. Очевидно, что представители ученой и политической элит того времени всерьез рассматривали возможность создания в России гражданского общества по типу и подобию западноевропейского. Вину же за отсутствие в российских законах ряда передовых норм, присущих аналогичным европейским актам, они возлагали на правительственных чиновников, косных и противившихся прогрессу.

Ограниченность российской «свободы союзов» объяснялась, на наш взгляд, целым рядом причин, в цепи которых консерватизм российской бюрократии играл отнюдь не главную роль. В дореволюционной России отсутствовали многие предпосылки, стимулировавшие развитие гражданского общества на Западе. Так, здесь не было развитого в понимании западного человека среднего класса, являвшегося в европейских странах носителем идей буржуазной общественности. Российская политико-правовая жизнь не основывалась на примате гражданских прав, уважении к закону, к неприкосновенности личности и частной собственности, к ответственности администрации перед судом. Недостаточно высокий уровень правовой и политической культуры российской общественности препятствовал формированию культуры социальной самоорганизации.

Слабость среднего класса и отсталость политической жизни компенсировались всемогуществом государства и бюрократии, которые выступали в России проводниками модернизационных идей. В этом заключалась одновременно сила и слабость российской модернизации. С одной стороны, наличие твердой и авторитетной в глазах народа государственной власти придавало модернизационному процессу контролируемый характер, а с другой, тормозило его, делало до крайности противоречивым, порождало диспропорции российской модернизации.

Стремление царизма к сохранению патерналистского отношения к обществам не позволяло ему обрести в их лице действенного партнера. Приоритет патерналистских методов управления перед правовыми сдерживал развитие гражданского общества, приводил к конфронтации власти и общественности, искажал вектор модернизационного процесса, обуславливая в конечном итоге его протек-

кание по наиболее радикальному варианту и сползание страны в революцию.

Перечисленные факторы препятствовали складыванию в России европейских образцов общественных институтов, существенно затруднили и замедлили процесс формирования гражданского общества, так и не завершившийся в дореволюционный период и прерванный в советское время.

¹ Материалы Особого совещания по унификации нормальных уставов обществ (1904 г.): Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 187. 1905. Д. 61 (б). Л. 81.

² *Толстой И. И.* Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С. 229–285.

³ О типологии обществ и направлениях их деятельности см. более подробно: *Туманова А. С.* Добровольные организации и общественность города Москвы в начале XX в. // *Россия XXI*. 2005. № 1. С. 96–121.

⁴ *Токвиль А.* Демократия в Америке. М., 1992. С. 381.

⁵ *Коэн Дж., Арато Э.* Гражданское общество и политическая теория. М., 2003. С. 7–8.

⁶ *Геллнер Э.* Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М., 2004. С. 216.

⁷ Термин «общественность» широко используется в современных обществоведческих исследованиях. В России начала XX в. он обозначал «образованное общество», а зачастую и общественную сферу в целом, подразумевал «чувство общественного долга и гражданского духа, особенно в городском контексте, и группы, обладающими этими ценностями»; «деятельность на благо общества в большей степени, чем деятельность для достижения личных целей» (*Bradley J.* Voluntary associations, civic culture and obchestvennost' in Moscow // *Clowes E. W.* et al. (eds.). *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia*. Princeton, 1991. P. 131). По мнению немецкого ученого М. Хильдермайера, «общественность» обозначает «самостоятельно развивающуюся, публичную, не требующую самоотверженности (очевидно, радикальной политической активности – *A. T.*), но и не эгоистическую деятельность в самых различных объединениях, без которой невозможно гражданское общество» (*Хильдермайер М.* Общество и общественность на закате царской империи. Некоторые размышления о новых проблемах и методах // *Страницы российской истории. Проблемы, события, люди. Сборник статей в честь Бориса Васильевича Ананьича*. СПб., 2003. С. 218). Авторам вышедшего в 1991 г. сборника (*Clowes E. W., Kassow S.D., West J.L.* (eds.). *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia*. Princeton, 1991), давшего импульс к употреблению этого понятия, термин «общественность» представляется идеологически нейтральной категорией, полу-эквивалентом понятий среднее сословие и буржуазия, употребляется для определения готовности действовать ради всеобщего блага и прогресса.

⁸ *Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). С. 469.

⁹ *Raeff M.* The Empress and the Vinerian Professor // *Oxford Slavonic Papers. New Series*. 1974. Vol. VII. P. 37–38.

¹⁰ Цит. по: *Гросул В. Я.* Русское общество XVIII–XIX веков: Традиции и новации. М., 2003. С. 12–21, 32.

- 11 Там же. С. 56.
- 12 *Омельченко О. А.* «Законная монархия» Екатерины II. Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 239–254.
- 13 *Гудман Д.* Социальные связи и формы общения // Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. В. Ферроне и Д. Роша. М., 2003. С. 261.
- 14 *Гросул В.Я.* Указ. соч. С. 90.
- 15 *Завьялова Л. В.* Петербургский Английский клуб. 1770–1918: Очерки истории. СПб., 2005. С. 7–8.
- 16 Там же. С. 14–17.
- 17 Там же. С. 4, 10.
- 18 *Буторов А. В.* Московский Английский клуб: Страницы истории. М., 1999; *Куприянов А. И.* Московский Английский клуб: Очерк истории досуга московской элиты конца XVIII – начала XX вв. // Чтения по истории русской культуры. М., 2000. С. 249–285.
- 19 Цит. по: *Степанский А. Д.* История общественных организаций дореволюционной России. М., 1979. С. 8.
- 20 *Гросул В. Я.* Указ. соч. С. 95.
- 21 *Орешкин В. В.* Вольное экономическое общество в России (1765–1917 гг.): Историко-экономический очерк. М., 1963.
- 22 *Клейменова Р. Н.* Общество любителей российской словесности. 1811–1930. М., 2002. С. 6–7; *Аронсон М., Рейсер С.* Литературные кружки и салоны. СПб., 2001. С. 20.
- 23 *Гросул В. Я.* Указ. соч. С. 176–181; *Степанский А. Д.* История общественных организаций дореволюционной России. М., 1979. С. 10–11.
- 24 *Ливищ С. Ю.* Московское общество испытателей природы за 135 лет существования (1805–1940).
- 25 *Линденмейер А.* Добровольные благотворительные общества в эпоху Великих реформ // Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992. С. 286.
- 26 *Иванов А. Е.* Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004. С. 103–104.
- 27 *Ануфриев Н. П.* Правительственная регламентация образования частных обществ в России // Вопросы административного права. Кн. 1. М., 1916. С. 24.
- 28 *Аронсон М., Рейсер С.* Указ. соч. С. 336.
- 29 *Knight N.* Science, Empire and Nationality: Ethnography in the Russian Geographical Society, 1845–1855 // *Imperial Russia: New Histories for the Empire / Ed. by J. Burbank and D. Ransel.* Bloomington, Indiana: Indiana University Press, 1998. P. 132.
- 30 *Пахман С.* О значении и постепенном учреждении сельскохозяйственных обществ в России. Казань, 1855. С. 10; *Фридман М.* Общества сельских хозяев в деревне. М., 1903.
- 31 *Лейберов И. П., Марголис Ю. Д., Юрковский Н. К.* Традиции демократии и либерализма в России // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 10.
- 32 *Тыркова-Вильямс А.* Воспоминания. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 240.
- 33 *Бастракова М. С., Павлова Г. Е.* Наука: «ученые средства» и «ученые силы» // Очерки русской культуры XIX века. Т. 3. М., 2001. С. 293.
- 34 *Бастракова М. С., Павлова Г. Е.* Наука: власть и общество // Очерки русской культуры XIX века. Т. 2. М., 2000. С. 384.
- 35 *Бастракова М.С., Павлова Г.Е.* Наука: «ученые средства» и «ученые силы»... С. 294.

- ³⁶ *Каблуков Н. В* Московском юридическом обществе // Сергей Андреевич Муромцев. Сборник статей. М., 1911. С. 123, 140. См. также: *Томсинов В. А.* Правовая культура // *Очерки русской культуры XIX века*. Т. 2. М., 2000. С. 140–141.
- ³⁷ *Каблуков Н.* Указ. соч. С. 117.
- ³⁸ *Бастракова М.С., Павлова Г.Е.* Наука: «ученые средства» и «ученые силы»... С. 294–295; *Ковригина В. А.* Здравоохранение // *Очерки русской культуры XIX века*. Т. 2. М., 2000. С. 457–458. См. также: *Радулович В. И.* Очерк истории русских медицинских обществ, их цель, значение и взаимная связь. Орел, 1890; *Нейдинг И.* Медицинские общества в России. М., 1897. С. VI.
- ³⁹ *Стрекопытов С. П.* История научно-технических учреждений в России (вторая половина XIX–XX вв.). М., 2002. С. 94–96, 115–116; *Кошман Л. В.* Профессиональное образование С. 225–229 // *Очерки русской культуры XIX века*. Т. 3. Культурный потенциал общества. М., 2001.
- ⁴⁰ *Бредли Дж.* Наука в городе: Основание Московского политехнического музея // *Россия XXI*. 2005. № 2. С. 127.
- ⁴¹ *Михайлова М. В.* Общественные педагогические и просветительные организации дореволюционной России (середина XIX – начало XX вв.). М., 1993. С. 8–12.
- ⁴² *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М., 2004. С. 108.
- ⁴³ *Степанский А. Д.* К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // *Археографический ежегодник за 1974 г.* М., 1975. С. 38–55; *Гросул В. Я.* Указ. соч. С. 385–392.
- ⁴⁴ *Радулович В. И.* Очерк истории русских медицинских обществ, их цель, значение и взаимная связь. Орел, 1890. С.23, 28.
- ⁴⁵ *Маклаков В. А.* Власть и общественность на закате старой России. Париж, 1928. Ч. 1. С. 127, 129.
- ⁴⁶ *Тыркова-Вильямс А.* Воспоминания. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 239.
- ⁴⁷ *Гросул В. Я.* Указ. соч. С. 444–445.
- ⁴⁸ *Гросул В. Я.* Указ. соч. С. 443, 469–470.
- ⁴⁹ *Михайлова М. В.* Общественные педагогические и просветительные организации дореволюционной России (середина XIX – начало XX вв.). М., 1993. С. 16.
- ⁵⁰ *Нейдинг И.* Медицинские общества в России. М., 1897. С. VI.
- ⁵¹ *Степанский А. Д.* Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX–XX вв. М., 1980. С. 28.
- ⁵² *Степанский А. Д.* Общественные организации в России на рубеже XIX–XX веков. М., 1982. С. 5–6.
- ⁵³ Для сравнения: в Мюнхене существовали в середине XIX в. 150, к началу XX в. 3000 объединений, в Австрии в 1856 г. 2234, в 1910 г. 85000 объединений (*Хэфнер Л.* «Храм праздности»: ассоциации и клубы городских элит в России (На материалах Казани. 1860–1914 гг.) // *Очерки городского быта дореволюционного Поволжья / А. Н. Зорин, Н. В. Зорин, А. П. Каплуновский и др.* Ульяновск, 2000. С. 481).
- ⁵⁴ См.: *Соболева О. Ю.* Региональные легальные общественные организации на рубеже XIX–XX вв. (1890–1914) (на материалах Костромской и Ярославской губерний). Дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 1993. С. 3–4; *Хаченья А. Л.* Общественные организации Нижнего Поволжья на рубеже XIX–XX веков. Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 1999. С. 4–5; *Туманова А. С.* Общественные организации города Тамбова на рубеже XIX–XX веков. Тамбов, 1999. С. 5.

- 55 Туманова А. С. Сельскохозяйственные общества Тамбовской губернии на рубеже XIX–XX столетий // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму. Тамбов, 1998. Вып. 2. С. 39–52.
- 56 Соболева С. Ю. Указ. соч.
- 57 Кошман Л. В. Город в общественно-культурной жизни // Очерки русской культуры XIX века. М., 1998. Т. 1. С. 63–64; Мезин С. А., Ступина А. С. Старый Саратов в воспоминаниях деятелей культуры. Саратов, 2005. С. 27–28.
- 58 Михайлова М. В. Общественные педагогические и просветительные организации дореволюционной России (середина XIX – начало XX вв.). М., 1993. С. 8–9.
- 59 Пащенко С. В. Деятельность женских благотворительных обществ России в конце XIX – начале XX века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. С. 80.
- 60 Михайлова М. В. Указ. соч. С. 115.
- 61 Чарнолуцкий В. И. Частная инициатива в деле народного образования. СПб., 1910. С. 2.
- 62 Об общественных организациях провинциальных городов см.: Пирогова Е. П. Научно-краеведческие общества Пермской губернии в пореформенный период: Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1989; Соболева О. Ю. Указ. соч.; Чепелева И. Д. Участие научно-краеведческих обществ в общественно-политической жизни России в конце XIX – начале XX вв. (на материалах Воронежской, Курской и Тамбовской губерний). Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1993; Хаченьян А. Л. Указ. соч.; Косихина И. Г. Общественно-культурные организации Курской губернии в 60-е гг. XIX в. – феврале 1917 г. Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1999; Туманова А. С. Общественные организации города Тамбова на рубеже XIX–XX веков. Тамбов, 1999; Дегальцева Е. А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917 гг.). Барнаул, 2002; Котляр Н. В. Российские общественные организации Дальнего Востока в конце XIX – начале XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2004.
- 63 Русский патриот (Чичерин Б. Н.). Россия накануне двадцатого столетия. Берлин, 1900. С. 180.
- 64 Алексей Суворин. Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма (1904–1908 гг.). М., 2005. С. 207. Запись от 30 ноября 1904 г. № 10328.
- 65 Подробнее об этом см.: Шелохаев В. В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М., 1999. С. 27, 29–32; Он же. Либеральная модель // Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004; Сиземская И. Н. «Новый либерализм»: учение о правах человека и государственной власти // Там же. С. 210–211.
- 66 Основной закон Российской империи: Проект русской конституции, выработанный группой членов «Союза освобождения». Paris, 1905. С. 50–51; Программа Союза освобождения // Освобождение. 1905. № 69–70. С. 303–306.
- 67 Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995. С. 373.
- 68 Ближайшая задача // Освобождение. 1904. № 59. С. 150.
- 69 Положения по вопросу об общих условиях, препятствующих правильному течению и развитию нашей общественной жизни, постановленные частным совещанием земских деятелей, назначенным на 6 и 7 ноября 1904 г. в Петербурге // ГАРФ. Ф. 102.00. 1904. Д. 1250. Т. 2. Л. 35–36; Шупов Д. Н. Воспоминания и думы о переломе. М., 1918. С. 240.
- 70 Перепечатка из французской газеты «Le Temps» в журнале «Освобождение». См.: Из иностранной печати о русских делах // Освобождение. 1904. № 61. С. 194.

- 71 *Степанский А. Д.* Либеральная интеллигенция в общественном движении России на рубеже XIX–XX вв. // Исторические записки. 1983. Т. 109. С. 90.
- 72 *Золотарев С.* Очерк по истории учительского объединения в России // Профессиональные учительские организации на Западе и в России. Пг., 1916. С. 258.
- 73 *Кизеветтер А. А.* На рубеже двух столетий: Воспоминания. 1881–1914. М., 1996. С. 260.
- 74 *Алексей Суворин.* Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма (1904–1908 гг.). М., 2005. С. 300. Запись от 5 мая 1905 г. № 10477.
- 75 *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. СПб., 1892. Т. 1. С. 316.
- 76 *Лазаревский Н.И.* Бюрократия и общество // Право. 1905. № 4. Стб. 206–207, 209, 213–214.
- 77 *Хвостов В. М.* Свобода союзов и собраний // Московский еженедельник. 1906. № 1. С. 9.
- 78 Там же. С. 10.
- 79 *Дживелегов А. К.* Права и обязанности граждан в правовом государстве. М., 1906. С. 25–26.
- 80 *Котляревский С. А.* Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. СПб., 1907. С. 95.
- 81 *Струве П. Б.* 17 октября 1909 г. // Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 155.
- 82 Административное право. Лекции А. И. Елистратова. М., 1911. С. 149.
- 83 *Гессен В. М.* О правовом государстве. СПб., 1906. С. 26–27.
- 84 *Гамбаров Ю. С.* Свобода и ее гарантии: Популярные социально-юридические очерки. СПб., 1910. С. 279.
- 85 Административное право. Лекции А. И. Елистратова. М., 1911. С. 148–149; *Дживелегов А. К.* Конституция и гражданская свобода // Конституционное государство. СПб., 1905. С. 70–71; *Дерюжинский В. Ф.* Полицейское право. СПб., 1911. С. 61–62; *Алексеев П.* Десятилетие закона об обществах. СПб., 1916. С. 2–3.
- 86 *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. СПб., 1908. С. 75–77. Наряду с общественными организациями в современном смысле этого слова, Еллинек относил к союзам все социальные организации, порожденные экономическим, духовным, этическим и религиозным общением – семью, церковь, экономические предприятия и др.
- 87 *Котляревский С. А.* Указ. соч. С. 22–23, 95.
- 88 См. об этом более подробно: *Туманова А. С.* Деятельность Министерства внутренних дел Российской империи по осуществлению свободы союзов. Тамбов, 2003. С. 30, 31.
- 89 *Дерюжинский В. Ф.* Полицейское право. СПб., 1911. С. 61–62.
- 90 *Хвостов В. М.* Указ. соч. С. 11.
- 91 *Набоков В. Д.* Законопроект об обществах и собраниях. Газ. «День». Цит. по: РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1905. Д. 61 (г). Л. 174.
- 92 Обзор иностранного законодательства о союзах проведен на основании работ А. И. Елистратова (Свобода собраний и союзов в Западной Европе (Исторический очерк) // Мир Божий. 1905. Июль. С. 2–16), В. М. Гессена (Очерк административного права. СПб., 1903. С. 88–93), В. В. Ивановского (Учебник административного права. Казань, 1907. С. 213–215), Н. Н. Белявского (Полицейское право. Юрьев, 1910. С. 101), В. Ф. Дерюжинского (Полицейское право. СПб., 1911. С. 62–97).
- 93 *Ковалевский М. М.* Русская Конституция. Свободы. СПб., 1906. С. 4.

- ⁹⁴ Право союзов и собраний (Вступительная лекция к специальному курсу, прочитанная в С.-Петербургском университете 25-го октября 1908 г.) // Право. 1908. № 47. Стб. 2583–2586.
- ⁹⁵ См., например, *Матвеев В. Г.* Право публичных собраний: Очерк развития и современной постановки публичных собраний во Франции, Германии, Англии. СПб., 1909. С. 17.
- ⁹⁶ *Алексеев П.* Указ. соч. С. 3; *Матвеев В. Г.* Указ. соч. С. 19; Полицейское право (Административное право). Конспект лекций Н. Н. Белявского. Юрьев, 1910. С. 34–39.
- ⁹⁷ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг. Т. 1. М., 2001. С. 13.
- ⁹⁸ Права и свободы человека в программных документах основных политических партий и объединений России. XX век. М., 2002. С. 34–146; *Тихомиров Л. А.* Самодержавие и народное представительство. М., 1907. С. 10–12.
- ⁹⁹ *Катков М. Н.* О печати. М., 1905. С. 48. Сходный взгляд на соотношение прав и обязанностей российских подданных высказал также Л. А. Тихомиров: *Тихомиров Л. А.* Самодержавие и народное представительство. М., 1907. С. 9–10.
- ¹⁰⁰ *Тихомиров Л. А.* «Свобода и авторитет» // Московские ведомости. 1913. 5 сентября; *Шацилло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX-XX вв. // Гросул В. Я., Итенберг Г. С., Твардовская В. А., Шацилло К. Ф., Эймонтова Р. Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 389–390.
- ¹⁰¹ Записка П. Н. Дурново Николаю II. Февраль 1914 г. // Красная новь. М.; Пг., 1922. № 6 (10). С. 195–197.
- ¹⁰² *Меньшиков М.* Просветители слева // Новое время. 1908. 10 января.
- ¹⁰³ Московские ведомости. 1913. 22 августа.
- ¹⁰⁴ Голос Москвы. 1914. 5 января.
- ¹⁰⁵ Речь В. А. Маклакова при обсуждении сметы Министерства внутренних дел в заседании Государственной Думы 25 февраля 1911 г. // III Государственная дума. Фракция народной свободы в период 15 октября 1910 г. – 13 мая 1911 г. Отчет и речи депутатов. СПб., 1911. С. 27.
- ¹⁰⁶ Выступление депутата социал-демократа С. Д. Джапаридзе в Государственной думе I-го созыва с декларацией социал-демократической парламентской фракции о свободе собраний 16.04.1906 // Государственная Дума. Созыв 1-й. Стенографические отчеты. Т. 2. СПб., 1906. Стб. 1403; Пролетарская правда. 1914. 8 января.
- ¹⁰⁷ Пролетарская правда. 1914. 8 января.
- ¹⁰⁸ Пролетарская правда. 1914. 2 января.

Н. С. Нижник

Институт семьи и брака: трансформации в контексте государственной-правовой эволюции в первые годы Советской власти

Установление Советской власти в нашей стране привело к смене всей системы политико-правовых институтов. Неизбежно перемены коснулись и семейного права: правовой статус мужа, правовое положение жены и детей претерпели существенные изменения. Уже в первые дни Советской республики были предприняты попытки законодательно закрепить принципиально новый взгляд на брак и семью.

Идеологической основой законодательства в области семейного права являлись марксистские представления о браке, которые четко выражены в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Буржуазный брак, по Энгельсу, основан на экономическом подчинении жены мужу как кормильцу семьи. В результате общественного переворота, отмечал Энгельс, положение женщины изменится: она перестанет продаваться мужчине за деньги в жены, поскольку тоже сможет участвовать в общественном производстве. Достигнутое равноправие мужчины и женщины приведет к тому, что браки будут заключаться по взаимной склонности, а ведение домашнего хозяйства, уход за детьми и

их воспитание возьмет на себя государство. Если женщина почувствует склонность к другому мужчине, ничто теперь не должно помешать ей оставить прежнего и заключить новый брак.

Первыми актами, положившими начало советскому семейному праву, были Декреты ВЦИК и СНК РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния»¹ и от 19 декабря 1917 г. «О расторжении брака»². В Декретах содержались новые нормы о браке, семье, отношениях супругов, родителей и детей.

Институт брака, на протяжении всей истории Российского государства находившийся под юрисдикцией церкви, передавался в ведение светских органов. Государство признавало гражданские браки. «Церковный брак, – отмечалось в Декрете от 18 декабря 1917 г., – наряду с обязательным гражданским является частным делом трудящихся». Принятый 20 января 1918 г. Советом Народных Комиссаров Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» окончательно закрепил положение о том, что акты гражданского состояния ведутся исключительно гражданской властью: отделами записи браков и рождений в новых советских органах – органах записи актов гражданского состояния.

Лица, желавшие заключить брак, должны были устно или письменно заявить об этом «по месту своего пребывания» органам ЗАГСа. При вступлении в брак были уничтожены многие ограничения, существовавшие ранее: теперь не требовалось согласия на брак родителей, не имели значения сословная принадлежность, отношение к расе и религии. Устанавливались моногамная форма брака и возраст вступления в него: для мужчин – 18 лет, для женщин – 16 лет.

Дети, рожденные в браке, и внебрачные дети законом были уравнианы в правах и между собой, и во взаимоотношениях с родителями. Отцом и матерью ребенка считались мужчина и женщина, подавшие в органы ЗАГСа заявление об этом и «давшие соответствующую в том подписку». Виновные в даче заведомо ложных сведений привлекались к уголовной ответственности, а запись признавалась недействительной. Установление отцовства допускалось в судебном порядке.

По желанию одного или обоих супругов устанавливался свободный развод. Вопрос о разводе должен был рассматриваться су-

дом, но при наличии обоюдного согласия супругов мог быть оформлен и ЗАГСом.

16 сентября 1918 г. ВЦИК принял «Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве» (КЗАГС)³. Это был первый кодекс в истории советского права. КЗАГС включал в себя все принципиальные положения декабрьских декретов, на основе которых подробно регулировал семейно-брачные отношения. Однако ни в одном советском нормативном правовом акте: ни в декретах, ни в кодексе – не оказалось точной дефиниции брака. Необходимость определения брака в законодательстве была очевидна, именно поэтому внимание к центральной категории семейного права не ослабевало. Однако, хотя в первые годы Советской власти «не было ни одного заседания, ни одной комиссии НКЮ, СНК, где бы Народный комиссариат внутренних дел не выдвигал вопроса о необходимости определения брака»⁴, дефиниция так и не была сформулирована. Наркомат по внутренним делам РСФСР не только поднимал этот насущный вопрос в компетентных органах, но и сам разработал проект определения брака⁵, который, правда, так и не нашел своего закрепления в законодательстве.

Несмотря на отсутствие в законодательстве четкой категории «брак», нормативно-правовые акты первых лет Советской власти и юридическая практика дают возможность выделить основные признаки брака в понимании законодателя того времени.

Марксистские представления о браке были неразрывно связаны с утверждением, что основой брака должна быть взаимная склонность мужчины и женщины друг к другу, любовь⁶. Один из авторов проекта кодекса законов о брачном, семейном и опекунском праве от НКВД В. П. Верховский подчеркивал необходимость «индивидуальной половой любви в браке»⁷, а на сессии ВЦИК в 1925 г. эта мысль была сформулирована таким образом: «Брак основан на взаимном притяжении, на культурном и идейном единomyслии и на половых отношениях»⁸.

Наличие склонности или хотя бы хорошего отношения супругов друг к другу было не формальным требованием к браку, а серьезной установкой в судебной практике. Работники суда Витебского губернского отдела юстиции, например, при решении практических вопросов исходили из утверждения, что «брак есть свободное сожителство двух лиц»⁹. Примером серьезной оценки роли взаимо-

отношений супругов может служить одно из определений Гражданской Кассационной коллегии Верховного Суда РСФСР, в соответствии с которым брак был признан прекращенным на основании того, что муж умершей женщины тиранил ее, бил и тратил ее заработок. Наследственные права за мужем, пережившим супругу, Кассационной коллегией в этом случае признаны не были¹⁰.

Советское государство законодательно закрепило признание гражданского брака и необходимость его регистрации. Статья 52 КЗАГС утверждала, что только зарегистрированный в отделе записи актов гражданского состояния брак порождает права и обязанности супругов, установленные в разд. II этого кодекса. Правда, преимущество зарегистрированных супругов перед незарегистрированными было единственным: в ст. 107 КЗАГС было закреплено право на получение содержания нуждающимся супругом (в качестве которого мог рассматриваться не имеющий прожиточного минимума и нетрудоспособный) от другого, «если последний в состоянии». Фактически институт супружеской обязательной взаимопомощи реализован не был: имущественная самостоятельность населения в первые годы Советской власти была настолько низка, что заработки с трудом могли удовлетворить потребности одного человека, поэтому оснований для предположения возможности существования двоих на один заработок практически не имелось¹¹.

Противоречили букве КЗАГСа и официальное толкование статей кодекса, и судебная практика. Так, в 1922 г. в «Еженедельнике советской юстиции» о содержании отдельных положений КЗАГСа было сказано следующее: «Статья 52 не имела намерения поразить притязания незарегистрированной жены, и она должна признаваться имеющей все те права по имуществу, как и та, брак которой оформлен»¹². Судебная практика подтверждала это положение. «Советское государство не навязывает обязательной регистрации брачных отношений», – определял Высший Судебный Контроль по одному из рассмотренных гражданских дел. К тому же «практика народных судов знает многочисленные случаи признания прав на имущество...когда супруг умершего, хотя и не был зарегистрирован, но фактически был супругом»¹³.

Пренебрежение к действующей норме закона объяснимо в контексте господствовавшей в обществе идеи о том, что регистрация брака – пережиток, со временем она исчезнет, а на данном этапе

развития государства она должна осуществлять функцию борьбы с церковным браком.

Попытки разрушить дореволюционные представления о семье и браке в первые годы Советской власти были очевидны как в законодательной деятельности, так и в реальных отношениях между мужчиной и женщиной. Лидеры коммунистического движения, проповедовавшие свободную любовь, внесли свой немалый вклад в процесс замены традиционных семейных ценностей идеологическими догмами и понятиями о человеческом счастье, перечеркнувшими тысячелетний опыт российского народа. Александра Коллонтай с энтузиазмом отмечала, что Советская Россия «представляет собой опытное поле, на котором выявляются в разнообразных формах брачные отношения, ближе отвечающие идеалам пролетарского класса и будущего коммунистического общества. ...Многих пугает та свобода, которая намечается во взаимоотношениях между полами. Но при всех уклонах и временном извращении новой пролетарской правды во взаимоотношениях между полами чувствуется свежее здоровое веяние, говорящее о том, что прежний мещанский взгляд на семью и брак бесповоротно отмирает, нарастает и создается новая половая мораль, отвечающая интересам трудового коллектива»¹⁴.

Новая мораль молодого поколения строителей коммунизма могла быть выражена лозунгом «Долой стыд!», а любовь (в ее традиционном понимании) в соответствии с этой моралью была объявлена буржуазным предрассудком. Во многих провинциальных городах России имел хождение «Декрет о социализации женщин», в одном из вариантов которого, в частности, указывалось: «С 1 мая 1918 г. все женщины с 18 до 32 лет объявляются государственной собственностью. Всякая девица, достигшая 18-летнего возраста и не вышедшая замуж, обязана под страхом строгого взыскания и наказания зарегистрироваться в бюро «свободной любви» при комиссариате призрения. Зарегистрированной в бюро «свободной любви» предоставляется право выбора мужчины в возрасте от 19 до 50 лет себе в сожители... Мужчинам в возрасте от 19 до 50 лет предоставляется право выбора женщин, записавшихся в бюро, даже без согласия на то последних, в интересах государства. Дети, произошедшие от такого сожительства, поступают в собственность республики»¹⁵.

В точном соответствии с этим законом действовали органы новой власти города Владимира, которые заявили, что «после 18-летнего возраста всякая девица объявляется государственной собственностью. Если она не вышла замуж, то обязана встать на учет в бюро свободной любви»¹⁶. Регистрация давала право один раз в месяц выбирать мужа. Мужчина мог получить «даму сердца», не считаясь с ее мнением¹⁷. В Саратове было объявлено, что частная собственность на женщин отменяется, и представительницы слабого пола становятся общественным достоянием¹⁸, а в Пермской губернии советские органы в 1918 г. выдавали удостоверения следующего содержания: «Настоящим удостоверяем, предьявитель сего... уполномачивается на право приобретения себе барышни, и никто ни в коем случае не может сопротивляться, на что даются ему широкие полномочия...»¹⁹.

Лозунг Инессы Арманд, воспеваящий мимолетные связи и возводившей половую распущенность в ранг завоеванных революцией свобод, быстро овладел умами и сердцами молодого поколения. Охваченная революционным порывом молодежь решала проблему отношений мужчиной и женщиной крайне просто. На комсомольском собрании «слушали о половых сношениях. Постановили: половых сношений избегать нельзя. Если не будет половых сношений, то не будет мировой революции»²⁰.

С точки зрения марксистской идеологии и нового быта отношения между мужчиной и женщиной вообще и брак в частности следовало «ценить и поддерживать только... по взаимной склонности и только до тех пор, пока эта склонность продолжается»²¹.

Не случайным в этой связи является акцентирование внимания в характеристике брака на полной свободе разводов. Советские граждане уже с декабря 1917 г. в соответствии Декретом о расторжении брака получили свободу разводов. Для того чтобы получить развод, достаточно было желаний одного из супругов. Граждане не замедлили воспользоваться предоставленной свободой. Народные судьи Усть-Медведицкого округа в 1921 г. сообщали в Наркомост: «Наблюдается более интенсивное предьявление исков о расторжении брака без всякой основательной причины, а просто по одному только чисто животному влечению, ибо в законе нет никакого ограничения в этом отношении»²².

Большое количество разводов, используемых крестьянством «исключительно в корыстных целях»²³, зафиксировал Президиум

Губернского Совета народных судей Вологодского судебного округа, а отдел юстиции Смоленского губисполкома обратил внимание на злоупотребления на почве разводов, граничащие с преступлениями: «Мужчины при такой свободе имеют возможность обольстить и сделать несчастными какое угодно количество девушек, поочередно прибегая к бракам и разводам неопределенное число раз»²⁴.

Реалии семейной жизни советских граждан находили свое отражение в прессе. «В нашей среде замечается определенная распушенность в вопросах взаимоотношений между парнем и девушкой. У нас считается признаком хорошего тона расходиться после небольшого промежутка времени», — отмечала московская газета «Молодой ленинец»²⁵, а «Вятская правда» сообщала о событиях в российской глубинке: «В деревне Осетровской Иван Иванович Осколков с Иваном Павловичем Шитовым переменились женами. Кроме бабы Шитов получит от Осколкова корову в придачу»²⁶.

Таким образом, в первые годы Советской власти шел процесс формирования системы советских семейно-брачных отношений, закрепления правового статуса членов семьи и процессуальных гарантий его реализации. Государство пыталось законодательно зафиксировать новую идеологию семьи и брака, новые представления о роли и месте женщины в социалистическом обществе. При этом жизненные реалии зачастую опережали законодательные парадигмы, либо принципиально не совпадали с ними.

¹ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917. № 11. Ст. 160.

² Там же. 1917. № 10. Ст. 152.

³ Там же. 1918. № 76–77. Ст. 818.

⁴ ВЦИК XII созыва. Вторая сессия. Стенографический отчет. М., 1925. С. 228.

⁵ См.: *Верховский П. В.* Новые формы брака и семьи по советскому законодательству. С приложением проекта нового кодекса законов о брачном, семейном и опекуном праве, разработанного Народным комиссариатом внутренних дел. Л., 1925.

⁶ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 21. М., 1961. С. 78–80.

⁷ *Верховский П. В.* Новые формы брака и семьи по советскому законодательству... С. 23.

⁸ ВЦИК XII созыва. Вторая сессия. Стенографический отчет. С. 246.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 353. Оп. 5. Д. 226. Л. 47.

¹⁰ См.: Судебная практика РСФСР. 1930. № 7.

¹¹ *Полянский П. Л.* Отечественное брачно-семейное законодательство: от КЗАГСа 1918 года до наших дней // Журнал российского права. 1997. № 10. С. 128.

- ¹² *Рындзюнский Г.* Вопросы действующего семейного права // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 8. С. 5.
- ¹³ *Приградов-Кудрин А.* Брачное право и наследование // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 12. С. 5.
- ¹⁴ См.: *Коллонтай А.* Быт и семья // Огонек. 1923. № 20.
- ¹⁵ *Социализация женщин.* Пг., 1918. С. 4–5.
- ¹⁶ *Вилькоцкий В.* Комбесстыдство // Огонек. 1997. № 44.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. 596. Оп. 1. Д. 153. Л. 57.
- ²⁰ *Вилькоцкий В.* Комбесстыдство // Огонек. 1997. № 44
- ²¹ *Верховский П. В.* Новые формы брака и семьи по советскому законодательству... С. 4.
- ²² ГАРФ. Ф. 353. Оп. 5. Д. 226. Л. 54.
- ²³ Там же. Л. 63.
- ²⁴ Там же. Л. 22.
- ²⁵ Молодой ленинец. 1924. 10 мая.
- ²⁶ *Яговкин И.* Оргазм в стиле ретро // Московский комсомолец. 1998. 5–12 февраля. С. 22.

С. В. Кулик
Политическая культура
в годы Великой Отечественной войны
*(на примере антифашистского сопротивления
в Северо-Западном и Западном регионах России)*

Политическая культура общества – это фактор, способствующий консолидации нации. В особенности это важно в экстремальных условиях кризисов, межгосударственных конфликтов, войн.

Победа в войне с иноземным захватчиком возможна лишь тогда, когда абсолютное большинство населения осознает важность, справедливость и необходимость этой вооруженной борьбы.

Шестьдесят лет назад на оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории России шла ожесточенная борьба между нацистами, их союзниками, и силами Советского сопротивления. Она одновременно велась по нескольким важнейшим направлениям: военному, экономическому, идеологическому. Ни одно из них не могло считаться второстепенным. Каждое было по-своему решающим. В ходе Великой Отечественной войны советское сопротивление вело борьбу не только с вооружёнными силами противника, но и с его политико-пропагандистскими акциями.

Всеми, кто с оружием в руках поднялся против оккупантов, руководило чувство патриотизма, любви к Родине и стремление видеть ее независимой, а также желание защитить своих родных и близких.

Гитлеровцы пытались доказать, что партизаны и подпольщики являются бездумными и бездуховными исполнителями приказов коммунистической партии и советского руководства, Сталина, что они совершенно чужды русскому народу. Вермахт, имевший в каждом боевом подразделении специальные «роты пропаганды», с первых дней боевых действий стал распространять среди граждан Советского Союза миллионными тиражами сотни различных газет, листовок, брошюр, книг, плакатов пронацистского и антисоветского характера. По замыслам противника, их содержание должно было дезориентировать все категории населения СССР.

Проклиная и осуждая представителей антифашистского сопротивления в своих средствах массовой информации, нацисты и их пособники представляли партизан и подпольщиков как людей с полным отсутствием политической культуры. По мнению гитлеровцев, все русские люди, честные патриоты своей страны, должны были с радостью приветствовать немцев как лучших представителей цивилизованной Европы, освобождающих Россию от ига большевиков и евреев.

Организация политико-массовой работы среди населения оккупированных районов РСФСР возлагалась на партийные органы, политотделы фронтов и партизанские формирования.

К сентябрю 1941 г. в составе политуправлений фронтов и политотделов армий были созданы отделы и отделения по руководству партийно-политической работой среди населения оккупированных районов и войск Красной Армии, оказавшихся на территории, занятой врагом.

19 августа 1941 г. вышло обращение Главного политического управления Красной Армии ко всем военным советам и политуправлениям фронтов о работе среди населения оккупированных областей.

Для ее успешного осуществления среди населения оккупированных советских областей и политического руководства партизанским движением в штатах политуправлений фронтов предполагалось создавать «Отделы по партийно-политической

работе среди населения и войск Красной Армии, действующих на территории, занятой противником»¹.

Основную цель своей работы среди населения оккупированных районов советские политические органы видели в том, чтобы поднять народные массы на всенародную борьбу против фашистских захватчиков. Предполагалось постоянно и своевременно информировать население о ходе Великой Отечественной войны, о действиях Красной Армии, о героизме рядовых бойцов и командиров, партизан и подпольщиков, тружеников советского тыла, укреплять у людей веру в неизбежность полного разгрома фашистской Германии и ее союзников.

Для решения всех этих задач было необходимо издавать специальную печатную продукцию (памятки, газеты, листовки, обращения, плакаты) и распространять ее среди населения оккупированных районов; разрабатывать руководящие указания по партийно-политической работе; организовывать ежедневные радиопередачи².

Но на практике в 1941 г. удалось сделать очень мало. Политуправление Северо-Западного фронта признавало: «Распространялись только две листовки, присланные из Москвы: «Резолюция всеславянского митинга в Москве» и «Вести с Родины»³.

С огромными сложностями также столкнулись партизанские отряды западных областей России – Калининской, Смоленской и Орловской. Трудно не признать важность активной пропагандистской и контрпропагандистской работы в условиях боевых действий. Но грубый, прямолинейный ура-патриотизм, присущий советской пропаганде в начальный период Великой Отечественной войны, недооценка противника и переоценка собственных сил часто приносили совершенно противоположный результат. Многие партизаны и мирные жители с удивлением и возмущением говорили: «Если бы все было правдой, что сообщает Совинформбюро, нас бы давно уже освободила Красная Армия. А раз она пока еще далеко, значит, советским листовкам “Вести с Советской Родины” верить нельзя»⁴.

Толчком к возрождению партизанского движения стало сообщение о победе Красной Армии под Москвой. По указанию подпольных парторганизаций активизировалась деятельность всех

групп и отрядов. В деревнях проходили антифашистские собрания, производилась открытая запись в партизанские отряды⁵.

Огромное организующее влияние в развёртывании партизанского движения в области оказал город Ленинград. Уже один только факт героической стойкости обороны Ленинграда сам по себе превратился в исключительно действенный моральный фактор, вызывающий и обостряющий партизанскую войну в тылу врага. Защита Ленинграда и борьба за освобождение его из блокады превратились в основную задачу, которой было подчинено партизанское движение в Ленинградской области.

В 1942 г. перед советским сопротивлением возникли новые сложные проблемы. Главными среди них были взаимоотношения партизан с населением, партийное руководство партизанским движением и освобожденным населением, проживающим в партизанских краях, борьба с прислужниками врага и предателями. Для их решения 22 февраля 1942 г. смоленские партизаны собрались на свою первую партийную конференцию в тылу врага. Она прошла в селе Замошье, в здании восьмилетней школы, которая охранялась усиленным нарядом партизан. Был избран почетный президиум во главе с И. В. Сталиным, рабочий президиум, секретариат и мандатная комиссия⁶. С докладом на тему «Международное и внутреннее положение СССР и задачи коммунистов по дальнейшему развёртыванию партизанского движения» выступил Г. С. Амиров⁷.

В выступлениях партийных руководителей низового звена анализировалась партийно-политическая работа, рассказывалось о ее формах и методах. Командиры рот говорили об успехах и промахах проведенных боевых операций, о необходимости изучения вражеского оружия, о бдительности, о постоянной разведке и готовности к бою в любое время суток.

Особое внимание было уделено недостаткам. Не хватало оружия, обмундирования и медикаментов. В партизанских соединениях оказались всякие люди. Они были самых различных возрастов, национальностей, из разных мест и частей. Их требовалось сколотить в единый коллектив. Многие партизаны боялись танков и авиации противника. Но особо остро стоял вопрос о доверии друг другу, командирам и политработникам. Эту проблему необходимо было решать в первую очередь.

К началу 1942 г. на оккупированной территории Калининской области насчитывалось до 25 организованных групп разной чис-

ленности, руководимых различными организациями⁸. Они действовали разрозненно, без опыта. Наносили удары по тылам врага осторожно и несмело. При этом сам факт существования, пропагандистская работа и диверсии этих групп сделали большое дело для всех жителей оккупированных районов. Они разоблачали миф гитлеровцев о том, что Москва и Ленинград пали, а война для Советского Союза проиграна. Они поднимали и звали народ на войну. За счет населения росли существующие группы и рождались новые партизанские единицы.

Постановление Народного Комиссариата Обороны от 29 мая 1942 г. об образовании Центрального Штаба партизанского движения и фронтовых штабов партизанского движения положило конец разнобою в руководстве партизанским движением. Теперь оно стало носить централизованный характер. Партизаны стали максимально учитывать потребности фронта и армии. Теперь отряды стали направляться для действия в наиболее уязвимые пункты противника, наносили удары по тем объектам, которые давали максимальные результаты. Работа по руководству партизанским движением стала вестись планово с учетом всех возможностей и с использованием наличествующих резервов.

Основная тяжесть пропагандистской работы в 1942 г. на оккупированной территории России легла на стационарные партизанские отряды. Действуя в районе своей дислокации, они наладили тесный контакт с местным населением. В районах, насыщенных вражескими гарнизонами, советские пропагандисты и агитаторы проявляли большую изобретательность, чтобы скрытно от врага провести политические беседы с населением, распространить листовки и газеты.

Политико-пропагандистские мероприятия проводились в домах отдельных жителей, заранее проверенных партизанами. Если была возможность, в том или ином доме собирали на беседу группу односельчан. Часто под видом нищих, бродячих портных, сапожников, спекулянтов, агитаторы переходили из дома в дом, рассказывали правду о Советском Союзе, о положении на фронтах, раскрывали чуждую русскому человеку сущность фашистского режима.

Беседы с крестьянами устраивались также в домах, где останавливались на ночлег партизаны. Они проводились за столом во время ужина или завтрака. Таким образом, создавалась простая,

непринуждённая, искренняя обстановка, располагавшая к тому, чтобы высказывать самые затаённые мысли и чувства.

Устная агитация и пропаганда, исходившие от представителей партизанских отрядов, явились наиболее успешной формой работы сопротивления среди населения оккупированной территории РСФСР в начальный период Великой Отечественной войны. Это было вызвано определённой деидеологизацией партизанских пропагандистских акций, приближением их к местным условиям и проблемам.

Успехи Красной Армии на фронтах, грабительская политика оккупантов способствовали развитию и укреплению партизанского движения в тылу врага.

В новых условиях возросла роль печатной пропаганды. Это во многом определялось тем обстоятельством, что областные штабы партизанского движения, кроме увеличения количества издаваемых для населения оккупированной территории газет и листовок, стали направлять в распоряжение партизанских бригад и соединений полиграфическое оборудование и журналистов-профессионалов. Содержание материалов, помещавшихся в партизанских изданиях, обсуждалось непосредственно на местах. Это давало возможность не только оперативно информировать население о положении дел на фронте и в стране, но и быстро откликаться на злободневные вопросы партизанской борьбы.

Партизанам и подпольщикам стало понятно, что общие фразы не приносят реального результата. Необходимо было перестраивать работу. Уже с 1942 г. пропагандистская работа стала вестись с учётом местной специфики и часто ориентировалась на конкретных людей. Вся информация, заложенная народными мстителями в свои газеты, листовки, обращения, могла быть легко проверена теми, к кому она обращалась. Следовательно, возрастала не только степень ее достоверности, но и эффективность.

Многосторонняя деятельность подпольных райкомов партии и политотделов партизанских бригад способствовала дальнейшему росту рядов народных мстителей путём вовлечения в них добровольцев из числа местного населения.

Во всех отрядах, имевших связь с Центром, в основу отношений и внутреннего распорядка был положен устав РККА, который в некоторых отрядах, особенно из военнослужащих, выполнялся так же, как в регулярных частях Красной Армии. Нужно отметить,

что основным цементирующим элементом в партизанском отряде являлись боевые традиции отряда и авторитет командиров и политработников, которые в большинстве своем непосредственно участвовали в самых опасных операциях и поэтому пользовались большим уважением у рядовых бойцов.

Большинство кадрового командного состава носило военную форму и знаки различия. Это приближало многие партизанские формирования к регулярным частям Красной Армии. При этом, официальное обращение к представителям командного состава в большинстве своем шло по должности или по званию, а иногда просто по имени и отчеству.

Основа дисциплины в партизанских отрядах строилась на присяге РККА и партизанской присяге, а также на глубоком понимании партизанами своей задачи: борьбы с немецкими оккупантами, в единстве интересов всей партизанской массы.

В основном, все вопросы дисциплинарного порядка разрешались командованием. При этом применялись все меры дисциплинарного воздействия согласно дисциплинарному уставу и соответствующему положению Красной Армии. Большое значение имело общее собрание отряда, на котором разбирались провинившиеся партизаны, рассматривались вопросы о помощи местному населению.

Силам советского сопротивления удалось при помощи большей координации своих действий усилить идеологическое влияние на население. Это убедительно видно на примере Северо-Западного региона России. Если в 1942 году Ленинградский обком и Ленинградский ШПД направили в тыл врага свыше 2 миллионов листовок, то в 1943 г. их количество возросло до 6 миллионов⁹.

В переносных типографиях печатались листовки под названием районных газет, выходивших здесь до войны. В них рассказывалось об успехах Красной Армии, советском патриотизме, население призывалось на борьбу против гитлеровских захватчиков. Таким образом, читателям давалось понять, что Советская власть нигде не исчезала. Большинство газет и листовок заканчивалось призывом: «Помните, что каждый убитый немец приближает час Вашего освобождения! Колите их вилами, рубите топорами, морите угаром, не выходите на расчистку дорог. Саботируйте проводимые мероприятия немцев. Помогайте партизанам бороться с немцами и их холуями!»¹⁰

Тематика листовок была самой разнообразной: «К советским юношам, девушкам и подросткам занятых немцами областей», «Разрушайте мосты и дороги на путях отступления немцев», «Письма от защитников Ленинграда к партизанам и колхозникам оккупированных районов области»¹¹.

Партизанские агитаторы и разведчики устанавливали связь с письмоносцами оккупационных властей, приносили в условные места доставленные советскими лётчиками газеты и листовки, которые затем почтальоны разносили населению вместо фашистских пропагандистских материалов. В крупных населённых пунктах с наличием вражеских гарнизонов народные мстители для распространения советской литературы использовали сани с двойным дном, что позволяло доставлять советскую печатную продукцию через гитлеровские военные посты¹².

Для районных партизанских отрядов, не имеющих радиосвязи с центром, основным источником информации являлись прокламации и газеты, сброшенные советской авиацией. Наибольшей популярностью пользовалась листовка «Вести с Советской Родины» из-за своей достаточно высокой оперативности, информативности и небольшого формата. Последнее было важно, так как в глубинные районы советские листовки попадали с большим трудом.

Все газеты и листовки обычно делались по определенному шаблону. Он состоял из двух частей: передовая и местный материал. И если передовая часто была стереотипной для всех листовок, то во второй части обязательно использовались конкретные факты из жизни каждого отдельного района, где предполагалось распространять эту печатную продукцию.

Партизанские и подпольные газеты и листовки, написанные понятным населению языком и освещающие местные события, были популярны среди жителей оккупированной территории России. Однако степень их воздействия ограничивалась относительно небольшим тиражом, поэтому устная пропаганда по-прежнему играла важную роль.

Проводя политическую работу среди населения, партизаны выявляли резервы и пополняли ими свои ряды. За 1942 г. только в одну 2-ю Ленинградскую партизанскую бригаду вступило около 300 новых партизан из числа колхозников и местной интеллигенции; систематически пополнялись местными жителями также 3-я и

4-я партизанские бригады, действующие в полосе Северо-Западного фронта¹³.

Но не только партизаны и подпольщики выполняли задания Советского командования. Начиная с 1941 г., на оккупированную территорию из советского тыла стали засылаться партийные группы, состоявшие из коммунистов. Важную роль в работе партгрупп с местным населением играла пропаганда. После установления связи с надежными людьми из местного населения с ними проводились беседы. Так, зимой 1942–1943 гг. тематика была следующей:

а) Наступление Красной Армии на Юге и разгром немецких банд; б) Окружение под Сталинградом 22 немецких дивизий частями Красной Армии; в) Наступление частей Красной Армии на Ленинградском фронте и снятие блокады с города Ленина; г) Организация саботажа, выдачи немецким властям натурального и денежного налога; д) Укрытие молодежи от призыва в немецкую армию; е) Борьба местного населения с предателями и изменниками родины; ж) Невыход населения на лесозаготовки, расчистку от снега шоссейных и железных дорог¹⁴.

Газеты и листовки распространяли среди населения все члены группы. Они вручали печатную продукцию мирным жителям как в населенных пунктах, так и при встречах на дорогах. Также прокламации расклеивали на дверях домов, у колодцев, на воротах, на банях и т. д. Как вспоминали члены партгрупп: «Не было ни одного случая отказа населения от читки наших газет и листовок. Везде и всюду старики и старухи, мужчины и женщины, подростки и дети школьного возраста с большой радостью набрасывались на газеты, передаваемые нашими товарищами, и здесь же их читали»¹⁵.

Но во время встреч говорили не только представители советского сопротивления. Мирные граждане давали информацию для новых газет и листовок.

Широкие размеры приняла помощь населения в распространении антифашистской литературы, газет и листовок. Так, в Псковском районе во многих населённых пунктах создались группы из женщин и молодёжи, распространяющие газеты и листовки в деревнях и в городе Пскове, используя для этой цели поездки на базар¹⁶.

Представитель новгородской партгруппы сообщил в Ленинградский штаб партизанского движения следующее: «Отношение населения к нам хорошее. Особенно женщины проявляют большую заботу, они приносят нам продукты, картофель, хлеб за 20 км. В

беседах высказывают, что считают большим счастьем и радостью встречу с партизанами. Хотя немцы и угрожают, но хочется поговорить со своими советскими людьми и узнать, что делается на фронтах и на Родине»¹⁷.

В результате невыносимого гнёта, установленного немецко-фашистскими оккупантами, и большой политической работы, проводимой партизанами и партийными группами, во всех оккупированных немцами городах, сёлах и деревнях значительно возрос саботаж населением мероприятий немецких властей. Сопrotивление трудящихся политике захватчиков вызывало серьёзные опасения у гитлеровцев. Каждое своё мероприятие они вынуждены были сопровождать угрозами штрафов, арестов и расстрелов.

Крестьяне не выполняли поставки хлеба и других сельскохозяйственных продуктов, не выходили на лесозаготовки, всяческими путями уклонялись от любого содействия врагу. Рабочие на производстве не выходили на работу или выпускали бракованную продукцию.

Таким образом, успехи Красной Армии на фронтах Отечественной войны и проводимая немецким командованием политика, активизировали значительные слои местного населения. Росту боевой активности во многом способствовали партизаны, которые своей боевой деятельностью показывали путь к скорейшему уничтожению гитлеровского рабства.

После Сталинградской битвы русское население полностью убедилось в целях и задачах гитлеровской политики. Жители городов и деревень всячески оказывали посильную помощь советскому сопротивлению.

В условиях перелома в Великой Отечественной войне, несмотря на все трудности, партизанские отряды значительно активизировали свою деятельность. Весной 1943 г. советское командование поставило перед ними ряд первостепенных задач:

1. Шире развертывать пламя партизанской борьбы, поднимая на вооруженную борьбу все население оккупированных районов, создавать и развивать партизанские резервы из числа местных жителей.

2. Широким развертыванием агитации и пропаганды разоблачать лживость различных гитлеровских акций, одновременно показывая и раскрывая перед населением суть «нового фашистского порядка».

3. Шире и смелее вести работу по разложению полицейских формирований и отрядов так называемой «Народной армии», сформированной из бывших советских военнопленных для борьбы с партизанами. Добиваться массового перехода на сторону партизан обманутых людей и вовлечение их в активную борьбу с немецкими захватчиками.

4. Уничтожать боевую силу и технику противника.

5. Всеми мерами защищать мирное население от расстрелов и угона в немецкое рабство, а их имущество – от расхищения и уничтожения¹⁸.

Из этого распоряжения видно, что одним из основных вопросов, который стоял перед советским сопротивлением, было взаимоотношение с мирным населением, оказание ему посильной помощи.

Так, в районе поселка Идрица (Калининская область) проживало большое количество беженцев из Ленинградской области. В мае 1943 г. немцы провели перепись населения и отобрали 500 человек для отправки на работу в Германию. Партизаны приняли активные меры для спасения этих людей. Ими было распространено свыше 200 листовок, а советские агитаторы дали квалифицированные советы, где можно найти безопасное укрытие от немецких властей.

Результаты этих действий были налицо для всех: отправка железнодорожного эшелона с русскими гражданами в Германию была сорвана, а более 100 семей переехало на новое местожительство, в указанные партизанами места.

Командование партизанских отрядов вело суровую борьбу с мародерством. Особо строго наказывалось незаконные реквизиции у семей красноармейцев и партизан. К виновным применялись все меры воздействия, вплоть до расстрела¹⁹.

В это время резко активизировалась работа по разложению различных коллаборационистских формирований. Центральный штаб партизанского движения призвал партизан: «Не давать изменникам и предателям Родины, поддерживающим немецких оккупантов, поворачивать на свою сторону всех тех, кто обманом, или из-за страха голодной смерти и террора, или, сбившись с правильного пути, оказался на службе у немцев. Широко пропагандировать, что каждый перешедший на сторону партизан имеет полную возможность заслужить прощение русского народа и для этого он должен повернуть оружие против немецких захватчиков»²⁰.

Партизаны 1-й Калининской партизанской бригады обратились к солдатам РОА с обращением «О переходе на сторону партизан с оружием в руках». Среди власовцев было распространено 180 экземпляров этой прокламации. Благодаря этой работе более 100 человек, русские, украинцы и армяне, группами и поодиночке, с оружием в руках перешли на сторону народных мстителей²¹.

Вся политическая организационная работа советского сопротивления летом 1943 г. была направлена на усиление партизанского движения и подготовку всенародного восстания в тылу врага. Население ориентировалось на проведение диверсий, саботаж политических и экономических мероприятий оккупационных властей. Для выполнения этих задач партизаны и подпольщики давали задания конкретным лицам срывать то или иное мероприятие гитлеровцев.

Кроме распространения печатной продукции и регулярных встреч с населением, партизаны выдавали своим агентам из числа местных жителей специальные штампы с лозунгами, разоблачавшими «новый порядок» гитлеровцев. Они предназначались для надпечатывания немецких приказов, распоряжений, листовок в местах дислокации вермахта. На них стояло: «Не верьте фашистской лжи!», «Очередная гитлеровская ложь!», «Смерть немецким оккупантам!», «Идите в партизанские отряды!», «Да здравствует Советская власть!»²²

Русские люди, ободренные успешным наступлением Красной Армии, начали активно саботировать распоряжения и приказы оккупационных властей по выполнению разного рода налогов и мероприятий по принудительной трудовой повинности. Жители деревень и поселков зарывали продукты и ценности в землю, а сами уходили в леса, к партизанам, скрываясь от гитлеровцев и их пособников. Силы же советского сопротивления стали регулярно снабжаться продуктами питания. Весной 1943 г. только на оккупированной территории Калининской области успешно прошел сбор средств в фонд обороны страны. Население собрало и передало через партизан на строительство танковой колонны «Калининский партизан» 1 044 555 рублей денег, не считая изделий из золота и серебра²³.

Советская пропаганда лишь тогда смогла наилучшим образом выполнить свою задачу по распространению политической культуры, когда в своей деятельности она стала сочетать

объективность, учёт местных условий, откровенность и честность. Защищаясь от идеологического давления противника, она создала мировоззренческие и психологические барьеры на пути восприятия пропаганды врага жителями оккупированных территорий. Фашистские пропагандистские акции, тщательно подготовленные и направленные на разложение населения, умело, и систематически разоблачались советской стороной, вскрывалась вся система их методов и средств. Можно полностью согласиться с утверждением Н. Д. Козлова о том, что: «Моральный дух советского народа по источникам, содержанию, направленности, устойчивости и последствиям коренным образом отличался от духовных сил противника и стал важнейшим источником победы над ним»²⁴. Это и стало высшим проявлением политической культуры антифашистского сопротивления в годы Великой Отечественной войны.

- 1 Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. далее – ЦГА ИПД СПб.), Ф. 0–116, Оп. 12. Д. 8. Л. 7.
- 2 Там же.
- 3 Там же. Д. 25. Л. 15.
- 4 Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). Ф. П–52, Оп. 2. Д. 511. Л. 2.
- 5 Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 265. Оп. 1 Д. 11. Л. 259.
- 6 Там же. Л. 360.
- 7 Там же.
- 8 Там же. Л. 272–272 об.
- 9 ГАОО, Ф. П–52, Оп. 2. Д. 12. Л. 19–73.
- 10 Государственный архив новейшей истории Новгородской области (далее – ГАНИНО), Ф. 260. Оп. 1. Д. 106. Л. 3.
- 11 ЦГА ИПД СПб. Ф. 0–116. Оп. 1. Д. 156. Л. 1.
- 12 ГАНИНО. Ф. 1667. Оп. 2. Д. 416. Л. 35.
- 13 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 911. Л. 73.
- 14 ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1, Д. 106. Л. 7.
- 15 Там же. Д. 204. Л. 56.
- 16 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 911. Л. 67.
- 17 Там же.
- 18 РГАСПИ. Ф. 265. Оп. 1. Д. 11. Л. 283.
- 19 Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 911. Л. 13.
- 20 Там же. Д. 15. Л. 11.
- 21 Там же. Д. 911. Л. 15.
- 22 ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1, Д. 193. Л. 101.
- 23 РГАСПИ. Ф. 265. Оп. 1. Д. 11. Л. 280.
- 24 *Козлов Н. Д. С волей к победе. СПб., 2002. С. 222.*

Т. Н. Наумова

**Роль правоохранительных органов
в формировании правовой культуры в 1970-х годах
(на материалах северо-запада РСФСР)**

Правое сознание дает представление о духовных ценностях личности и общества с субъективной стороны. Они выражаются в чувствах, представлениях, идеях. Чтобы уяснить механизм правового воздействия на общественные отношения, необходимо освоить такую категорию, как правовая культура.

Сегодня как никогда ранее возрастает значимость изучения теоретических и практических аспектов правовой культуры, поскольку правовая культура – многозначная характеристика одной из важнейших сторон жизни общества. Правовая культура как совокупность духовных ценностей в сфере права помогает перекинуть мост между поколениями и обеспечить преемственность правового развития общества и государства. Правовая культура представляет собой уникальное по сложности и богатству содержания комплексное явление, обладающее специфической внутренней структурой и системой взаимосвязей с другими социальными явлениями.

Существует многообразие подходов к трактовке как самой категории «правовая культура», так и ее структурных компонентов,

содержания, функций. Очевидно, что правовая культура отражает не только субъективную сторону правового поведения личности, но и материализацию идей, чувств, представлений как осознанной необходимости и внутренней потребности. Правовая культура, в отличие от правового сознания, содержит лишь то, что есть в правовых явлениях относительно прогрессивного, социально-полезного, ценного. Нормативно-правовые акты или иные источники права, закрепляющие произвол, противоправное поведение и т. п., в нее не входят. Правовая культура – это не только результат, но и способ деятельности, и в этом смысле духовная правовая культура понимается как образ мышления, нормы и стандарты поведения применительно к личности и выражается в ее менталитете. Только обращение к правовой культуре позволяет понять механизм превращения сознания, в частности правосознания, в явление, объективно доступное изучению и участвующее в создании прогресса в обществе.

Категория правовой культуры до 1960-х годов практически не исследовалась ни в общей теории государства и права, ни в отраслевых юридических науках. В юридической литературе первые попытки определения правовой культуры были ориентированы на субъективные, интеллектуальные элементы – уровень знания и понимания права и т. д.

Одной из первых к анализу понятия правовой культуры обратилась Е. А. Лукашева. Следует отметить, что в то время в советской юридической науке главенствовало понятие «социалистическая правовая культура». Соизмеряя данное понятие с правосознанием, она пришла к выводу, что правовая культура представляет собой определенное отношение людей к праву, выражающее знание и понимание права, а также сознание необходимости выполнить все его требования¹, т. е. усматривала существо понятия юридической культуры в двух моментах – «информационном» (степень знания и понимания права) и «императивном» (степень сознания необходимости выполнения требований правовых норм).

Проведенное истолкование правовой культуры получило свое последующее развитие и дальнейшее обоснование в книге Е. В. Аграновской. Автор указала, что правовая культура социалистического общества – это элемент его общей культуры, представляющий специфический способ человеческого существования в правовой сфере: способы правового регулирования общественных

отношений, формы взаимодействия субъектов общественных отношений, их социально-психологическое отношение к явлениям правового порядка².

Существо взглядов С. С. Алексеева по данному вопросу формулировалось следующим образом: «Правовая культура складывается из двух основных элементов: во-первых, правовая культура включает интеллектуальный момент. Он характеризует степень знакомства людей с правом, его понимания; во-вторых, правовая культура включает начало законности. Необходимо не только знать и понимать право, но и уважать его, признавать для себя обязательным соблюдение всех его требований»³.

С течением времени взгляды С. С. Алексеева не претерпели существенных изменений. Правовая культура, по его мнению, есть общее состояние «юридических дел» в обществе, т. е. состояние законодательства, положения и работы суда, всех правоохранительных органов, правосознания всего населения страны, выражающее уровень развития права и правосознания, их место в жизни общества, усвоение правовых ценностей, их реализацию на практике, осуществление требования верховенства права⁴.

По мнению В. И. Каминской и А. Р. Ратинова, под правовой культурой следует понимать систему овеществленных и идеальных элементов, относящихся к сфере действия права и к их отражению в сознании и поведении людей. В структуре правовой культуры они выделили такие крупные элементы, как право, правоотношения, правосознание, правовое поведение, деятельность, правовые учреждения и институты⁵.

А. П. Семитко связывал правовую культуру с институтом личности и идеей права. Он предложил понимать под правовой культурой общества обусловленное социально-экономическим и политическим строем качественное состояние правовой жизни, выражающееся в достигнутом уровне развития юридических актов и иных текстов правового характера, уровне правовой деятельности, правосознания и в целом правового развития субъекта, а также степени гарантированной государством свободы поведения личности в единстве с ответственностью ее перед обществом.⁶

В. П. Сальников избрал основной научной темой проблемы правовой культуры и пути ее формирования. Этому были посвящены его кандидатская («Правовая культура и поведение советских граждан», 1980 г.) и докторская («Правовая культура: теоретико-

методологический аспект», 1990 г.) диссертации, а также значительная часть опубликованных научных и учебно-методических работ.

Правовая культура, по мнению В. П. Сальникова, «есть особое социальное явление, которое может быть воспринято как качественное правовое состояние и личности, и общества, подлежащее структурированию по различным основаниям»⁷. Правовая культура не возможна без деятельности человека. В то же время правовая культура безжизненна без преемственности всего лучшего из прошлой истории и без перспективного значения ее функционирования в настоящем.

Профессор В. В. Лазарев выделил четыре разновидности проявления правовой культуры: правовые идеи, правовые нормы и институты, правовые поступки, правовые учреждения. Он справедливо подчеркнул, что правовая культура предполагает высокое качество правотворческого процесса, реализации права; достаточный уровень правового мышления и психологического восприятия правовой реальности; осознание специфических способов правовой деятельности правоохранительных органов; результатов реализации требований законности в виде устойчивого и стабильного правопорядка. Лазарев определяет правовую культуру как качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне совершенства правовых актов, правовой и правоприменительной деятельности, правосознания и правового развития личности, а также в степени свободы ее поведения и взаимной ответственности государства и личности, положительно влияющих на общественное развитие и поддержание самих условий существования общества⁸.

Т. В. Синюкова рассматривала правовую культуру как совокупность норм, ценностей, юридических институтов, процессов и форм, выполняющих функцию социоправной ориентации в конкретном обществе (цивилизации)⁹.

П. П. Баранова и В. В. Денисенко считают, что правовая культура есть целостное явление, взятое в единстве составляющих его элементов: объективного и субъективного права, правовых отношений, законности и правопорядка, правовой деятельности, правовой информированности, уважения к праву, активной жизненной позиции в сфере права¹⁰.

Обобщая изложенные точки зрения, можно заключить, что правовая культура – одна из форм социально-значимой творческой

деятельности людей в сфере государственно-правовых отношений, выраженная в правовых нормах, институтах и способности оценки данных явлений.

Правовая культура – явление более широкое и емкое, чем просто надлежащий уровень правосознания; главное в правовой культуре – высокое развитие всей правовой системы, достойное место права в жизни общества, осуществление его верховенства и соответствующее этому положение дел во всем «юридическом хозяйстве» страны (подготовка и статус юридических кадров, роль юридических служб государственной системе, развитость научных исследований по вопросам права, уровень правового образования населения и т. д.)

Правоохранительные органы наряду с другими активно занимались повышением правовой культуры граждан. Прокуратурой, отделом внутренних дел и городским судом составлялись совместные перспективные планы мероприятий по борьбе с преступностью, которые утверждались партийными органами. Периодически проводились межведомственные совещания, являющиеся одной из форм коллегиального руководства по укреплению правопорядка.

В Отчетном докладе Центрального Комитета КПСС XXIV съезду, сделанном Л. И. Брежневым, было подчеркнуто, что укрепление законности и улучшение правового воспитания трудящихся – дело не только государственного аппарата, но и партийных организаций, профсоюзов, комсомола, что уважение к закону должно стать личным убеждением каждого человека¹¹.

15 сентября 1970 г. ЦК КПСС принял специальное Постановление «О мерах по улучшению правового воспитания трудящихся»¹² в котором отмечалось, что в современных условиях первостепенное значение приобретает воспитание высокого правосознания, юридической осведомленности населения, что усиление правового воспитания и укрепление социалистической законности составляют одну из важных государственных задач.

23 октября 1970 г. вышло постановление бюро Новгородского обкома КПСС «О мерах по улучшению правового воспитания трудящихся», обязавшее, в числе иных мероприятий, правоохранительные органы разработать главные направления по улучшению пропаганды правовых знаний.

Руководствуясь требованиями о комплексном подходе к постановке правового воспитания, работники судов, прокуратуры, мили-

ции, адвокатуры и юстиции проводили свою работу в тесном контакте с организациями общества «Знание» и широко использовали различные приемы и формы правовой пропаганды: цикловые и разовые лекции и беседы, лектории, вечера вопросов и ответов, дни правовых знаний, средства массовой информации и т. д.

22 июля 1970 г. в г. Старая Русса состоялось межведомственное совещание работников суда, прокуратуры и милиции, на котором был обсужден вопрос об итогах работы административных органов области за 1 полугодие 1970 г. и задачах по усилению борьбы с преступностью. Также 23–24 июля в г. Старая Русса прошла теоретическая конференция на тему «Организация работы по предупреждению правонарушений в городе и районе»¹³.

Президиум областного суда в связи с вопросом «О задачах судебных органов области в свете постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 30 июля 1970 г. № 634 “О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов”, постановил: усилить пропаганду советских законов и правовое воспитание населения, особенно молодежи. В этих целях систематически выступать среди населения с лекциями и докладами на правовые темы, использовать печать и радио¹⁴.

В городах и районах области работало в 1971–1972 учебном году работало 16 народных университетов правовых знаний, объединявших 38 факультетов, в которых занимались 5 125 человек. В их числе: внештатные сотрудники милиции, командиры дружин, начальники и дежурные штабов ДНД, председатели товарищеских судов и другие категории работников.

УВД Новгородского облисполкома с июля 1971 г. по декабрь 1972 г. провело смотр на лучший районный (городской) отдел внутренних дел по организации правовой пропаганды. Большинство горрайорганов внутренних дел в проведение смотра включилось своевременно и активно. Смотр способствовал значительному увеличению количества читаемых лекций для населения. За 10 месяцев 1972 г. сотрудниками органов внутренних дел было прочитано 5472 лекции, в том числе 4901 – в коллективах трудящихся и 571 – для личного состава¹⁵. Усилился контроль за качеством читаемых лекций. В период смотра, в целях усиления пропаганды правовых знаний, более активно использовались возможности местной печати и радио. Если за весь 1971 г. в областной и районных газетах было помещено 593 материала, связанных с деятельностью органов

внутренних дел, и 130 корреспонденций передано по радио, то за 10 месяцев 1972 г. в газетах было опубликовано 657 материалов и передано по радио – 226¹⁶.

Возросло количество отчетов сотрудников органов милиции перед трудящимися и местными советами. В 1972 г. в области было проведено 754 отчета против 550 отчетов в 1971 г. Проведено 76 вечеров вопросов и ответов¹⁷.

С целью повышения юридических знаний личного состава в горрайорганах внутренних дел было организовано чтение лекций и докладов, проведено восемь теоретических конференций. Значительная часть начальствующего состава занимается в семинарах по изучению правовых вопросов. Отделом по политико-воспитательной работе УВД о цели оказания помощи горрайорганам в проведении правовой пропаганды за период смотра были направлены в горрайотделы материалы к лекциям и беседам на темы: «О моральном облике сотрудника органов внутренних дел», «Охрана общественного порядка – дело всех трудящихся», «Пьянство и алкоголизм – путь к преступлению», «55 лет на страже общественного порядка» и другие, а также методические материалы по организации воспитательной работы с личным составом и по вопросам политической учебы.

Наиболее организованно, при широком использовании различных форм правовой пропаганды, прошел смотр в городе Старая Русса и Старорусском районе. Здесь за 10 месяцев 1972 г. сотрудники ГОВД выступили перед населением 446 раз (286 выступлений за 10 месяцев 1971 г.). В городе работали университет правовых знаний, лектории при школах и в кинотеатре «Россия», радиолекторий. Проводились вечера вопросов и ответов, отчеты сотрудников отдела перед трудящимися.

Смотр вместе с тем показал, что в организации правовой пропаганды имели место и существенные недостатки. Во многих горрайорганах внутренних дел еще не все сотрудники из числа начсостава включились активно в правовую пропаганду. Значительное количество работников не выступало с лекциями, докладами и беседами в Новгородском городском, Новгородском, Окуловском и Маловишерском районных отделах внутренних дел. УВД приняло меры к устранению имеющихся недостатков и распространению положительного опыта работы по организации правовой пропаганды.

10 июля 1973 г. на заседании бюро ОК КПСС и облисполкома был разработан план мероприятий по предотвращению преступлений и правонарушений в области. Среди прочих вопросов он содержал пункты, касающиеся правового воспитания, а именно:

- провести областную научно-практическую конференцию на тему «Пути повышения эффективности взаимодействия государственных, административных и общественных организаций в работе по предупреждению правонарушений»;

- завершить работу по созданию при городских и районных обществах «Знание» народных университетов права. Принять меры к регулярному проведению в них занятий;

- организовать при домах культуры, клубах постоянные лектории «Человек и закон», «Товарищ и подросток»;

- разработать (полугодовые) тематические планы выступлений работников административных органов в печати и по радио по разъяснению действующего законодательства, прав и обязанностей граждан по охране правопорядка, роли и значения в деле защиты интересов государства и граждан от преступных посягательств¹⁸.

Хорошие результаты давали систематические выступления работников правоохранительных органов с лекциями на правовые темы. Так, работники аппарата областной прокуратуры за 1975 г. прочитали 193 лекций и бесед на правовые темы с охватом 12100 человек. Тематика лекций была разнообразная: алкоголизм и преступность; о социалистической законности; охрана социалистической собственности; трудовое право; гражданское право и т. д.¹⁹ В 1975 г. сотрудники органов внутренних дел провели 6588 выступлений на правовые темы²⁰. С 1971 по 1975 гг. члены областного суда проделали значительную работу по пропаганде правовых знаний и разъяснению законодательства среди населения. Это видно из следующих данных:

Год	Всего прочитано лекций	В районах области
1971	155	56
1972	226	88
1973	218	80
1974	168	58
1975	253	55

Новгородский областной суд в 1976 г. насчитывал 11 оперативных работников. Все они активно участвовали в работе по пропаганде правовых знаний. Согласно принятой установке, каждый оперативный работник должен прочитать ежемесячно 1–2 лекции. Во исполнение приказа министра юстиции и судов по совершенствованию пропаганды правовых знаний и разъяснению законодательства среди населения в свете решений 25 съезда КПСС членами областного суда в 1976 г. был разработан цикл лекций, посвященных пропаганде правовых знаний. В частности, И. К. Кудрявцевым была разработана лекция на тему «Задачи в области укрепления законности в свете решений 25 съезда КПСС», Н. И. Базырина разработала лекцию «Административная и уголовная ответственность несовершеннолетних».

Всего оперативными работниками областного суда в 1976 г. среди населения было прочитано 157 лекций, из них: в сельской местности – 32; О хищениях социалистической собственности – 12; О вреде пьянства и алкоголизма – 4; Для несовершеннолетних – 21; На тему трудового законодательства – 31; О роли товарищеских судов – 8; 25съезд КПСС – 13²¹.

Во всех районах области регулярно проводились занятия по разъяснению текущего законодательства с председателями товарищеских судов, народными заседателями, командирами добровольных народных дружин и руководителями опорных пунктов охраны общественного порядка. Для этой категории общественных работников было прочитано и проведено в 1978 году народными судьями 380 лекций и бесед, работниками прокуратуры – 101, облсуда – 36, адвокатуры – 81 лекция и беседа²².

Работники правоохранительных органов в правовоспитательной работе стали шире использовать печать и радио. Редакцией газеты «Новгородская правда» был создан общественный отдел по пропаганде социалистической законности и права, что во многом способствовало улучшению освещения вопросов пропаганды юридических знаний. Авторами статей на правовые темы являлись работники суда, прокуратуры и органов Министерства внутренних дел. В 1976 г. Недвецкий выступил по радио с информацией на тему: «Уголовная ответственность за незаконную охоту». В областной газете «Новгородская правда» в 1976г. были опубликованы 6 заметок и статей. Фундаментальная статья Н. К. Шванюкова «Подлинно демократические» была посвящена выборам народных су-

дей, вопросам организации народных судов, их задачам и роли в деле воспитания советских людей в духе уважения к закону и правопорядку, преданности родине. Л. М. Володина выступила со статьей «Охрана трудовых прав женщин» и другие. Кроме того, Н. К. Шванюков со статьей «Товарищеский суд» выступил в журнале «Политическая агитация». В этом же журнале в 1979 г. вышла статья прокурора Новгородской области, государственного советника юстиции 3-го ранга А. Алексашина «Соблюдать закон – долг и обязанность каждого», а также работа заместителя начальника УВД облисполкома А. Степанова «На страже закона и порядка».

Газета «Новгородский комсомолец» стала публиковать больше статей по проблемам охраны и предупреждения правонарушений среди молодежи и о деятельности органов внутренних дел. Например, в статье Л. Вукалова «Копилка с процентами» рассказывалось о положительном опыте работы детской комнаты милиции г. Старая Русса.

По областному радио систематически выступали работники правоохранительных органов. В 1976 г. работники прокуратуры, суда и органов внутренних дел выступили 1334 раза²³.

Правоохранительные органы активнее стали использовать в вопросах правового воспитания культурно-просветительные учреждения. Проводились недели показа фильмов на морально-правовые темы, перед киносеансами были организованы выступления работников суда, прокуратуры и милиции. Для молодежи в кинотеатре Новгорода «Россия», в ряде районных Домов культуры начали функционировать молодежные кинолектории «Человек, общество закон», на которых с лекциями выступали работники правоохранительных органов.

Так, в 1978 г. народными судьями в молодежных аудиториях было прочитано 138 лекций, работниками прокуратуры – 252, адвокатуры – 232, областного суда и отдела юстиции – 72, УВД – 1 195 лекций²⁴.

Работники правоохранительных органов выступали на курсах и семинарах пропагандистов, руководителей групп политинформаторов и агитколлективов. Пользовались популярностью выступления председателя областного народного суда Н. К. Шванюкова, заместителя начальника отдела юстиции облисполкома Т. И. Чуенковой, заместителя прокурора области А. С. Чугунова.

Безусловно, в работе правоохранительных органов по правовому воспитанию были и недостатки: в ряде правоохранительных отсутствовала деловая координация с другими юридическими органами, работа не всегда планировалась. Не везде использовалась популярная форма – вечеров вопросов и ответов. Также мало использовалось такое важное средство пропаганды права, как печать и радио. Не все работники правоохранительных органов активно участвовали в пропаганде права.

При всей важности правового воспитания и формирования правовой культуры граждан следует особо подчеркнуть непосредственное значение этих факторов для работников правоохранительных органов. От уровня правового воспитания и правовой культуры этих лиц зависит правильное понимание содержания законов, высокая эффективность их применения, умелая и четко организованная работа при осуществлении прав и обязанностей субъектов права, непримиримость к правонарушениям и всемерная помощь.

- ¹ Лукашева Е. А. О воспитании правосознания и правовой культуры в период развернутого строительства коммунизма // Советское государство и право. 1962. № 7. С. 41.
- ² Аcranовская Е. В. Правовая культура и обеспечение прав личности. М., 1988. С. 15.
- ³ Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. С. 176.
- ⁴ Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 51.
- ⁵ Каминская В. И., Ратинов А. Р. Правосознание как элемент правовой культуры // Правовая культура и вопросы правового воспитания. М., 1974. С. 42.
- ⁶ Семитко А. П. Правовая культура социалистического общества: сущность, противоречия, прогресс. Свердловск, 1990. С. 91.
- ⁷ Сальников В. П. Правовая культура // Теория государства и права. М., 2000. С. 629; Он же. Социалистическая правовая культура: методологические проблемы. Саратов, 1989; Он же. Правовая культура сотрудников милиции: Учеб. пособие. Л., 1983; Он же. Правовая культура // Актуальные проблемы теории права / Под ред. К. Б. Толкачева и А. Г. Хабибулина. Уфа, 1995.
- ⁸ Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В. В. Лазарева. М., 2000. С. 251.
- ⁹ Синукова Т. В. Правовая культура // Теория государства и права / Под ред. Н. И. Матусова, А. В. Малько. Саратов, 1995. С. 473.
- ¹⁰ Баранов П. П., Денисенко В. В. Правосознание в генезисе административно-деликтных отношений // Юрист – Правовед. 2001. № 1. С. 19.
- ¹¹ Материалы XXIV съезда КПСС. С. 80–81.
- ¹² Вопросы идеологической работы КПСС. Сборник документов (1965–1973). М., 1973. С. 295–300.

- ¹³ Государственный исторический архив Новгородской области. Ф. 3701. Оп. 11. Д. 942. Л. 11.
- ¹⁴ Там же. Д. 941. Л. 55.
- ¹⁵ Государственный архив новейшей истории по Новгородской области Ф. 260. Оп. 42. Д. 69. Л. 9.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. Л. 10.
- ¹⁸ Там же. Л. 16.
- ¹⁹ Государственный исторический архив Новгородской области. Ф. 3997. Оп. 3. Д. 957. Л. 48.
- ²⁰ Архив УВД. Ф. 6. Оп. 1. Д. 61. С. 38.
- ²¹ Государственный исторический архив Новгородской области. Ф. 3701. Оп. 11. Ед. хр. 1357. Л.5–13.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. Л. 17.

Сведения об авторах

Гревцов Юрий Иванович – доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Макарова Елена Александровна – кандидат исторических наук, доцент Новгородского государственного университета

Аракчеев Владимир Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент Псковского государственного педагогического университета

Седунова Светлана Юрьевна – кандидат экономических наук Псковского филиала Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов

Седунов Александр Всеволодович – кандидат исторических наук, доцент Псковского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России

Алексеева Марина Анатольевна – старший преподаватель Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого

Яковлева Ольга Александровна – кандидат исторических наук, доцент Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина

Ковалев Борис Николаевич – доктор исторических наук, профессор доцент Новгородского государственного университета

Туманова Анастасия Сергеевна – доктор юридических наук, профессор Тамбовского государственного университета имени Г.Р.Державина

Сафонов Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент Тамбовского филиала Московского университета МВД России

Нижник Надежда Степановна – доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского университета МВД России

Кулик Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета

Наумова Татьяна Николаевна – старший преподаватель Новгородского государственного университета

Программа «Межрегиональные исследования в общественных науках» была инициирована Министерством образования Российской Федерации, «ИНО-Центром (Информация. Наука. Образование)» и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) и Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) в 2000 г.

Целью Программы является расширение сферы научных исследований в области общественных и гуманитарных наук, повышение качества фундаментальных и прикладных исследований, развитие уже существующих научных школ и содействие становлению новых научных коллективов в области общественных и гуманитарных наук, обеспечение более тесного взаимодействия российских ученых с их коллегами за рубежом и в странах СНГ.

Центральным элементом Программы являются девять Межрегиональных институтов общественных наук (МИОН), действующих на базе Воронежского, Дальневосточного, Иркутского, Калининградского, Новгородского, Ростовского, Саратовского, Томского и Уральского государственных университетов. «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» осуществляет координацию и комплексную поддержку деятельности Межрегиональных институтов общественных наук.

Кроме того, Программа ежегодно проводит общероссийские конкурсы на соискание индивидуальных и коллективных грантов в области общественных и гуманитарных наук. Гранты предоставляются российским ученым на научные исследования и поддержку академической мобильности.

Наряду с индивидуальными грантами большое значение придается созданию в рамках Программы дополнительных возможностей для профессионального развития грантополучателей Программы: проводятся российские и международные конференции, семинары, круглые столы; организуются международные научно-исследовательские проекты и стажировки; большое внимание уделяется изданию и распространению результатов научно-исследовательских работ грантополучателей; создаются условия для участия грантополучателей в проектах других доноров и партнерских организаций.

Адрес: 107078, Москва, Почтамт, а/я 231

Электронная почта: info@ino-center.ru,

Адрес в Интернете: www.ino-center.ru, www.iriss.ru

Министерство образования и науки Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, проводящим государственную политику в сфере образования, научной, научно-технической и инновационной деятельности, развития федеральных центров науки и высоких технологий, государственных научных центров и наукоградов, интеллектуальной собственности, а также в сфере молодежной политики, воспитания, опеки, попечительства, социальной поддержки и социальной защиты обучающихся и воспитанников образовательных учреждений.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет координацию и контроль деятельности находящихся в его ведении Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам, Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, Федерального агентства по науке и инновациям и Федерального агентства по образованию.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет свою деятельность во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями.

АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» – российская благотворительная организация, созданная с целью содействия развитию общественных и гуманитарных наук в России; развития творческой активности и научного потенциала российского общества.

Основными видами деятельности являются: поддержка и организация научных исследований в области политологии, социологии, отечественной истории, экономики, права; разработка и организация научно-образовательных программ, нацеленных на возрождение лучших традиций российской науки и образования, основанных на прогрессивных общечеловеческих ценностях; содействие внедрению современных технологий в исследовательскую работу и высшее образование в сфере гуманитарных и общественных наук; содействие институциональному развитию научных и образовательных институтов в России; поддержка развития межрегионального и международного научного сотрудничества.

Институт имени Кеннана был основан по инициативе Джорджа Ф. Кеннана, Джеймса Билдингтона, и Фредерика Старра как подразделение Международного научного центра имени Вудро Вильсона, являющегося официальным памятником 28-му президенту США. Кеннан, Биллингтон и Старр относятся к числу ведущих американских исследователей российской жизни и научной мысли. Созданному институту они решили присвоить имя Джорджа Кеннана Старшего, известного американского журналиста и путешественника XIX века, который благодаря своим стараниям и книгам о России сыграл важную роль в развитии лучшего понимания американцами этой страны. Следуя традициям, институт способствует углублению и обогащению американского представления о России и других странах бывшего СССР. Как и другие программы Центра Вудро Вильсона, он ценит свою независимость от мира политики и стремится распространять знания, не отдавая предпочтение какой-либо политической позиции и взглядам.

Корпорация Карнеги в Нью-Йорке (США) основана Эндрю Карнеги в 1911 г. в целях поддержки «развития и распространения знаний и понимания». Деятельность

Корпорации Карнеги как благотворительного фонда строится в соответствии со взглядами Эндрю Карнеги на филантропию, которая, по его словам, должна «творить реальное и прочное добро в этом мире».

Приоритетными направлениями деятельности Корпорации Карнеги являются: образование, обеспечение международной безопасности и разоружения, международное развитие, укрепление демократии.

Программы и направления, составляющие ныне содержание работы Корпорации, формировались постепенно, адаптируясь к меняющимся обстоятельствам. Принятые на сегодня программы согласуются как с исторической миссией, так и наследием Корпорации Карнеги, обеспечивая преемственность в ее работе.

В XXI столетии Корпорация Карнеги ставит перед собой сложную задачу продолжения содействия развитию мирового сообщества.

Фонд Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) – частная благотворительная организация, основанная в 1978 г. Штаб-квартира Фонда находится в г. Чикаго (США). С осени 1992 г. Фонд имеет представительство в Москве и осуществляет программу финансовой поддержки проектов в России и других независимых государствах, возникших на территории бывшего СССР.

Фонд оказывает содействие группам и частным лицам, стремящимся добиться устойчивых улучшений в условиях жизни людей. Фонд стремится способствовать развитию здоровых личностей и эффективных сообществ; поддержанию мира между государствами и народами и внутри них самих; осуществлению ответственного выбора в области репродукции человека; а также сохранению глобальной экосистемы, способной к поддержанию здоровых человеческих обществ. Фонд реализует эти задачи путем поддержки исследований, разработок в сфере формирования политики, деятельности по распространению результатов, просвещения и профессиональной подготовки, и практической деятельности.

Научное издание

**ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ
КУЛЬТУРЫ РОССИИ.
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ВЛИЯНИЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО ФАКТОРА**

**Часть 3. Эволюция государственных институтов
как фактор развития политической и правовой культуры:
историческая перспектива и региональный аспект**

Коллективная монография

Редактор В. И. Макаров

Компьютерная верстка Е. В. Горбачева

Лицензия ЛР № 020815 от 21.09.1998.

Подписано в печать 20.09.2006. Тираж 500 экз.

Физ. печ. л. 11,0. Уч.-изд. л. 12,5. Формат 60 * 90 ¹/₁₆. Гарнитура *Times New Roman*.
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого.
173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41.

Лицензия ПЛД № 56–39.

Отпечатано в ЗАО «Новгородский ТЕХНОПАРК».

173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41; тел. (816 2) 62-78-88.